

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РАН

**ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ
СТРАН ЗАПАДА И РОССИЯ**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ В ИМЭМО РАН
20-21 АПРЕЛЯ 2009 г.

Москва
ИМЭМО РАН
2009

УДК 316.4
338.1

ББК 66.3(2Рос)12
65.9(2Рос)-97
Гло 547

Серия «Библиотека Института мировой экономики и
международных отношений» основана в 2009 году.

Гло 547

Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической ста-
бильности: опыт стран Запада и Россия. Материалы конференции в ИМЭМО
РАН, 20-21 апреля 2009 г. Отв. редактор Н.В.Загладин; подготовка материалов
сборника к печати - Катагарова В.И. М., ИМЭМО РАН, 2009 - 146 с.

ISBN 978-5-9535-0204-7

В сборник включены расширенные тексты выступлений участников конферен-
ции «Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической ста-
бильности: опыт стран Запада и Россия». Они стремились проанализировать воз-
можные последствия глобального кризиса в социально-политической и социально-
экономической сферах общественной жизни развитых стран, включая Россию. Осо-
бое внимание уделялось проблеме новых вызовов безопасности, как на междуна-
родной арене, так и в рамках отдельных государств, возможностям их преодоления.

**Global Crisis and the Problems of Providing social-political stability: the
Western countries experience and Russia**

This compendium of papers includes the enlarged statements of the conference
“Global Crisis and the problems of providing social-political stability: the Western countries
experience and Russia” participants. They tried to analyze the possible effects of global
crisis on social-political and social-economic development of advanced countries of the
world, including Russia. Special attention was paid to new challenges to international and
national security, possible ways to improve the situation.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0204-7

© ИМЭМО РАН, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Вступительное слово директора ИМЭМО РАН академика Дынкина А.А.	6
Часть I. Проблемы методологии изучения феномена глобального кризиса; субъекты кризиса и акторы борьбы с кризисом: возможное изменение их ролей	8
Пантин В.И. Методологические проблемы исследования кризисов в общественном развитии.....	8
Семененко И.С. «Возвращение» государства в условиях кризиса: новые параметры «общественного договора».....	12
Перегудов С.П. Бизнес и власть как основные акторы на входе и выходе из кризиса: Запад и Россия.....	21
Каменская Г.В. Глобальный кризис: технологический или идеологический подход.....	30
Часть II. Проявления кризиса в ведущих странах мира и его возможные последствия	38
Холодковский К.Г. Проблема адекватности антикризисной политики развитых стран и реакция населения	38
Вайнштейн Г.И. К вопросу о политических последствиях кризиса.....	44
Лапкин В.В. Политические предпосылки современного глобального кризиса и его возможные последствия на постсоветском пространстве.....	50
Хесин Е.Б. Ситуация в Великобритании.....	55
Преображенская А.А. Особенности кризиса во Франции.....	60
Черкасова Е.Г. Испания: особенности кризиса (политический аспект).....	66
Часть III. Влияние глобального кризиса на международные отношения	70
Соловьев Э.Г. Российско-американские отношения на фоне глобального финансового кризиса.....	70
Загладин Н.В. Глобальный кризис и формирование новой структуры миропорядка.....	76

Часть IV. Глобальный кризис и Россия.....	80
Шейнис В.Л. Кризис и проблемы российского государства и общества	80
Шепова Н.Я. Глобальный кризис и реформа в Вооруженных Силах РФ.....	91
Садовая Е.С. Российский рынок труда: условия преодоления кризиса.....	99
Сауткина В.А. Проблемы качества занятости и пути оптимизации кадрового потенциала в инновационной сфере.....	107
Хохлова М.Г. Безработные в условиях современного кризиса: производственный потенциал или источник социальной напряженности (опыт 1990-х гг.).....	112
Часть V. Факторы социально-экономической и общественно-политической стабильности и нестабильности в условиях кризиса.....	117
Цапенко И.П. Иммиграция: влияние на социально-экономическую обстановку и возможности выхода из кризиса развитых стран.....	117
Путилин Б.Г. Кризис и международный терроризм.....	124
Косолапов Н.А. Контролируемая дестабилизация как метод макросоциального управления: возможности, издержки, перспективы.....	129
Байгушкин А.И. Иницилируемая политическая нестабильность как метод возможного преодоления финансового кризиса.....	136
Заключение (Загладин Н.В.).....	144

ВВЕДЕНИЕ

По инициативе Центра сравнительных социально-политических и социально-экономических исследований ИМЭМО РАН 20-21 апреля 2009 г. была проведена конференция на тему: «ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ СТРАН ЗАПАДА И РОССИЯ». Участникам конференции были предложены следующие вопросы для обсуждения.

I. Проблемы разработанности методологии изучения феномена глобального кризиса; субъекты кризиса и акторы борьбы с кризисом: возможное изменение их ролей.

II. Оценка степени глубины и продолжительности глобального кризиса; следует ли ожидать, что он приведет к катастрофическому падению уровня и качества жизни в ведущих странах мира, стремительному росту безработицы и социальных противоречий?

III. Можно ли считать действия правительств США, государств ЕС, России, Украины и других по борьбе с кризисом адекватными ситуации и готовы ли граждане этих стран считать их таковыми? Если учитывать опыт глобального кризиса 1929-1932 гг., приведшего к качественным переменам во многих странах мира («новый курс» Ф.Д. Рузвельта в США, смена политического режима в Германии, изменения в политике Японии), то можно ли ожидать существенных и сущностных перемен в политических процессах в ведущих странах современного мира? Если да, то к каким социально-политическим и социокультурным последствиям это приведет?

IV. Существует ли опасность, что трудности отдельных стран (в частности, России, Украины, иных государств) будут использованы внешними и внутренними экстремистскими силами и движениями для их политической дестабилизации?

V. Как может измениться роль США, Евросоюза, России, Китая, Индии и Японии в мире после глобального кризиса?

В конференции приняли участие сотрудники ИМЭМО РАН и Института военной истории МО РФ.

Директор ИМЭМО РАН, академик РАН А.А. Дынкин

Вступительное слово на открытии конференции

Конференция проходит в правильное время и в правильном месте. Финансовый кризис сказывается на архитектуре международных политических, экономических отношений, положении дел в области безопасности. Все в мире достаточно динамично меняется. Это было наглядно видно хотя бы по вполне предсказуемым итогам недавно закончившейся встречи Организации американских государств.

Если вам удастся, хотя бы в общем виде, наметить несколько сценариев изменения мировой ситуации, вы внесете значительный вклад в нашу работу. В ближайшее время мы начинаем новый цикл исследований по долгосрочному прогнозированию в нашем институте и впервые попытаемся, помимо стандартных методик экономического прогнозирования, как минимум треть работы посвятить социально-экономическим и политологическим прогнозам, что, как вы понимаете, неизмеримо сложнее и требует отработки новых подходов.

Несколько слов по текущему кризису. Я считаю неправомерным проводить аналогии с кризисом 1929-1933 гг. поскольку, во-первых, мы живем в условиях глобализации. Во-вторых, возможности современного государства намного выше, чем это было до второй мировой войны. В-третьих, на международной арене появилась масса новых акторов, которых не было в прошлом. Так что сравнения выглядят натянутыми, хотя сегодня в Институте всеобщей истории открывается конференция «Кризис 1929-1933 гг. и его значение для борьбы с текущим кризисом».

Первым докладчиком у нас сегодня выступает Пантин В.И., а ему в 2006 году удалось сделать очень точное и верное предсказание относительно текущего кризиса. Хотелось бы, чтобы все об этом знали, это было блестящее научное предвидение.

Теперь несколько слов о том, что происходит. Вы знаете, что были две встречи стран «двадцатки», в Вашингтоне и Лондоне. Мы активно участвовали в подготовке материалов для этой встречи. Они были достаточно высоко оценены. Конечно, согласование позиций двадцати стран дело сложное, очень сложное, поскольку страны имеют разнонаправленные интересы. Начался второй этап глобализации, в ходе которого появились новые страны-лидеры, новые страны-бенефициары, и он протекает отнюдь не легче, чем первый. Преуспевающие в настоящее время государства, в частности Китай, ведут себя не менее жестко, чем страны-лидеры первого этапа. Одна из идей, которую мы пытались реализовать, это идея ограничения деятельности оффшорных зон, поскольку деструктивные финансовые инновации, связанные с деривативами, не могли бы быть реализованы без деятельности оффшоров. И эту идею полностью заблокировал Китай, потому что он активно использует оффшорные зоны Макао и Гонконг.

Нас от стран «двадцатки» отличает то, что почти все они в условиях кризиса снизили учетную ставку банковского процента, хотя и по-разному, в зависимости от состояния экономики. Мы с декабря 2008 г. эту ставку повысили. Я ее нахожу очень высокой и, на мой взгляд, эта ставка никак не влияет на тот уровень инфляции, с которым мы сталкиваемся. По этому пути вместе с нами идут такие страны, как Украина, Белоруссия, Азербайджан, Дания, которая не вступила в еврозону, и Исландия. Для последней итоги известны.

Что еще важно отметить? Вы знаете, что существуют публицистические оценки, согласно которым этот кризис означает конец капитализма. На мой взгляд, это не соответствует действительности, хотя Н. Саркози всех удивил, потребовав, чтобы

французский патронат и профсоюзы договорились о справедливом распределении прибыли, треть должна идти на развитие, треть – инвесторам, акционерам и треть – занятым. Я не знаю, как это будет реализовано, но президент Франции пригрозил, что если до первого июля этого не будет сделано, то он начнет пересмотр законодательства. На мой взгляд, это самый радикальный подход, о других подобных «прорывных» предложениях я не слышал. Если же посмотреть на нашу контрциклическую политику, а тут мы ведем еженедельный мониторинг, и сравнить ее с политикой стран «семерки», то у нас есть существенные отличия. Например, мы до сих пор не ввели ограничения на выплату зарплат и премий топ-менеджерам, что сделало большинство этих государств.

Если говорить о перспективах, то конечно, роль проблем энергетики, экологии и климата будет играть возрастающую роль. В этой связи нам необходимо дать новые прогнозы и оценки. Например, до кризиса был популярен тезис о конце эпохи дешевой нефти, он был аксиомой, не подвергающейся сомнению. Сегодня же обсуждается «energy mix», сочетание различных компонентов энергетического баланса. От того, каким он будет, во многом зависит будущей облик мировой экономики. Во время поездки в Японию я ознакомился с ситуацией в этой стране, там очень глубокий кризис, официальная оценка спада ВВП на 2009 г. -6,5 %, есть и более катастрофические предположения. Авторитетные японские экономисты, рассуждая о перспективах развития Японии, выдвигают нетрадиционные, неортодоксальные идеи. Например, о том, что Япония должна превратиться в некий мировой культурный центр, где основным товаром на рынке станет «экономика впечатлений». Это организация различных фестивалей, выставок, концертов и так далее, поскольку с точки зрения энергетики и экологии это наиболее чистый продукт. Японцы об этом достаточно серьезно рассуждают на уровне исполнительной власти, в политических кругах и даже в парламенте.

Еще одна новая реальность современности - это, как их сейчас начинают называть, «атипичные деструктивные силы». Это, например, пираты Сомали, с которыми, как вы знаете, все международное сообщество не может справиться. Даже Китай впервые послал свой военно-морской флот к берегам Сомали, хотя это, скорее всего, символический жест глобального присутствия. Продолжает стоять вопрос – как с такими силами бороться, как бороться с наркотраффиком, который представляет для нас чрезвычайную угрозу. Есть сценарии развития международной ситуации, при которой «Талибан», в случае развала Пакистана, сможет стать ядерным. Как к этому относиться?

Если говорить о технологических инновациях, меняющих облик мира, то тут тоже видны драматические изменения. Я полагаю, что финансовый кризис, с которым мы столкнулись, это результат таких финансовых инноваций, за которыми не поспевало ни национальное, ни международное финансовое регулирование. На мой взгляд, нечто похожее намечается в сфере биотехнологий. Вы знаете, было совершено такое открытие как расшифровка генома человека, десять лет назад она стоила десятки миллионов долларов, сегодня - десятки тысяч, но многие мои коллеги, которые этим занимаются, говорят, что чрез 5-7 лет такая расшифровка будет стоить около одной тысячи долларов. И за этим просматриваются огромные перемены для экономики, этики, социальной сферы. Представьте себе, что ваш работодатель может потребовать не только клинический анализ крови, но и ваш геном. И вы становитесь абсолютно прозрачным с точки зрения заболеваний ваших предков, ваших будущих заболеваний, ваших наклонностей и т.д. Можно предположить, что данные о геноме своих клиентов станут требовать страховые компании, банки. Специалисты в своей области, микробиологи, с большой тревогой ждут социальных и этических последствий своих открытий.

Я кратко перечислил некоторые из новых вызовов, с которыми сталкивается мировое сообщество и если хотя бы на часть вопросов, которые существуют, ваша конференция даст ответы, это будет заметным шагом в приращении наших знаний.

Часть I. Проблемы методологии изучения феномена глобального кризиса; субъекты кризиса и акторы борьбы с кризисом: возможное изменение их ролей

**В.И. Пантин, д. филос. н.
Методологические проблемы исследования кризисов
в общественном развитии**

Современный глобальный кризис высветил целый ряд серьезных пробелов и нерешенных методологических проблем в изучении экономических, политических и социальных кризисов.

Во-первых, следует отметить проблему необходимости перехода к более или менее точному прогнозированию региональных и глобальных экономических и социально-политических кризисов. В настоящее время по данному вопросу у специалистов и экспертов нет согласия: одни полагают, что относительно точное прогнозирование кризисов, подобных нынешнему глобальному, невозможно. Другие, напротив, считают, что такие кризисы предсказывать можно и нужно, исходя из соответствующих моделей. В то же время пока что даже верные, уже сбывшиеся прогнозы чаще всего либо не учитываются, либо учитываются с большим опозданием. Несмотря на то, что ряд авторов (например, Дж. Сорос, М. Делягин, М. Хазин, В. Пантин и В. Лапкин), исходя из разных моделей и соображений, говорили и писали о приближающемся глобальном экономическом кризисе, их прогнозы и предупреждения большинством специалистов, экспертов, политиков и руководителей соответствующих ведомств либо не были услышаны, либо были проигнорированы, поскольку не вписывались в доминирующую парадигму. Это указывает на нечувствительность многих специалистов и руководителей-практиков к идеям и концепциям, которые не относятся к текущему "мейнстриму". А это, в свою очередь, свидетельствует об определенной узости, ограниченности методологических и идейно-теоретических оснований современных общественных наук.

Во-вторых, следует особо остановиться на проблеме цикличности или волнообразности мирового экономического и политического развития, а также на методологических препятствиях, которые стоят на пути исследования циклической динамики отдельных обществ и международной системы в целом. Дело в том, что внимание научного и экспертного сообщества к циклам и волнам политического и экономического развития само имеет ярко выраженный циклический характер. В периоды кризисов (например, в 1930-е гг. или в 1970-е гг.) научное сообщество "вспоминает" о существовании циклов Жюглара, кондратьевских циклов, длинных волн политического и социально-экономического развития, но как только кризис проходит, интерес к исследованию циклов и механизмов, которые их порождают, резко идет на убыль. Более того, некоторые ученые и специалисты начинают отрицать само существование циклов и волн в мировом экономическом и политическом развитии, считая их не-

ким "артефактом"; при этом утверждается, что отныне глубокие кризисы в мировой экономике и мировой политике невозможны и т.п.

По-видимому, здесь мы имеем дело как с методологическими, так и с психологическими факторами, препятствующими восприятию и изучению циклов и волн общественного развития. Методологические факторы состоят в том, что недостаточно исследованы сами движущие силы и глубинные механизмы, порождающие колебательную (циклическую или волнообразную) составляющую экономического и политического развития, которая существует наряду с поступательной ("прогрессивной") составляющей. До сих пор не утвердилось чрезвычайно важное в методологическом плане представление о том, что циклы и волны в общественном развитии представляют собой не случайное, а необходимое явление, тесно связанное с процессами перестройки и эволюционного усложнения общественной, в том числе экономической системы. Такое положение дел в общественных науках и, в частности, в исследовании кризисов сохраняется до сих пор, хотя еще в 1920-е гг. французский социолог Ж. Буске указывал на то, что самые различные аспекты социального движения имеют волнообразную, ритмичную форму. При этом важным в методологическом плане является то обстоятельство, что амплитуды и периоды колебаний в общественном развитии могут меняться со временем, что несколько затрудняет выделение ритмов и циклов социального движения, но отнюдь не делает такое выделение невозможным или не соответствующим реально протекающим процессам. Буске констатировал в этой связи: "Разные аспекты социального движения имеют волнообразную форму, ритмичную, не неизменную или регулярно повторяющуюся, а с такими периодами, когда их интенсивность уменьшается или возрастает".¹

Психологические же факторы, затрудняющие выделение и исследование циклов и волн общественного развития заключаются в том, что любому человеку довольно трудно представить и удержать в своем сознании длительные периоды исторического развития, при анализе которых только и выявляется колебательная (циклически-волновая) его составляющая. Каждому индивиду, в том числе ученому-исследователю, свойственно жить, прежде всего, сегодняшним днем и представлять текущие события как абсолютно уникальные, не имеющие аналога в прошлом; в результате этого во многом теряется связь событий и явлений, которая является основой выделения циклов и волн общественного развития.

Между тем именно учет циклов и волн во многих случаях позволяет верно прогнозировать кризисы. Так, выдающийся русский ученый Н.Д. Кондратьев, исследовавший большие циклы мировой конъюнктуры, указал на высокую вероятность мирового кризиса в конце 1920-х гг. К этому прогнозу в 1925 г., когда он был опубликован, почти никто из экономистов не отнесся всерьез. Как известно, уже после кризиса и "великой депрессии" Й. Шумпетер в конце 1930-х гг. ознакомил широкую научную общественность США и Западной Европы с кондратьевскими циклами, и на Западе в определенной мере стали учитываться концепции "длинных волн" в экономике и политике.² Точно так же анализ циклов внутривнутриполитического развития США классиком американской политологии А.М. Шлезингером и учет циклов внешнеполитической активности США Ф. Клинбергом позволил довольно точно прогнозировать некоторые американские внутри- и внешнеполитические кризисы.³ Аналогично, именно использование концепции циклов эволюции международной политической и экономической системы позволило довольно точно предсказать наступление миро-

¹ Bousquet G.H. *Precis de sociologie d'apres W. Pareto*. P., 2 ed., 1971. P. 172.

² Schumpeter J.A. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. N.Y. – L., 1939.

³ Шлезингер А.М. *Циклы американской истории*. М., 1992; Klingberg F.L. *Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods: The Unfolding of America's World Role*. Lanham, Md., 1983.

вого, глобального кризиса в 2008 – 2009 гг.⁴ Тем не менее, благодаря отмеченным выше методологическим и психологическим факторам, исследование циклической динамики процессов общественного развития во многом все еще находится на периферии исследований.

В-третьих, серьезной методологической проблемой является отсутствие комплексного междисциплинарного подхода к исследованию кризисов общественного развития. Дело в том, что многие кризисы и в прошлом, и в настоящем имели и имеют сложную, многофакторную природу: они связаны не только с чисто экономическими или финансовыми причинами, но и с социальными, политическими, военными факторами. В качестве примера можно привести кризис 1929 – 1932 гг., который был вызван не только экономическими причинами, но и социально-политическими последствиями Первой мировой войны и Версальского мира. Иными словами, в период 1929 – 1939 гг. кризисы были не только финансовыми и экономическими, но и социальными, внутри- и внешнеполитическими, военными. Такая сложная, многоплановая природа кризисов в этот период во многом была связана с исчерпанием прежней модели экономического и социально-политического развития, с исчерпанием возможностей прежнего мирового порядка. Существуют основания полагать, что современный глобальный кризис также связан не только с чисто финансовыми и экономическими, но и с социально-политическими факторами. Речь идет о наличии серьезных диспропорций в существующей международной финансовой и политической системе, резким разрывом между доходами элитных и массовых групп населения во многих странах мира, а также между развитием разных регионов. Отсюда вытекает необходимость не узкоспециализированного, а комплексного междисциплинарного подхода к исследованию нынешнего кризиса, в том числе первой его волны, которую мы сейчас переживаем. К сожалению, пока что приходится констатировать слабое развитие междисциплинарного взаимодействия и кооперации разных специалистов в изучении современного глобального кризиса.

Наконец, в-четвертых, еще одной важной методологической проблемой в исследовании кризисов является отсутствие или слабая разработанность более или менее четкой их классификации по глубине, масштабам и социально-политическим последствиям. Конечно, каждый кризис по-своему уникален, но существуют и некоторые общие черты в протекании однотипных по своему характеру кризисов. Очевидно, например, что мировой кризис 1929 – 1932 гг. по своей глубине и социально-политическим последствиям существенно отличался от кризиса 1920 – 1921 гг. или от сравнительно недавнего кризиса 1997 – 1998 гг. Вместе с тем современный глобальный кризис по его масштабам и последствиям нередко сравнивают с мировым кризисом 1929 – 1932 гг., в связи с чем возникает вопрос, насколько правомерно такое сравнение, относятся ли эти кризисы к одному типу. От ответа на этот вопрос, в частности, зависит выбор экономической и политической стратегии преодоления текущего кризиса и его социально-политических последствий.

В связи со сказанным выше возникает вопрос, существуют ли методологические подходы, позволяющие верно определить характер, продолжительность, глубину и основные последствия нынешнего глобального кризиса. Как известно, существующие оценки сильно различаются. Тем не менее, очевидно, что специфика нынешнего кризиса состоит в том, что он во многом порожден процессами глобализации и является важным рубежом в мировом развитии. В связи с этим существуют веские основания полагать, что природа нынешнего кризиса является сложной и многогранной: это не просто финансовый ("банковский", "ипотечный") или экономический ("промышленный", "продовольственный", "энергетический" и т.п. кризис), а в

⁴ Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006. С. 315, 318, 412.

значительной мере кризис прежнего мироустройства, прежнего мирового порядка. Прежде всего, это кризис неолиберальной модели глобализации в том виде, как она сформировалась в конце XX века. К числу наиболее важных черт этой модели относятся: доминирующая роль США как мирового экономического, политического и военного лидера; полное отделение в экономике финансовой сферы от производственной и связанное с этим наличие огромного количества ничем не обеспеченных ценных бумаг; распространение вширь институтов либеральной демократии безотносительно к тому, существуют ли необходимые условия и предпосылки для существования этих институтов и т.п. Глобальный кризис выявил проблематичность и во многих отношениях несостоятельность составляющих прежней неолиберальной парадигмы. В то же время большинство государств (быть может, за исключением Китая) оказались не готовыми к исчерпанию возможностей прежнего неолиберального курса и в настоящее время не имеют эффективной стратегии преодоления кризиса.

Кризис также вызван объективно существующей неработоспособностью прежней "однополярной" модели мироустройства. Даже такое богатое и могущественное государство как США не в состоянии в одиночку решать многочисленные и постоянно усложняющиеся политические, экономические, социальные и культурные проблемы современного мира. При этом можно констатировать, что попытки Соединенных Штатов управлять миром в одиночку, игнорируя интересы других государств и целых цивилизаций, привели к их финансовому и экономическому перенапряжению, которое и стало одним из важных факторов глобального кризиса.

В связи с этим можно прогнозировать, что последствия кризиса будут весьма масштабными и долговременными. Согласно модели циклов эволюции (длинных волн) международной политической и экономической системы,⁵ выход из полосы кризисных потрясений, скорее всего, произойдет не ранее 2017 – 2020 годов. В развитых странах в ближайшие годы возможны острые социальные и политические столкновения, которые, с одной стороны, будут стимулировать проведение важных экономических и политических реформ, а с другой стороны, провоцировать политические и военные конфликты с участием США и стран Европейского Союза. В перспективе существенно возрастет политическая и экономическая роль Китая, Японии, Индии, в то время как роль США, по-видимому, несколько уменьшится.

Наиболее сложным и противоречивым в условиях глобального кризиса является положение целого ряда стран Африки, Латинской Америки, а также многих стран СНГ, которые не успели укрепить свою государственность и создать эффективную и конкурентную политическую систему. Положение России, которая находится между Западом и Востоком и переживает критический этап политической, экономической и социальной модернизации, также является весьма сложным. Скорее всего, кризис потребует усиления реальной, а не бумажной централизации управления в России, ускорит ротацию в верхних и средних эшелонах российской политической элиты. В то же время следствием этой централизации станет временное ограничение либерализма в политике и в экономике, частичное усиление авторитарных тенденций. Однако альтернативой этому в условиях глубокого кризиса может стать лишь распад России под давлением множества внутренних и внешних конфликтов.

В перспективе весьма серьезными будут социальные и политические последствия новой (второй) волны глобального кризиса, который может разразиться примерно в 2012 – 2013 годов. Основанием для такого прогноза может служить то обстоятельство, что кризис 2008 – 2010 гг. не разрешит всех накопившихся в мире экономических и политических противоречий, а в период понижательной волны кондратьевского цикла кризисы и политические конфликты следуют один за другим с интер-

⁵ Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006.

валом в 3 – 4 года. Именно в период после 2012 г. возможны новые крупные потрясения, связанные с кризисом финансовой системы США и с изменением прежнего мирового порядка. В этот период, скорее всего, начнутся глобальные геополитические и геоэкономические изменения, которые неизбежно затронут и Россию. Вместе с тем именно эти потрясения смогут, наконец, открыть возможности для проведения глубоких реформ в развитых странах, для действительно глубокой перестройки мирового порядка, для формирования "многополюсного" мира, для внедрения и распространения принципиально новых, "прорывных" технологий (биотехнологий, нанотехнологий, новых экологически более чистых источников энергии и др.). Кроме того, начнутся процессы обновления либеральной демократии, выработки ее новой модели, учитывающей новые условия глобального мира XXI века, его полицентричный и полицивилизационный характер.

России необходимо быть готовой к этой новой волне глобального кризиса и извлечь уроки из последствий первой волны кризиса 2008 – 2010 годов. В частности, необходимы меры, направленные на ограничение коррупции и других видов преступности, реальное укрепление государства при учете разнообразия условий в российских регионах, централизация банковской сферы, создание эффективных механизмов инвестирования в старые и новые отрасли производства, постепенный отход от доллара и связанной с ним "экономики финансовых пузырей", развитие внутреннего рынка, стимулирование малого и среднего предпринимательства, уменьшение имущественного и социального расслоения в российском обществе. В случае если эти меры не будут реализованы, страна окажется в глубоком кризисе, в обществе и в политической элите произойдут значительные сдвиги. Вместе с тем можно с достаточной высокой вероятностью прогнозировать, что после 2013 г. Россия, из-за развития целого ряда международных конфликтов, в том числе на постсоветском пространстве, окажется перед серьезными геополитическими вызовами, и перед ней встанет проблема урегулирования целого ряда внутренних и внешних политических коллизий.

Таким образом, необходимо констатировать, что перечисленные методологические проблемы исследования экономических и социально-политических кризисов связаны друг с другом и тесно переплетаются как с фундаментальными проблемами развития общественных наук, так и с практически-политическими проблемами выработки адекватной стратегии преодоления современного глобального кризиса и его последствий. Представляется также, что недостаточное внимание значительной части научного сообщества к методологическим проблемам исследования политического и экономического развития, в частности, к вопросам его циклической или волнообразной динамики серьезно затрудняет исследование и прогнозирование кризисов общественного развития, в том числе современного глобального кризиса. Очевидно, что необходимо сосредоточиться на методологических проблемах исследования кризисов и разработке различных, в том числе циклических моделей социально-экономической и политической динамики, что может способствовать более глубокому анализу и более точному прогнозу кризисов общественного развития.

И.С. Семененко, д. полит. наук
«Возвращение» государства в условиях кризиса: новые параметры
«общественного договора»

Кризис, поразивший мировую экономику и ее несущую конструкцию - финансовую систему, заставил мир говорить о банкротстве институтов, которые отвечают за функционирование этой системы. В более широком плане ставится вопрос о не-

состоятельности рыночного либерализма в условиях глобализации, о том, что «развитие капитализма вышло из-под контроля». Жестким нареканиям подвергается прогностический потенциал современной экономической теории. Между тем разработка инструментов прогнозирования динамики современного развития давно уже находится в сфере внимания научного сообщества. Анализ его среднесрочных и долгосрочных циклически-волновых тенденций позволил с уверенностью и задолго до появления явных признаков нынешнего кризиса предвидеть наступление эпохи потрясений в мировой экономике и в социальной сфере именно во второй половине текущего десятилетия.⁶ Острота кризиса ставит проблему необходимости совершенствования и верификации прогностического инструментария в различных областях современной науки об обществе.

В политических и экспертных кругах, в СМИ, в публичном пространстве и в сфере частной жизни – повсюду обсуждаются различные ипостаси кризисного развития, его макроэкономические составляющие, проявления в повседневной жизни и далеко идущие политические последствия. Все настойчивее встает вопрос об усугублении кризиса управляемости и кризиса доверия к тем, кто отвечает за принятие задающих вектор развития решений. На фоне неясных контуров новой парадигмы развития эксперты и практики из сферы частного бизнеса и государственного управления пытаются выявить системные риски и новые возможности для поступательного движения экономики и общества. Готовых инструментов измерения таких рисков пока нет, это препятствует разработке стратегий эффективного управления ими. Между тем, по мнению авторитетных аналитиков, кризисные спады стали имманентной частью современного развития. Кризис рождается в результате «соприкосновения человеческого поведения и свободного рынка»⁷ - институтов и индивидов, и решение лежит на пути разработки системного подхода к управлению рисками в институциональной сфере и в области принятия решений. В центре дискуссий вновь оказывается вопрос о механизмах такого управления, о роли государства и его институтов и о личностном, индивидуальном измерении глобализации.

Современная «архитектура» мировой экономики и политики оказалась под прицелом жесткой критики. Вопрос о том, как государство может и может ли (как субъект международных отношений и один из ведущих акторов мировой политики) стимулировать становление международных режимов регулирования, стал предметом научной и экспертной дискуссии задолго до финансовых потрясений осени 2008 года. Кризисное развитие ставит вопрос о поиске эффективных инструментов для создания и поддержания таких международных режимов, задача которых – повысить уровень предсказуемости и компетентности в принятии решений и понизить порог рисков, которые рождаются в пространстве многосубъектной мировой политики. Речь идет, например, о выработке общих подходов к регулированию миграционных потоков. Этот процесс запущен на уровне Евросоюза и идет по пути внедрения общих принципов гуманитарной миграции (унификации правил приема беженцев и лиц, запрашивающих убежище), координации практик приема различных категорий мигрантов и сближения национальных практик регулирования иммиграции и интеграции инокультурных групп.⁸ Концепция правового регулирования Интернета рождается в контексте дискуссии о рисках, угрозах и ограничениях демократии в условиях

⁶ См., напр., Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006.

⁷ Lo A. Long View – Finance “after the meteorite”- “Financial Times” 5.05.2009 (Комментарий профессора Массачусетского технологического университета зав. Лабораторией финансового инжиниринга А. Ло)

⁸ Подробнее об этом см. Семенов И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах – «МЭ и МО», 2006, №№ 10, 11.

глобализации.⁹ Вокруг пересмотра приоритетов и принципов деятельности финансовых институтов и их роли в мировом развитии идут ожесточенные споры. Загрязнение среды, нехватка водных ресурсов, изменения климата, пандемии и появляющиеся новые угрозы выживанию современного человека вовлекают в процессы регулирования не только государства, но и других субъектов политического процесса. В более широком плане, речь идет об изменении «правил игры» глобальной экономики и политики и о новых параметрах социального регулирования.

Ключевое направление таких изменений связано с необходимостью восстановления доверия к традиционным институтам. Недоверие к деятельности финансовых институтов распространяется и на крупных игроков реальной экономики. Согласно данным «Барометра доверия» - десятого ежегодного международного исследования информированных «лидеров мнений» (2009 Edelman Trust Barometer), 62% опрошенных в 20 странах заявили, что они «меньше доверяют корпоративному бизнесу, чем в прошлом году». Наиболее заметное падение уровня доверия к бизнесу на волне кризиса отмечается в США: до 38% с 58% прошлогоднего уровня, что перекрывает даже взлет негативных настроений в связи с «делом Энрон». Особенно это касается двух отраслей, которые до сих пор наиболее активно «выколачивали» государственные дотации – банковского сектора и автомобильной промышленности. Сравнимый уровень падения доверия к бизнесу наблюдается и в ведущих странах Евросоюза.¹⁰ Рост безработицы и общее сокращение доходов обострили негативное восприятие фактов расточительства ряда ведущих менеджеров крупных компаний, за которые главам уличенных в таких проступках американских корпораций уже пришлось принести публичные извинения. Такие шаги против т.н. золотых парашютов и других бонусов для руководителей высшего звена бизнеса были предприняты по инициативе нового Президента США. Но они только подчеркивают потребность в системном подходе к организации взаимодействия государства и бизнеса, в повышении прозрачности в осуществлении антикризисных программ и в становлении эффективной системы контроля. Отсутствие такой системы контроля становится препятствием на пути эффективного использования государственных финансовых вливаний в частный сектор для развития реальной экономики.

Кризис быстро расплзается по «национальным квартирам», и в центре внимания оказывается уже второй извечный русский вопрос – «что делать?» Кризисное развитие выявляет и общие тенденции антикризисного регулирования в странах, оказавшихся в его эпицентре. Речь идет в первую очередь об увеличении роли государства в экономике и наметившихся фундаментальных сдвигах в отношениях между государством и бизнесом. Проблемы глобального развития, такие, как финансовый кризис или изменения климата, рассматриваются как сфера перекрестной ответственности государства и бизнеса. Притом, что уровень доверия к некоммерческому сектору в среднем по миру остается более высоким, чем к государству и к бизнесу, ответственность за решение этих проблем ложится в первую очередь на государство и бизнес – сообщество.¹¹ Участие гражданского общества может обеспечить выполнение ими своих обязательств и контроль над принятием решений.

Долговременные социальные последствия нынешнего кризиса позволяют с большой долей уверенности прогнозировать появление новых форм социальной активности и «собирания» интересов наименее защищенных или несущих серьезные

⁹ В 2008г. на Международном саммите по проблемам информационной безопасности принято решение о создании Глобального центра по мониторингу угроз в пространстве Интернета. В работе созданной в 2006г. Международной организации многостороннего сотрудничества против кибертерроризма (ИМПАКТ) участвуют сегодня 40 стран.

¹⁰ http://www.edelman.com/trust/2009/docs/Trust_Barometer_Executive_Summary_FINAL.pdf.

¹¹ Там же

издержки групп. Таких, например, как иммигранты или ищущая первую занятость молодежь – выпускники университетов. Появляются новые возможности для повышения уровня профсоюзной активности.

Поиски путей диалога и взаимодействия государства и общества (в лице бизнеса и НКО) становятся частью антикризисной повестки дня. Такие механизмы общественного согласия в лице антикризисных соглашений (типа известных «пактов Монклоа» 1977-1978гг., оформивших соглашение между представленными в парламенте политическими силами по программе антикризисных мер в условиях перехода Испании от авторитаризма к демократии) и институтов «нового социального партнерства» доказали свою эффективность на предыдущих этапах кризисного развития. Так, динамичный рост экономики Ирландии, позволивший этой стране в 1990-е гг. избавиться от комплекса «больного человека Европы» и выйти на передовые рубежи по темпам роста ВВП, был обеспечен в том числе за счет реализации стратегии социального партнерства в рамках Национального совета по конкурентоспособности с участием бизнеса, профсоюзов, экспертного сообщества и государственных органов.¹² В более широком плане речь идет о стратегиях взаимодействия государственных институтов с неполитическими субъектами политического процесса и об институционализации такого взаимодействия для придания ему прозрачного характера. В условиях резкого экономического спада на первый план выходит институционализация отношений с бизнесом (как показывает, например, опыт по созданию структур антикризисного регулирования в Великобритании по инициативе премьер-министра Г.Брауна). Гораздо дальше пошел президент Франции, предложивший социальным партнерам – патронату и профсоюзам – договориться о механизме и параметрах справедливого перераспределения прибылей. В перспективе предлагается разработать законопроект, который утвердит распределение прибылей предприятий на три части – по трети на доходы акционеров, на стимулирование работников и на развитие производства.¹³

Такие авторитетные эксперты, как Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, уверены, что «эра нерегулируемого капитализма закончилась».¹⁴ Возвращение к докризисному состоянию будет для мира свидетельством исчерпания потенциала развития. В дискуссии о характере и последствиях нынешнего кризиса настойчиво звучит мысль о том, что, говоря словами директора Лондонской школы экономики Г. Дэвиса, «неизбежен пересмотр «социального контракта» между государством и рынком, поскольку в условиях системного кризиса обойтись без госрегулирования невозможно».¹⁵ За расширение государственного вмешательства в регулирование реального сектора и национализацию компаний в целях восстановления общественного доверия к ним высказались три четверти опрошенных «Барометром доверия» экспертов.¹⁶ Сама проблема доверия как мотора развития не нова, но сегодня на ней сосредоточено внимание тех, кто задумывается о поиске новых инструментов развития. Речь идет и о повышении градуса межличностного доверия в обществе, где до

¹² Sabel C.F. and O'Donnell R. The Future of Social Partnership in Ireland. A Discussion Paper Prepared for the National Competitiveness Council. 2001-

http://www.forfas.ie/ncc/pdfs/discussion_social_may01.pdf

¹³ Alternatives économiques 16/02/ 2009 – http://www.alternatives-economiques.fr/benefices-d-entreprise-sarkozy-sur-les-benefices-d-entreprises_fr_art_633_42052.html. В 2006г. около 75% чистой прибыли предприятий перечислялось акционерам.

¹⁴ Future of Capitalism/ New York Panel. 1.04. 2009 – “Financial Times” 1.04. 2009. Part 3.

[http://www.ft.com/cms/3cf2381c-c064-11dd-9559-](http://www.ft.com/cms/3cf2381c-c064-11dd-9559-000077b07658.html?_i_referralObject=1069619695&fromSearch=n)

[000077b07658.html?_i_referralObject=1069619695&fromSearch=n](http://www.ft.com/cms/3cf2381c-c064-11dd-9559-000077b07658.html?_i_referralObject=1069619695&fromSearch=n)

¹⁵ См., напр., Future of Capitalism/ London Panel 23.03.2009 – Financial Times 23.03. 2009

[http://www.ft.com/cms/3cf2381c-c064-11dd-9559-](http://www.ft.com/cms/3cf2381c-c064-11dd-9559-000077b07658.html?_i_referralObject=1069619695&fromSearch=n)

[000077b07658.html?_i_referralObject=1069619695&fromSearch=n](http://www.ft.com/cms/3cf2381c-c064-11dd-9559-000077b07658.html?_i_referralObject=1069619695&fromSearch=n)

¹⁶ http://www.edelman.com/trust/2009/docs/Trust_Barometer_Executive_Summary_FINAL.pdf.

сих пор процветали (и продолжают процветать) ценности индивидуализма, и об укреплении доверия граждан к институтам. В свою очередь, государство и его институты могут изыскать способы децентрализации тех сфер, где его интересы пересекаются с интересами бизнеса и гражданского общества. Одно из перспективных направлений взаимной ответственности – поддержка социального предпринимательства. Запущенная на уровне британской столицы программа по поддержке социального предпринимательства – пример поиска такого рода решений.¹⁷ Большие возможности есть у публично – частного партнерства в развитии социальной сферы – взаимодействии государства и бизнеса в осуществлении проектов по развитию социальной инфраструктуры с привлечением некоммерческого сектора.¹⁸

Ф.Фукуяма обращает внимание на то, что «между способностями правительств разных стран планировать и осуществлять промышленную политику существует серьезный контраст. Этот контраст определен как культурой, так и различными политическими институтами и историческими условиями».¹⁹ Как показывают наши собственные исследования практик корпоративной социальной ответственности и перспектив корпоративного гражданства в разных регионах мира, вектор такого взаимодействия определяют «отношение к бизнесу и уровень обращенных к нему общественных ожиданий».²⁰ Существенное влияние оказывают культурные традиции, формирующие этику предпринимательской деятельности, и приоритеты в выборе социальных партнеров. Характерно, что в динамично развивающихся экономиках Китая, Бразилии и Индонезии и в условиях мирового кризиса наблюдается определенный рост доверия к бизнесу.²¹ Но, когда на передний край выходит взаимодействие с государством, эффективность такого взаимодействия оказывается в прямой зависимости от качества институциональной среды, качества самого государства и мотивации его политической и экономической элиты. В частности, от ее готовности к самоограничению, которая является существенным фактором поддержания общественного доверия.²² Это тем более важно, что сами государственные институты также оказались в эпицентре кризиса доверия, и от стабилизации ожиданий населения сегодня во многом зависит успешность поисков стратегии выхода из кризиса. Эти факторы решающим образом сказываются на перспективах внедрения инновационной модели развития и становления национальной инновационной системы (НИС). Кризис «переформатирует» эту задачу в создание модели перехода к новому качеству роста, особенно актуальную для стран с переходной экономикой.

Н.И.Иванова определяет НИС как «совокупность организаций частного и государственного секторов экономики, ведущих исследования и разработки, а также производство и реализацию высокотехнологичной продукции (университеты и академии, крупные и мелкие компании, федеральные центры и региональные технопарки), а также занятых управлением и финансированием инновационной деятельности. Другая часть НИС — это институциональная среда, т.е. совокупность законодательных актов, норм, правил и ведомственных инструкций, определяющих формы и ме-

¹⁷ См. Social Enterprise London - <http://www.sel.org.uk/>

¹⁸ Подробнее об этом см: С.Перегудов, И.Семенов. Бизнес и государство в социальной сфере: конфронтация или партнерство? – «МЭ и МО», 2009, №№ 6,7.

¹⁹ Ф. Фукуяма. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008. Цит. по: «Эксперт», 23.02.2009, № 7, с.70.

²⁰ С.П. Перегудов, И.С. Семенов. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М., 2008, с. 142.

²¹ http://www.edelman.com/trust/2009/docs/Trust_Barometer_Executive_Summary_FINAL.pdf.

²² Разразившийся весной 2009г. с подачи СМИ (публикации газеты «Дейли Телеграф») скандал вокруг нецелевых трат членами британского кабинета средств, выделенных на расходы депутатского корпуса, лишний раз подтверждает огромное влияние имиджевых факторов на состояние климата общественного доверия к институтам в развитых демократиях – «Daily Telegraph» 8.05. 2009.

тоды взаимодействия занятых инновационной деятельностью организаций между собой и с другими структурными сегментами национальной экономики».²³ Основой поддержания такого механизма саморазвития является креативность, причем не только в генерировании, но и в изыскании оптимальных путей осуществления новаторских идей. Р. Флорида на основании эмпирического исследования факторов успешного развития американских городов делает вывод о том, что «экономический рост региона обеспечивается креативными людьми, которые предпочитают места, отличающиеся разнообразием, толерантностью и открытостью новым идеям».²⁴ То есть условием и одновременно стимулом развития креативности является благоприятная «социально дружественная» среда обитания.

При этом среду становления НИС формируют не только институты, но и общественный запрос на поддержание такой системы как основы поступательного развития национального сообщества. Меняющееся соотношение экономических и неэкономических факторов и механизмов развития требует системной оценки. В фокусе внимания оказывается переход от ориентации на материальное потребление к нематериальной мотивации. Конечно, речь идет, прежде всего, о развитых странах, где сама возможность такой корректировки жизненных установок опирается на уровень благосостояния и социального обеспечения, в той или иной степени ориентированный на реализацию потенциала развития человека как ключевой составляющей успешного развития национального сообщества. Речь идет не только и даже не столько об эффективных технологиях, но и о социальных инновациях. Споры вокруг адекватности модели государства благосостояния современным социальным ожиданиям свидетельствуют о том, что истоки пересмотра современной модели развития следует искать далеко за пределами нынешних финансово-экономических потрясений.

Уже к началу нынешнего века задолженность американских и британских домохозяйств достигла такого уровня, который превратил ее в серьезный и неуправляемый фактор финансовой дестабилизации. А социальная защищенность поколения нынешних 50-летних в странах Запада легла на бюджет бременем, которое вряд ли будет в состоянии вынести стареющее население этих стран в следующем поколении. Оба фактора – в ряду многих других (загрязнение среды и изменения климата, проблемы избыточного веса человека и подобные) – ставят вопрос о необходимости пересмотра «парадигмы потребления» в повестку дня текущей политики. Но для таких новых крупных игроков мировой экономики, как Индия, Бразилия и Китай, которые находятся на иной фазе социального развития, говорить сегодня о критериях экологического сознания и «разумного потребления» вряд ли продуктивно. Переселение сотен миллионов китайцев в города сопровождается потребительским бумом и угрожающим загрязнением окружающей среды. Государство, стимулирующее внутренний спрос, оказывается перед трудным выбором адекватных механизмов регулирования.

Взаимодействие с государством определяет приоритеты антикризисной стратегии бизнеса. Это касается не только финансовых вливаний, призванных предотвратить банкротства или перевести бизнес на баланс государства, но и перспектив его реприватизации. Так, в Великобритании в 2008 г. государство вернулось к проекту частичной реприватизации Королевской почты – знакового символа британской идентичности, предложив провести ее реструктуризацию за счет привлечения частного иностранного капитала. Несогласные с расширением участия частного капитала

²³ Н.И. Иванова. Национальные инновационные системы как механизм саморазвития в глобальной экономике - <http://www.ptechology.ru/Innovac/Innovac24.html>; см. также: Н.И. Иванова. Национальные инновационные системы. М., 2002.

²⁴ Р. Флорида. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М., 2005, с.276.

в предоставлении социальных услуг члены руководства и активисты правящей партии (согласно данным опросов, до двух третей лейбористов - депутатов парламента)²⁵, которые считают извлечение прибыли некорректной мотивацией в развитии социальной сферы, предложили рассматривать повышение эффективности этой службы как проверку способности государства оптимизировать управление зоной своей ответственности.²⁶ Реприватизацию поддерживало только 20% опрошенных граждан.²⁷ Проекты государственно – частного партнерства в социальной сфере также зачастую вызывают жесткую критику: высказываются опасения в падении уровня качества социальных услуг, которые должен оказывать ориентированный на прибыль частный бизнес. Такая традиционная сфера ответственности государства, как образование, в этой стране (в отличие от США) остается за государством, несмотря на попытки подключить к решению этих проблем частный сектор. В то же время в условиях нарастания кризисных явлений в реальной экономике раздаются и настоятельные предостережения от расширения государственного вмешательства в корпоративное развитие.

Приоритеты такого направления деятельности корпоративного сектора, как социальная ответственность (КСО), в условиях кризиса могут претерпеть серьезные изменения. Речь идет о сокращении персонала и о снижении объемов расходов на корпоративные социально ориентированные программы: это наиболее очевидное направление изменений, и крупные компании реального сектора вынуждены соотносить предпринимаемое сокращение с имиджевыми издержками. В стратегическом плане неизбежен более прицельный выбор наиболее значимых для бизнеса заинтересованных сторон взаимодействия – корпоративных стейкхолдеров, и ориентация бизнеса на формирование согласованной повестки дня. Не случайно глава «Дженерал Электрик» старейшина корпоративного цеха Дж. Уэлч (он находился у руля компании в 1960-2000 гг.) сделал попавшее в газетные заголовки жесткое заявление о том, что «рост доходов акционеров как стратегия развития компании – тупая идея».²⁸

Антикризисные меры, непосредственно затрагивающие жизненные интересы людей, осуществляются на уровне местных сообществ, и именно здесь заметны как наиболее значимые результаты антикризисного регулирования, так и провалы. В Великобритании на уровне территорий запущена работа региональных агентств развития, субъекты таких программ - местная власть, бизнес и структуры гражданского общества. В то же время важно опираться, по мнению аналитиков, на поддержание привычной среды обитания, коротких социальных связей.²⁹

Обустройство депрессивных территорий или районов высокого уровня социальной напряженности (неблагополучных кварталов больших городов) успешно использует сегодня не только стимулирование реального производства, но и те ресурсы, которые создаются вне реального сектора, в частности, в сфере креативной экономики. На ее долю в Великобритании приходится около 7% ВВП. Обустройство социальной среды в таких бывших промышленных центрах Европы, как Берлин или

²⁵ “The Guardian” 27.06.2008.

²⁶ “The Observer” 21.12.2008; “The Independent on Sunday” 10.05.2009.

²⁷ <http://ukpollingreport.co.uk/blog/>

²⁸ “The Financial Times” 12.03. 2009

²⁹ В Великобритании в повестке дня публичной дискуссии оказался сегодня вопрос об опасности нарушения социальных связей в связи с закрытием местных пивных заведений – пабов (в среднем до 39 в неделю, по состоянию на начало 2009 г.). Во многих деревеньках это единственное место социализации, и закрытие «пивных клубов», большинство которых испытывает сегодня серьезные экономические трудности, приводит к разрыву привычных социальных связей и к потенциальному всплеску алкоголизма, поскольку потребление продукции супермаркетов обходится заметно дешевле. Активно обсуждаются меры государственной поддержки таких заведений. Предлагается, например, распространить на них некоторые льготы из ряда тех, которыми пользуются НКО – См. R. Muir. Pubs and Places. The social value of community pubs. L., IPPR, 2009 - <http://www.ippr.org.uk/publicationsandreports/publication.asp?id=653>

Бирмингем, резко сокративших в последние 15 – 20 лет объемы промышленного производства, во многом связано с развитием креативных отраслей. Бирмингем смог позиционировать себя в мировом культурном пространстве как родина одного из лучших европейских оркестров, обладатель современных концертных залов и привлекательных возможностей для организации досуга. Новая социокультурная среда сформировалась в результате целенаправленных усилий городских властей, бизнеса и местного сообщества по развитию креативных отраслей и по перепрофилированию городской инфраструктуры. Это создает благоприятную социальную среду для роста «креативного класса», о котором пишет Р.Флорида применительно к сравнительному анализу факторов развития американских городов. В условиях кризиса потребление может смещаться в сферу культуры, туда, где отдачу определяют не материальные затраты, а наличие свободного времени и заинтересованность человека в качественном досуге. Уже появился опыт создания институциональной среды, которая способна поддержать такой вектор потребления. Досуговая сфера может, в свою очередь, стимулировать развитие не требующих значительных капиталовложений производств и создать новые рабочие места.

Чтобы реализовать социальный потенциал инновационного роста на уровне территории, необходима как правовая опора и институциональная поддержка со стороны местной власти, так и мотивация личного участия. Иначе говоря, запуск механизмов интеграции личных достижений в приоритеты развития региона и страны. Одним из ключей к такому механизму является формирование позитивной гражданской идентичности - осознания принадлежности к национально-государственной общности как неотъемлемой характеристики и значимой для индивида ценности. Позитивную идентичность отличает нацеленность на социальное действие и на взаимодействие с другими членами общества, при этом конечный ориентир такого действия - будущее собственное и детей - связывается с данной общностью. Государство признается важным источником смыслов и выступает как генератор значимых для личности ценностей, как гарант реализации творческого потенциала индивида.

«Возвращение государства» в значительно меньшей степени определяется идейно–политическим размежеванием между сторонниками и противниками регулирования, чем в предыдущий политический цикл. Содержание гражданской идентичности и поиски путей выработки и укрепления общих для национального сообщества ценностей и смыслов, ориентирующих на развитие данного сообщества, определяют поле публичной дискуссии во всех странах, идущих по пути создания инновационной экономики и соответствующей социальной среды или ищущих такие пути. Это не исключает существенных различий позиций в вопросах о конкретных механизмах государственной политики.

Вопрос о том, в какой степени западный опыт может служить ориентиром развития в условиях, когда с неадекватностью Запада вызовам глобализации и кризисом модели американского лидерства ассоциируются нынешние экономические сбои и политическая дестабилизация, остается открытым. «Общественный договор», утвердившийся в развитых странах, до сих пор был основан на закреплении за государством круга обязательств в обеспечении приемлемого уровня социальных благ для всех граждан и роли «ночного сторожа» в сферах, выходящих за рамки соблюдения таких обязательств. Вектор экономического дерегулирования поддерживался ростом благосостояния, которое обеспечивалось за счет роста потребления. Смена этого вектора ведет к пересмотру параметров «общественного договора» в сторону большего участия государства в определении стратегии развития и инструментов такой стратегии.

В России перспективы «возвращения государства» не уравниваются (или очень слабо уравниваются) укреплением других механизмов ответственности, контроля и самоорганизации. Это тормозит развитие инновационной активности за пределами непосредственного импульса со стороны элитных групп и чревато перспективой подавления национально-государственных начал корпоративно-групповыми. Российские реалии развития кризиса ставят под вопрос сложившийся к середине текущего десятилетия российский вариант «общественного договора». Основой такого «договора» между «управляющими» и «управляемыми» были экономическая стабильность и соблюдение привычных для общества «правил игры», которые «обменивались» на делегирование полномочий управления элитным группам. При этом о его «общественном» характере можно говорить с большой долей условности, поскольку параметры «договора» до сих пор задавали группы, которые имеют наибольшие ресурсы влияния на общественные настроения, а не широкие массовые слои, в которых широко распространено недовольство своим положением (и, в большей степени, как показывают опросы, положением страны). Но, по словам Ю.А.Левады, наш средний человек «видел разные способы жизни и вынес, что лучше жить спокойнее, что лучше остаться не деятельным, а смотрящим. Никакого участия людей в делах общества и страны как не было, так и нет. Причем люди считают, что лет 5-10 назад они как будто участвовали в чем-то больше. По крайней мере, были местные инициативы, хоть какие-то: хоть дворовые, хоть экологические. Сейчас такое впечатление, что все это сильно угасло. Человек остался скучающим зрителем того, что происходит, в том числе того, что ему угрожает».³⁰ При этом те серьезные ограничения массового участия, которые есть в России, определяются укорененным в российском обществе, по выражению академика А.М. Панченко, «навыком бедной жизни».

Обеспечение обратной связи с государством упирается в комплекс патерналистских ожиданий, замешанных на низком уровне доверия к институтам публичной сферы (местной власти, социальным службам, органам правопорядка и пр.) В России, по данным сравнительных международных опросов, самый низкий уровень доверия и к бизнесу, и к НКО. При этом, по меткому выражению историка архитектуры Г. Ревзина (применительно к положению в современной архитектуре, которое прямо экстраполируется на властные отношения в целом), «в повседневной жизни российская власть ведет себя как бизнес с государственной легитимацией, то есть, решив проблемы легитимности, начинает руководствоваться логикой бизнеса».³¹ Качество государства определяет и качество «общественного договора». Социальное поведение отличается недоверием и неудовлетворенностью по отношению к действующим общественным нормам при готовности действовать по неписаным правилам (коррупция, использование налоговых лазеек, асоциальное поведение). Становление «точек роста» и социального взаимодействия на уровне территорий тормозится трудностями в формировании общей мотивации к развитию.

Такие показатели доверия определяют параметры конфронтационного сознания по отношению к людям за пределами близкого круга и потенциал роста протестных настроений. Конфронтационное сознание питает воспроизводство в каждом новом поколении традиционных линий раскола российского общества. Формированию позитивной гражданской идентичности препятствует разрыв между оценками ре-

³⁰ Ю.А. Левада. «Человек советский» - <http://polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html>

³¹ Г.И. Ревзин. Между СССР и Западом. Современная московская архитектура – <http://www.polit.ru/lectures/2008/11/12/archit.html>

сурсного потенциала страны и реальным качеством жизни ее населения. На нынешнем этапе размежевания по уровню жизни и качеству доступа к социальным благам формируются сообщества и группы, между которыми вообще не происходит пересечения, тем более взаимодействия. Социальная солидарность не называется в числе наиболее значимых ценностей. Страна находится «на минимуме социального капитала, на абсолютном минимуме доверия» и в «гораздо более атомизированной ситуации, чем 10 или 20 лет назад».³²

Между тем в условиях кризисного развития такие показатели оказываются не просто ограничителем, а системным препятствием для его эффективного преодоления и перехода к динамичному росту. Ключевой проблемой становится формирование соответствующего задачам национального развития общественного запроса на позитивную идентичность и на ее реализацию в адекватных формах общественного участия. Принципиальное значение имеет вопрос об уровнях формирования и восприятия такого запроса. Речь идет о разных этажах социальной организации – от трудовых коллективов до территориальных образований (город, регион). В России важнейшей задачей остается и разграничение сфер ответственности государства и бизнеса и запуск эффективных механизмов взаимодействия бизнеса, власти и гражданских структур.

Не стоит недооценивать роль интеллектуальных сообществ в обеспечении обратной связи государства и его граждан, ведь члены таких сообществ ориентированы (в идеале) на креативность. Важнейший источник формирования позитивной гражданской идентичности - просветительская деятельность интеллектуальных сообществ в отношении осмысления своей истории и приоритетов национального развития. В российском контексте ее приоритетными объектами выступают «лидеры мнений», молодежь, элитные группы во власти и бизнесе. Важной составляющей в условиях кризиса становится фактор самоограничения политической и бизнес-элиты.

«Муки рождения гражданской нации» (по выражению А.Аузана) – процесс длительный и болезненный. Он черпает из источника исторической памяти, из наращивания социального капитала в рамках национального сообщества. Нынешний кризис еще острее высвечивает дефицит источников, которыми обладает сегодня российское общество и государство, и ключевые приоритеты на пути их стимулирования и конвертации в ресурсы социально ориентированного развития.

С.П.Перегудов, д. ист.наук

Бизнес и власть как основные акторы на входе и выходе из кризиса: Запад и Россия

Учитывая широту и многомерность заявленной темы, я попытаюсь сузить ее, сосредоточившись на том, что является общим для данных акторов, а что – особенным, т.е. характерным лишь для одного из них. Надеюсь, что такого рода подход поможет лучше высветить некоторых из тех проблем, которые уже встали перед ними и которые, скорее всего, встанут в ближайшем будущем.

Итак. Что же общего выявилось между странами Запада и Россией «на входе» в кризис?

Прежде всего - это то, что я назвал бы «либеральной вольницей» для крупного и сверхкрупного финансово-промышленного бизнеса.

³² А.Аузан. Договор - 2008. Повестка дня. <http://www.polit.ru/lectures/2006/02/26/auzan.html>;
<http://www.polit.ru/lectures/2006/12/18/auzan.html>

У ряда присутствующих здесь, и у тех, кто будет знакомиться с материалами нашей конференции позднее, может возникнуть вполне резонный вопрос: о какой «вольнице» можно здесь говорить, когда наш корпоративный, да и не только корпоративный бизнес и его организации жестко встроены в т.н. «вертикаль власти»? Они находятся под прямым контролем политических верхов, а политическая система не без оснований часто квалифицируется как полуавторитарная и даже авторитарная.

Должен сказать, что я и не пытаюсь отрицать политической зависимости нашего бизнеса от власти. Больше того, и в своих печатных работах последних лет, и в своих устных выступлениях я неоднократно выдвигал и обосновывал данный тезис. Так что речь здесь идет совсем о другом, а именно об экономическом либерализме, который, как известно, может достаточно органично сочетаться с авторитарными тенденциями и авторитаризмом в сфере политической.

Выдвинутый мною тезис о «либеральной вольнице» как западного, так и нашего крупного бизнеса, я хотел бы подтвердить, сославшись на статью известного обозревателя газеты «Файнэншл таймс» Мартина Вульфа, опубликованную 14 апреля 2009 г. Статья называется «Америка – это новая Россия?» (Is America a new Russia?). И хотя автор ставит в заголовке знак вопроса, суть статьи в том, что, отрицая очевидной несхожести американской и российской экономик, он делает акцент на том общем, что проявилось в них с начала финансового, а затем и экономического кризиса. При этом вычленяет он это общее, по сути дела пересказывая опубликованную в мартовском номере «Атлантик мансли» статью бывшего главного экономиста МВФ, профессора Массачусетского технологического института Симона Джонсона.³³

В статье Джонсон писал, что сходство ситуаций в США и России в канун кризиса «шокирует». И далее он по пунктам перечисляет то основное, в чем заключалось это сходство.

Во-первых, это масштабный приток иностранного капитала в финансово-корпоративный сектор двух стран.

Во-вторых, это непомерный рост и вширь и вглубь кредитования институциональных и индивидуальных клиентов.

В-третьих, это превосходящее все разумные нормы обогащение верхушки финансового и корпоративного бизнеса.

И, в-четвертых, это взлет стоимости активов, особенно связанных с собственностью.

Не буду дальше останавливаться на содержании статей, хотел бы только сказать, что хотя и Вульф, и Джонсон ссылаются только на Россию и США, в действительности данные ими характеристики поведения крупного бизнеса могут быть распространены, хотя и не в одинаковой мере, на куда более широкие круги как странового, так и транснационального уровней.

Если продолжить перечень общих черт, характерных в канун кризиса для ситуации в России и на Западе, то к только что сказанному следует добавить наличие потребительского бума, который, при всем его качественном и количественном своеобразии имел место не только в странах Запада, но и в России.

Сюда же можно причислить «потребление в долг». А также уверенность основной массы населения в том, что в дальнейшем его благосостояние будет лишь улучшаться.

Но, как уже было сказано, на входе в кризис имелись и отличия, причем отличия весьма и весьма существенные. К числу таковых я отнес бы в первую очередь кардинальную разницу в положении и роли малого и среднего бизнеса.

³³ Примечательно, что статья Мартина Вульфа была полностью перепечатана в газете «Ведомости» от 24 апреля 2009 г.

Что касается ситуации в странах Запада, то она, на мой взгляд, была очень основательно проанализирована и адекватно оценена в «Специальном докладе о предпринимательстве», который был опубликован в еженедельнике «Экономист» за 12 марта 2009 г. Как пишут авторы этого доклада, развитие малого и среднего бизнеса за последние 30 лет явилось своего рода «мейнстримом» в западной экономике, в результате которого имел место не просто рост, но «ренессанс» предпринимательства. Его особенностью, подчеркивают авторы, было то, что оно было поддержано как политическими лидерами (правыми и левыми), так и мощными группами давления, и в первую очередь – крупным корпоративным капиталом. В результате помимо традиционных форм предпринимательства широкое развитие получил «венчурный капитализм», коммерциализация университетов, другие способы приобщения предпринимательства к новым технологиям. Кроме того, были созданы благоприятные условия для использования возможностей Интернета, различного рода сетевых структур и т.д. и т.п. Авторы также довольно подробно пишут о тех же процессах в Индии, Китае, Сингапуре. При этом они подчеркивают большое своеобразие предпринимательских новаций и инициатив во всех этих странах, особо отмечая ту позитивную роль, которую играет развитие малого и среднего бизнеса не только в чисто экономическом, но и в социальном плане. В данной связи они пишут о такой специфической его форме, как «социальное предпринимательство», которое в последние годы в ряде стран довольно широко распространено и которое начинает существенно сказываться на самом характере отношений бизнеса и общества.

Не буду развивать эту тему дальше, скажу лишь, что она заслуживает самого пристального внимания наших российских экономистов и социологов. Увлечшись процессами, происходящими в «большом бизнесе», мы допустим перекося в наших исследованиях. И перекося этот необходимо срочно выправлять.

Хотелось бы отметить еще пару существенных особенностей, характерных не только для докризисной, но и кризисной ситуации в странах Запада. Я имею в виду, прежде всего, развитую систему социального страхования, позволяющую гражданам, оказавшимся в сложной ситуации, пользоваться основным набором социальных услуг и иметь гарантированный минимум обеспеченности. Я имею в виду также низкий уровень инфляции, исключающий риск обесценения доходов и сбережений основной массы населения.

Особенности российской ситуации и на входе в кризис, и в условиях самого кризиса вынуждают концентрироваться на явлениях, которые не смягчают, а существенно усугубляют и течение самого кризиса, и положение тех, кого он в той или иной мере затрагивает. Начну с того же малого и среднего бизнеса. Об «угнетенности», неразвитости этого бизнеса много пишут и говорят, и в том числе – первые лица государства. Пытаться здесь что «доказать» - значит ломиться в открытую дверь. И все же некоторыми соображениями на сей счет хотелось бы поделиться. Когда наши ответственные политические деятели и авторитетные аналитики говорят о том, что нужно «снизить административное давление на бизнес», принять меры по ограничению коррупции, упускается из вида главная, первичная причина или первопричина той вопиющей аномалии, которую иначе, как запретительной практикой на развитие предпринимательства назвать нельзя. Это не просто алчность бюрократа, стремящегося поживиться на чужой счет. Это – органическая несовместимость ценностей и той идеологии, которых придерживается наша бюрократия и наше мелкое и среднее предпринимательство. Пользуясь почти безграничной свободой устанавливать правила игры в отношениях и с предпринимателями и с рядовыми гражданами, современная российская бюрократия и чиновничество инстинктивно чувствуют, что она в силах делать это лишь до тех пор, пока и административно, и политически она может подавлять их и «держат под каблуком». Ибо если предпринима-

тельство будет отпущено на свободу и станет заполнять искусственно сохраняемый вакуум своей потенциальной экономической активности, то изначально свойственные ему ценности независимости, инициативы и гражданской самодеятельности вырвутся на свободу и «овладеют массами» (включая и ту часть средних слоев, которой чужда бюрократическая ментальность). Подобного рода «переворот» неизбежно обрушит нынешние правила игры и заставит бюрократию играть по совсем другим правилам.

Мы очень много, даже чересчур много рассуждаем о среднем классе, уповая на то, что ему следует укрепиться и расшириться, как произойдут столь необходимые и желательные изменения и в политической системе, и в отношениях общества и государства. При этом часто вольно или невольно упускаем из вида то обстоятельство, что примерно половина нынешнего «среднего класса» (по данным Института социологии) – это и есть та самая бюрократия и чиновничество. Они, превратившись в паразитирующие на обществе рантье, давят и угнетают вторую ее половину, не дают ей подняться с колен и не только количественно, но и качественно делают ее неспособной к самостоятельному социальному и политическому действию.³⁴ Причем относится это, как мы все понимаем, не только к предпринимательству, но и к работникам интеллектуальных профессий, «новому рабочему классу» и всем тем, кто является потенциальным носителем указанных ценностей.

Так что алчность, коррупция нашей бюрократии и чиновничества – это явления скорее второго порядка, вытекающие из их глубинных сущностных характеристик, напрямую связанных с их положением в обществе и государстве, которое можно охарактеризовать как положение господствующего класса. И пока такое ее положение сохраняется, никакие антикоррупционные меры и никакие частичные ограничения бюрократического произвола делу развития предпринимательства не помогут.

Понимание этой истины постепенно проникает в сознание и самого малого бизнеса, который, не полагаясь на добрую волю властей, стремится использовать собственные методы борьбы с этим злом. Примером такого рода активности можно считать создание некоторое время тому назад организации «Бизнес-солидарность», призванной совместными усилиями защищать интересы предпринимателей, оказавшихся жертвами чиновничьего и судебного произвола. Примечательно, однако, что, убедившись в крайне слабой эффективности обращений в разного рода инстанции, и в том числе судебные, лидеры организации стали предлагать более радикальные меры. Как пишет в опубликованной около месяца тому назад статье председатель этого объединения Яна Яковлева, «осуществить перелом в отношениях бизнеса и бюрократии» невозможно без «приватизации» этой последней и переориентации значительной ее части на открытие «своего дела».³⁵

Я бы интерпретировал это предложение как нацеленное на превращение «бизнесмена-рантье», которым во многих случаях является паразитирующий на реальном бизнесе чиновник, в бизнесмена-предпринимателя. При всей ее кажущейся экстравагантности, идея эта может быть положена в основу политики и политических решений, способных разрубить этот «гордиев узел», который связал по рукам и ногам не только наше предпринимательство, но и наш управленческий аппарат.

Не в силах полностью закупорить источники роста среднего класса, бюрократия и чиновничество пытаются разными способами «окуклить» его наиболее пер-

³⁴ Можно по-разному интерпретировать конкретные причины трагедии в г. Кировске, где доведенный до острого психического расстройства предприниматель расстрелял 26 марта 2009 г. мэра и его заместителя и тут же застрелился сам, но в широком, политическом плане это событие, с моей точки зрения, символизирует тот антагонизм между бизнесом и бюрократией, который удерживается в рамках приличия, но иногда и прорывается наружу («Независимая газета», 26.Ш.09)

³⁵ «Ведомости», 15 марта 2009

спективных представителей, превратить их в элиту среднего класса и тем самым удержать и даже расширить распростертую над ним длань.³⁶

Конечно, осознание важности развития малого и среднего бизнеса, наконец, пришло и к нашим политически верхам. Те или иные поощрительные меры, которые ими стали приниматься, какой-то эффект могут дать и, скорее всего, дадут. Но чтобы ситуация поменялась коренным образом, нужно нечто другое, а именно лишение бюрократии ее нынешних властных функций и превращение ее в простого исполнителя воли большинства нации.

Не будем, однако, вторгаться дальше в эту сугубо политическую тему. Все, что я хотел здесь сказать – это наличие прямой связи, казалось бы, сугубо прикладной темы развития предпринимательства с характером и сущностью нашего общественно-политического устройства. Связи, которую нужно всесторонне анализировать и делать из этого анализа соответствующие политические и практические выводы.

Если теперь перейти к другим особенностям российской власти и российского бизнеса на входе в кризис, то, прежде всего, стоит сказать о прогрессирующем росте т.н. госкапитализма.³⁷ Этот рост реализовался как по линии огосударствления ряда производств, возвращающегося госконтроля над ними, так и по линии создания ряда новых госкорпораций, отличающихся самим характером их отношений с государством. В отличие от обычных госкорпораций где представители государства располагают большинством голосов в советах директоров, новые, созданные в 2005 г. и позже госкорпорации типа «Ростехнологий», «Росолимпстрой», «Росатома» и др. получили статус автономных, «некоммерческих» организаций, в результате чего их руководство может довольно свободно распоряжаться полученными от государства активами и самостоятельно изыскивать пути и способы выполнения возложенных на них функций. Российская экономика, таким образом, вошла в кризис, уже будучи в значительной степени огосударственной. Существенное значение имело и то, что частные или частно-государственные корпорации, равно как и упоминавшийся только что мелкий и средний бизнес, находились и находятся в прямой политической зависимости от государства, и по сути дела встроены в т.н. властную вертикаль. Я еще раз акцентирую внимание на этом факте с тем, чтобы попытаться вскрыть подоплеку еще одной весьма и весьма существенной особенности российского бизнеса и российской экономической и политической ситуации, а именно крайне слабого доверия нашего предпринимательства к государству и государственной власти. Первопричиной является неуверенность в прочности своих позиций и своего бизнеса и как следствие этого – стремление обезопасить свои активы любыми доступными способами, вплоть до вывоза их за рубеж. Причем это относится не только к бизнесу отечественному, но и зарубежному.

Впрочем, недоверие бизнеса к государству и государственной власти отнюдь не является односторонним, оно является обоюдным, и это взаимное недоверие де-

³⁶ Особенно много делается на этой линии руководством партии «Единая Россия», которая вплотную занялась выращиванием «элиты среднего класса», призванной постепенно вытеснить «старые» управленческие кадры и занять их место. Однако сам способ выращивания «новой элиты», основанной на передаче ей ценностных ориентаций и поведенческих навыков элиты старой, заставляет усомниться в том, что она окажется в силах сколько-нибудь существенно повлиять на сложившиеся правила игры.

³⁷ В ряде своих печатных работ и устных выступлений я пытался обосновать тот тезис, что понятие «государственный капитализм» является слишком широким и размытым, чтобы адекватно отразить суть отношений современного российского бизнеса и государства. С моей точки зрения более точным и учитывающим особую роль политического аспекта данных отношений является понятие «государственный корпоративизм». Сознвая нецелесообразность «отягощения» данной мною же предельно краткой аргументации на этот счет, отсылаю всех, кто заинтересуется данным вопросом к публикациям, где эти аргументы присутствуют (см. С.П.Перегудов. Бизнес и бюрократия в России: эволюция отношений. «Полития», 2007; С.П.Перегудов. Политическая система России после выборов 2007-2008 гг. – «Полис», №2, 2009).

лает особенно сложным нахождение путей сближения и партнерства, являющегося непременным условием их конструктивного и плодотворного взаимодействия.

Проблема доверия существует также и в отношениях бизнеса с обществом, значение которого определяется, прежде всего, тем, что от него в решающей степени зависит формирование столь существенных для нормального функционирования современной экономики социального капитала и капитала репутационного. Приходится, однако, констатировать, что ситуация здесь далеко не благополучная, и ни в одной стране Запада уровень доверия населения к крупному бизнесу не находится на столь низком уровне, как это имеет место в России. Согласно недавнему опросу, проведенному одним из международных агентств среди активной части населения 20 стран, уровень доверия к крупному бизнесу в России – в 2-3 раза ниже, чем в таких странах как Британия, Германия, Швеция и ряде других. Если в этих странах он и составляет где-то от 60 до 70%, то в России – всего 24%.³⁸

Все это означает, что вопрос доверия между бизнесом и властью и бизнесом и обществом – одна из ключевых проблем нашего не только «кризисного» и «посткризисного» развития, но и общественно-политического развития вообще. Острый дефицит этого доверия – свидетельство глубокого неблагополучия в общественных отношениях. Так что проблема не только в том, чтобы выйти из кризиса, но и в том, чтобы, выходя из него, преодолеть, а не усугублять существующие аномалии.

Проблема доверия или, точнее, его дефицита усугубляется еще одной хорошо известной особенностью российского общества. Речь идет о вопиющем социальном неравенстве. 1-1,5% населения присваивают себе львиную часть национального дохода, а доля тех, кто не может свести концы с концами, достигает 25-30 %, причем в условиях кризиса эта доля еще более возрастет.

Накопленный за «эру Путина» стабилизационный фонд помогает смягчить негативные последствия кризиса. Однако тот факт, что за те же годы не делалось никаких серьезных попыток использовать приток нефтедолларов для преодоления «сырьевого» характера российской экономики и развития массового предпринимательства, привел к тому, что краткосрочный выигрыш от «монетаризма» низвел до нуля тот долгосрочный дивиденд, который могла реализовать эффективная промышленная политика. Примечательно, что и о самой промышленной политике в центрах принятия экономических решений заговорили лишь в самый канун кризиса, причем реальные плоды эта переориентация, даже если она и была, не дала или не успела дать. Сторонники стабфонда утверждают, что их стратегия полностью оправдала себя и что если б не стабфонд, экономика страны рухнула бы так же, как она рухнула в августе 1998 года. Однако при этом не учитываются два обстоятельства. Во-первых, основные вливания за счет стабфонда пошли на поддержку переживавшихся крупными и сверхкрупными бизнес-групп, причем государство в свое время ничего не сделало для того, чтобы воспрепятствовать этой погоне за «дешевыми» кредитами. Во-вторых, никто не мешал государству создать одновременно достойный этого названия «фонд благосостояния» и проводить целенаправленную промышленную политику. Для этого нужно было лишь отказаться от напоминавшей советские времена гигантомании «великихстроек» и проводить реалистичную, целенаправленную политику возрождения и модернизации экономики страны. Вместо этого стали говорить исключительно об инновациях и инновационных технологиях, причем нередко складывалось впечатление, что акцент на инновации, как и в свое время на «постиндустриализм», служил, в основном, прикрытием для проведения совсем иной «постиндустриальной» политики. Возобладовавшие в предкризисный период гигантомания и расточительство (и по линии государства, и по линии крупного

³⁸ «Ведомости», 14 апреля 2009 г.

бизнеса) напрочь заблокировали создание «равновесной» экономики и одновременно еще более укрепили политические позиции чиновничества и бюрократии.

Как видим, ситуация «на входе» в кризис и в России, и на Западе, при всей схожести его первопричин, отличалась рядом существенных особенностей, не позволяющих мерить их некоей общей меркой.

Специфика ситуаций там и здесь будет, конечно же, давать о себе знать и на выходе из кризиса, однако попытаемся вначале остановиться на тех проблемах, которые уже сейчас можно обозначить как общие или, по крайней мере, сходные для них.

В первую очередь это касается положения дел на территориях и производствах, наиболее существенно пострадавших от кризиса. Эти территории с известной долей условности можно будет назвать депрессивными, т.е. такими, в которых и экономическая, и социальная ситуация будет кардинально отличаться, разумеется, в худшую сторону, от той, которая существовала до кризиса. Собственно, таковой она во многих случаях является уже сейчас, и вряд ли есть основание рассчитывать на то, что после кризиса все встанет на свои места. На то он и кризис, чтобы какие-то производства «ушли» или резко ослабли, а какие-то, напротив, начали вырываться вперед. В условиях же быстрых научно-технических сдвигов такого рода сочетание стагнации и обновления, особенно в посткризисный период, становится еще более неизбежным, нежели прежде. Если, однако, посмотреть на ситуацию, как она есть сейчас, то пока что это, в основном, стагнация, причем всерьез затронувшая ряд территорий и в самых «благополучных» странах.

Чтобы не быть голословным, хотел бы сослаться на сообщения британской деловой прессы о том, как сильно ударил кризис по таким промышленным центрам, как Лидс, Бирмингем, а также целому ряду других городов Центральной и Северной Англии и Шотландии. Предприятия там сбавляют обороты и даже останавливаются, люди остаются без работы, социальная сфера испытывает острое напряжение.³⁹ Как известно, нечто подобное, хотя большей частью и не в таких крупных масштабах, происходит и в целом ряде других стран Запада, включая и США.

В России процессы деиндустриализации идут уже давно, и хотя в каком-то плане происходящее здесь – это явление того же порядка, что и на Западе, здесь также останавливаются предприятия, испытывает напряжение социальная инфраструктура. И поскольку во многих случаях кризис затронул практически все системы жизнедеятельности и жизнеобеспечения, попавшие в трудное положение, на выходе из кризиса возникает вопрос о целом комплексе мер, призванных возродить эти территории.

Как наверняка известно многим из участников нашей конференции, страны Запада, и в первую очередь Великобритания и США, сталкиваются с этой проблемой не впервые. Еще в 60-е – 70-е гг. в Великобритании в результате миграции более благополучной части населения в пригороды, в освободившиеся кварталы устремились иммигранты, а также «неблагополучные» граждане самой этой страны. В результате происходила быстрая деградация этих территорий, разрушение социальной и коммунальной инфраструктуры с сопутствующим ростом преступности и т.д. и т.п. Будучи в тот период неоднократно в научных командировках в Британии, я имел возможность собственными глазами наблюдать подобного рода деградацию и в ряде районов Лондона, и в Лидсе, и в Глазго и во многих других городах. Проблема эта тогда стала, без преувеличения, социальной проблемой страны номер один.

Как это, возможно, ни покажется странным, за ее решение взялись не лейбористы, при которых экономика страны находилась в перманентно угнетенном состоянии, а пришедшие им в 1979 г. на смену консерваторы. Вопреки своей филосо-

³⁹ См. “Financial Times”, 14.04. 2009.

фии «чистого рынка» и «маленького социального государства», они создали целую сеть т.н. кванго (квазинеправительственных организаций), в рамках которых государство и бизнес на партнерских началах стали браться за лечение ряда застаревших болезней общества. По сути дела «кванго» заменили собой трипартистские структуры, в которых взаимодействовали бизнес, государство и профсоюзы и которые были нацелены, в основном, на «умиротворение» профсоюзов.

С точки зрения решения проблем «внутренних городов» наиболее эффективными оказались такие «кванго», как корпорации городского развития, в их рамках бизнес и городские власти совместно планировали реконструкцию пришедших в упадок территорий, а затем успешно эти планы реализовывали. В результате в течение ряда лет, казалось бы, неразрешимая проблема была фактически снята с повестки дня. Своего рода образцом ее решения стала реконструкция славившегося своей неустроенностью и антисанитарией лондонского Истэнда, который превратился едва ли не в образцовый культурный и деловой центр.

С приходом к власти в 1997 г. лейбористов они создали еще один вид «кванго» - советы регионального развития в 9 графствах Англии (включая Большой Лондон). О том насколько эффективными оказались эти советы, в составе которых – не только бизнес, региональные власти, но и представители влиятельных организаций гражданского общества, рассказал совсем недавно министр промышленности и торговли П.Мендельсон. Согласно его данным, на каждые вложенные государством 2 млрд.ф.ст. в год создаются новые или обновленные структуры стоимостью в 4.5 млрд.ф.ст.⁴⁰ Уже после начала нынешнего кризиса правительство инициировало создание “property quangos”, призванные облегчить строительство «социального жилья» для нуждающихся.⁴¹ Опыт такого рода публично-частных партнерств становится востребованным и в других странах.⁴²

Сейчас такого рода взаимодействие частного бизнеса и государства стало называться публично-частным партнерством (public-private partnership), третьим участником которого зачастую, особенно при решении инфраструктурных и социальных проблем, становятся организации гражданского общества. В качестве примера такого рода «нового трипартизма» можно сослаться на реализованный в 90-е гг. проект возрождения пришедшего в упадок бывшего центра сталелитейной промышленности г. Питтсбурга.⁴³

Если теперь взглянуть на те же проблемы в России, то бросается в глаза не только отмеченное выше сходство последствий кризиса, но и несоразмерность возникающих здесь проблем.

Не секрет, что еще до кризиса в результате целого ряда причин, и в том числе субъективного порядка, великое множество предприятий, и в том числе крупных и градообразующих оказалось в трудном положении и лишь с большим трудом держалось «на плаву». Естественно, что кризис больше всего ударил именно по этим предприятиям, которые либо резко сократили производство, либо стали останавливаться вообще. Неизбежно встал вопрос о будущем этих предприятий, причем широко постулируется тот тезис, что благодаря кризису как бы сама собой произойдет «санация» неэффективных и неспособных к реконструкции предприятий и можно, наконец, будет освободиться от этого балласта.⁴⁴

Однако, сказав «А», нужно говорить и «Б», т.е. определить, что будет создано взамен. В противном случае в результате такого рода «санации» мы можем полу-

⁴⁰ См. “Financial Times”, 1.04. 2009

⁴¹ Ibid

⁴² См. “Economist”, March 20, 2009 (Adv.: “Institute for Housing and Urban Development”, Netherlands).

⁴³ Подробно об этом проекте и его реализации см. St.Osborne (ed.) Public Private Partnership. L., 2007, pp.209-210.

⁴⁴ «Краснодарский форум» - «Ведомости», 25 марта 2009.

чить не обновление экономики, а массу «черных дыр», т.е. территорий, которые придут в окончательное запустение и население которых будет вынуждено либо «разбегаться», либо жить на подачки со стороны государства.⁴⁵

Я не утверждаю, что все это обязательно произойдет. Я только хочу сказать, что мы сталкиваемся здесь с проблемой, решение которой требует самых решительных и масштабных действий. Очевидно, что решению этих задач могло бы способствовать то самое государственно-частное партнерство, которое с некоторых пор стало признаваться как одно из эффективных способов реализации как тактических, так и стратегических задач нашей экономики.

Но окажутся наши ведущие политические и экономические акторы способными если не осуществить решение этих масштабных задач, то хотя бы положить весомое начало их решению?

К сожалению такого рода задача, судя и по программе 2020, и по антикризисной программе, даже не ставится, по крайней мере напрямую, и это побуждает всерьез отнестись к предостережениям относительно превращения больших групп нашего населения в вынужденных иждивенцев.

Именно такого рода предостережение, а точнее – прогноз содержится в блоге Марины Вешняковой на сайте «Lenta.R.D.RU». Ее первый материал – «Социальные иждивенцы – навык бедной жизни» вызвал целый поток откликов, один из авторов которого написал, что тема эта «всех возбудила». Собственно, именно такого впечатление и оставляют материалы этого блога, среди авторов которых – и сами «иждивенцы» и те, кто озабочен этой проблемой и, наконец, те, кто как писал один из них, «хотел бы быть иждивенцем».

Не секрет, что проблема бедности и «иждивенчества» носят серьезнейший характер в странах Запада. Известный британский социолог Энтони Гидденс назвал таких людей «социально исключенными», т.е. живущими практически не в обществе, а на его «обочине». Напротив, людей, которых и по уровню, и по образу жизни можно считать людьми «общественными», он назвал «социально включенными». Соответственно, одной из первостепенных задач любой власти, заявляющей о себе как о пекущейся об общественном благе, Гидденс, как и многие его единомышленники, считал и считает низведение числа «социально исключенных» до ничтожно малого уровня, а лучше – до нуля.⁴⁶ Примечательно, что и терминология, и соответствующее целеполагание принято рядом стран Европейского Союза и руководящими органами ЕС.

Естественно, что в условиях кризиса проблема «социальной исключенности» и иждивенчества повсеместно обостряется, а на выходе из кризиса наверняка будут предложены и какие-то новые пути ее решения. И можно не сомневаться в том, что одним из этих путей станет преодоление того неустройства, которое возникло и, скорее всего еще возникнет на тех проблемных территориях, о которых говорилось выше.

Но если в странах Запада, как мы видели, существует уже накопленный опыт решения подобного рода проблем, то в России мы этот опыт только начинаем обрести, притом очень неуверенно.

Россия, конечно же, выйдет из кризиса, но весь вопрос в том, какой она из него выйдет и какой вектор здесь возобладает: пойдём ли мы по пути наращивания поколения иждивенцев и преуспевающих рантье или же найдём в себе силы не на

⁴⁵ О попытках решать проблемы безработицы и нужды в депрессивных районах лишь на путях выплаты пособий как о пути, «ведущем в небытие», «стратегии постепенной деградации населения и вымирания страны до уровня, достаточного для обслуживания трубы» писал пару недель тому назад и такой солидный деловой еженедельник, как «Эксперт» (см. «Эксперт», №11, 23-30 марта 2009 г.)

⁴⁶ A.Giddens. The Third Way. L., 1998, p.99-128.

словах, а на деле поменять тот порядок, при котором наиболее динамичная часть реальных и потенциальных производителей угнетена, а «слуги общества» стали его хозяевами.

**Каменская Г.В., д. полит.наук.
Глобальный кризис:
технологический или идеологический подход?**

Для начала мне хотелось бы привести два высказывания, которые взяты из разных по жанру и стилистике работ, но объединены очень характерным умонастроением авторов.

Первое высказывание принадлежит автору монографии, рекомендуемой студентам и аспирантам политологических специальностей, а также политикам, преподавателям, научным работникам и всем, кто, как сказано в аннотации, «интересуется реальной политикой и кому небезразлична судьба России» (автору, кстати, принадлежит также несколько учебных пособий, по которым читаются курсы лекций в ряде ведущих московских вузов). На первых же страницах монографии, опубликованной в 2007 году, автор выражает полное согласие с тезисом Ф.Фукуямы о «конце истории» - некогда громко прозвучавшим, затем полузабытым, но, как постоянно приходится видеть, и поныне сохраняющим для многих политиков и политологов в России свою убедительность. Подтвердив, вслед за Ф. Фукуямой, уверенность в том, что формирование либеральных ценностей завершает идеологическую эволюцию человечества, автор далее пишет: «конец истории» следует рассматривать лишь как некую идеальную перспективу постиндустриального развития цивилизации, суть которой состоит в существенной, но не абсолютной универсализации политических систем, воплощающих в регулировании жизнедеятельности социума базовые либеральные ценности и принципы полиархической демократии и потому способных решить все фундаментальные проблемы человечества".⁴⁷

Второе высказывание взято из научной монографии адресованной, прежде всего, исследовательской аудитории. Анализируя наиболее перспективные тенденции современного экономического развития ведущих стран мира, авторы делают такой вывод: «В период циклического подъема 90-х годов XX в. в США впервые проявились характеристики *нового типа экономического развития*, который получил популярное название «новая экономика... В течение века с четвертью (до начала 1980-х годов) экономика США находилась в состоянии рецессии 35% времени этого периода; с 1982 до 2000 г. – всего 4%. Можно предположить, что постепенное сглаживание низших стадий экономического цикла, так же как и особый тип подъема 1990-х годов, станет постоянной характеристикой ситуации начала текущего века».⁴⁸

Итак, в обеих публикациях, по сути, утверждается, что выработанные современным Западом принципы политической и хозяйственной организации позволяют преодолеть цикличность экономического развития, характерную для нескольких столетий истории индустриального производства, или даже вообще решить «все фундаментальные проблемы человечества». Вопрос, следовательно, состоит только в способности той или иной страны сформировать у себя институты, позволяющие успешно адаптировать опыт Запада к местным условиям.

Сейчас нет необходимости обсуждать тезис о свойстве «новой экономики», созданной в США, сглаживать низшие стадии экономического цикла, как и о том,

⁴⁷ Нисневич Ю.А. Аудит политической системы посткоммунистической России. – М.: Материк, 2007.

⁴⁸ Россия и мир в начале XXI века: новые вызовы и новые возможности. М., 2007, с.11.

есть ли вообще основания говорить о «новой экономике» – с началом нынешнего кризиса об этом прогнозе его авторы, скорее всего, хотели бы поскорее забыть.

Речь идёт о другом – рамки разговора о характере кризиса, задаваемые сейчас в нашей стране на официальном уровне, в точности совпадают с умонастроениями исследователей, выраженными в процитированных работах. То есть в выступлениях высших должностных лиц России постоянно проводится мысль о кризисе как весьма ординарном для мировой экономики событии, выделяющемся на фоне ранее происходивших кризисов, хорошо известных экономистам и историкам, лишь своими масштабами и, возможно, глубиной спада. Россия, как подчёркивается, за истекшие два десятилетия стала частью мировой экономики, и поэтому кризис не мог обойти её стороной. Соответственно, перспективы восстановления экономического роста в нашей стране зависят от сроков преодоления мирового кризиса и, в первую очередь, от оживления рынка сырьевых товаров и повышения цен на углеводороды.

Чтобы убедиться в корректности такого изложения официальной точки зрения, обратимся, например, к одному из интервью Президента России – его беседе с главным редактором информационной службы НТВ 19 апреля 2009 года. Отвечая на вопрос редактора о состоянии жилищного строительства в стране в условиях кризиса, Д.А.Медведев говорит: «Было бы самым плохим сценарием, а это, кстати, бывало в нашей истории, когда действительно разговорами о реформе политической системы пытались подменить самые фундаментальные, самые главные для человека вещи: возможность заработать нормальные деньги, возможность прокормить себя, семью, спокойствие и безопасность на улицах, просто жизнь человека... Я считаю, что в период кризиса, полноценного финансового кризиса, мы скорее должны заниматься главными задачами, а именно преодолением последствий этого кризиса, то есть решением насущных экономических проблем от макроэкономических до вполне конкретных, о которых мы с Вами только что говорили, – скажем, проблем жилищных». ⁴⁹

Конечно, президент страны не должен в беседах с журналистами делать какие-либо алармистские прогнозы. Но в данном интервью, как и в ходе многих других встреч с журналистами, как представляется, Д.А. Медведев не просто говорит то, что ему «положено по должности» - он отвечает вполне искренне. Президент действительно убеждён, что важнейшая историческая задача России – обеспечить спокойствие и комфорт её граждан, живущих по европейским стандартам благосостояния. Благополучная Россия в составе Европы – таким хотел бы видеть будущее страны Д.А. Медведев.

Примерно из такого же сценария исходят и авторы официальных документов, определяющих стратегию развития России на годы и десятилетия вперед. Даже весной 2009 года, через несколько месяцев после официального признания начала экономического спада в России, когда регулярно публикуемые прогнозы состояния дел в экономике еврозоны и США раз от раза ухудшаются, на сайте Министерства экономического развития РФ в прежнем варианте размещалась «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года». В этом документе утверждается: «За последние годы Россия восстановила статус мощной экономической и финансовой державы, подтверждая свое право находиться в группе крупнейших стран – мировых лидеров, как по динамике развития, так и по масштабам экономики». И далее говорится: «Мировой финансовый кризис, начавшийся летом 2007 года и резко обострившийся во второй половине 2008 г., по всей видимости, серьезно изменит расстановку сил на мировых финансовых рынках, их структуру и принципы функционирования. Его осмысление требует определенного

⁴⁹ http://www.kremlin.ru/appears/2009/04/19/1200_type63379_215191.shtml

времени. При этом для российской финансовой системы данный кризис является не только источником проблем, но и источником новых возможностей.⁵⁰

Следовательно, масштаб максимально глубоких изменений, ожидающих мировую экономику в предстоящее десятилетие, очерчивается экспертами Министерства экономического развития пределами новой конфигурации мировых финансовых рынков. Сохранение же самого типа экономической системы ни в коей мере не ставится под сомнение. Всё внимание специалистов, разрабатывавших концепцию, было направлено на анализ сценариев более эффективного встраивания России в сложившуюся систему мирового хозяйства. То есть ведущие аналитики министерства «по умолчанию» приняли идею неизменности выработанных странами Запада хозяйственных норм, остающихся на неопределённо долгий срок общими принципами мировой экономики, а также преходящего характера кризиса, безусловно, изменяющего для России внешнеэкономическую конъюнктуру, но не грозящего какими-либо фундаментальными экономическими сдвигами.

Такая априорная уверенность руководства страны и многих аналитиков в оценке кризиса как события, неординарного по своим масштабам и последствиям, но не выходящего за пределы логики развития существующей экономической системы, далеко не случайна. Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление и обратиться к совсем недавней истории, связанной с настоящим исследовательским бумом, который начался в нашей стране несколько лет назад вокруг идеи улучшения имиджа России.

Все мы хорошо помним, как примерно с 2005 года политологи, культурологи, специалисты по рекламе в один голос начали говорить о необходимости улучшения имиджа России в глазах зарубежной общественности. Тогда же авторы солидных журналов неожиданно обратили внимание на враждебное отношение Запада к России и заинтересовались его причинами, а затем в один голос начали давать рекомендации, как это отношение изменить.

Надо заметить, что об истории многовековой вражды Запада к нашей стране гораздо раньше, ещё в 90-е годы, исчерпывающе высказались авторы, относящие себя к патриотическому направлению, - достаточно назвать, скажем, известную работу К.Г. Мяло «Хождение к варварам, или вечное путешествие маркиза де Кюстина». Но ведь даже в 90-е годы для аналитиков и публицистов, оппонировавших ещё политике «позднего» Горбачёва, а затем и Ельцина, тема восприятия России Западом, какой бы она ни была политически актуальной, в теоретическом отношении не стояла особенно остро. Ответ на вопрос о том, почему Европа враждебна России, был известен им, по крайней мере, со времён опубликования работы Н.Я.Данилевского «Россия и Европа». В статье «Хождение к варварам» К.Г.Мяло как раз и доказывает, что смена политического строя в нашей стране мало влияет на базовый мифологический образ России на Западе. Как и во времена Н.Я. Данилевского, и при СССР, и сейчас Запад продолжает воспринимать Россию в качестве «дурного Востока» - страны-антипода свободного Запада, населённой народом, неравноценным в антропологическом отношении людям «цивилизованных стран».

Очень характерно, что в публикациях по имиджу начала 2000-х гг. практически не было упоминаний о статьях К.Г.Мяло. Обойти молчанием работу «Россия и Европа», конечно, было уж совсем неприлично, на неё ссылались и её цитировали, но выбор цитат более чем красноречиво показывал категорическое внутреннее несогласие авторов с выводами Н.Я.Данилевского. Скажем, охотно приводились слова Н.Я.Данилевского о том, что у русских есть исторические основания считать себя

50

«жертвой непрекращающейся агрессии Запада».⁵¹ А вот рекомендация Н.Я. Данилевского не брать на себя напрасный труд по просвещению общественного мнения Европы, поскольку Европа «сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать», оказывалась неслышанной.

То есть категорически неприемлемым оказывался, прежде всего, главный вывод Н.Я.Данилевского о чужеродности России для Запада, и для такого неприятия, конечно, имелись важнейшие причины ценностного и политического характера. Ведь Н.Я.Данилевский с полной определённой указывал на провиденциальные причины неприятия России Западом. А именно это не только не вписывалось в контекст, определивший появление в начале 2000-х гг. целой серии материалов по «имиджелогии», теории имиджа и имиджу России, но и прямо ему противоречило.

Можно утверждать, что характер этого контекста определялся появлением чётко сформулированного запроса со стороны политикообразующего класса России, запроса, которого раньше не было или он был выражен с гораздо меньшей настоятельностью. По всей вероятности, 2005 г. определил рубеж полного исчерпания того проекта, который последовательно реализовывался в России, по крайней мере, с 1991 г. Ни политически, ни психологически политикообразующий класс не был готов признать, что для России закрыт путь вхождения в «мировую» - западную – цивилизацию.

Политически - поскольку ради вхождения в «мировую цивилизацию» был разрушен Советский Союз, и в стране начался системный регресс.

Психологически признать тупиковый характер движения в сторону интеграции с Западом также было невозможно: за годы после ликвидации СССР правящая элита России потратила огромные средства и усилия на обустройство своего будущего в «нормальных», «цивилизованных» странах, приобретая за рубежом недвижимость, активы и вывозя в эти страны свои семьи.

Но если не было воли и готовности сказать - самим себе в первую очередь, - что места на Западе для России нет, то вполне можно было попытаться поискать паллиативный вариант поведения в ситуации постоянного, более чем определённого и многократно выраженного отказа Запада видеть Россию «частью Европы». Так появился запрос на рекомендации по улучшению имиджа России.

Для политических сил, сознательно пошедших на разрушение СССР, проект «вхождения России в Запад» был основным – другого политически и психологически приемлемого проекта у них нет. В такой ситуации усиленный поиск средств улучшения имиджа страны стал тактическим ответом её политикообразующего класса на стратегический по характеру вызов – вызов бытию России в современном мире. Пустоту на месте стратегического проекта «Россия в XXI веке» попытались заполнить тактическим проектом «имидж России», вместо разговора с обществом о будущем страны было предложено рассмотреть, как воспринимают Россию за рубежом и почему большинство материалов о России носит открыто негативный характер. Психологи назвали бы подобный приём вытеснением – болезненная проблема не только не обсуждается, но её существование вообще не признаётся, она вытеснена в глубины психики.

В начале этого десятилетия, как и в 90-е годы, политикообразующий класс России отказался от предъявления обществу внятного масштабного проекта, попытавшись заменить стратегическое целеполагание проблематикой образа России в западном информационном пространстве. Нынешние официальные рамки обсуждения глобального кризиса, по сути, определяются той же логикой – логикой встраивания в западный проект, когда усилия должны направляться лишь на улучшение условий вхождения в «европейский дом» или «мировой рынок», уже сформированный

⁵¹ Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М., 2005, с. 31.

на универсальных принципах демократии и экономической эффективности. Соответственно, основной линией экономической политики остаётся реагирование на изменение внешнеэкономической конъюнктуры и выжидание её более или менее скорого улучшения.

Какие бы суждения о природе и последствиях кризиса ни высказывались в среде экспертного сообщества, для политиков высокого ранга до сегодняшнего момента остаётся приемлемым только прогноз выхода из кризиса с сохранением прежнего качества системы. Не успел, скажем, руководитель главного финансового ведомства страны, А.Л. Кудрин в середине апреля заявить в интервью журналистам, что таких благоприятных внешнеэкономических условий, какие были у России в 2000-2004, не ожидается ещё как минимум лет десять, а, возможно, и пятьдесят, как премьер-министр, В.В.Путин тут же объяснил столь мрачный прогноз стрессом, который испытывал в тот момент министр финансов.

Между тем для многих аналитиков, как в России, так и в странах, ставших эпицентром нынешнего кризиса, очевидно, что неожиданная откровенность министра финансов России объясняется не столько стрессом, сколько хорошей осведомлённостью о состоянии дел в глобальной финансовой системе. И, как следует полагать, на взгляд министра картина такова, что ни о какой заурядности кризиса говорить не приходится. Надо напомнить, что современная экономическая теория считает невозможным горизонт прогнозирования в пятьдесят лет – такими цифрами оперирует лишь экономическая история. Следовательно, обозначенный в интервью министра финансов временной промежуток может означать только, что речь шла о предстоящем в ближайшем будущем длительном процессе глубоких качественных трансформаций мировой экономики (а также, добавим, политики и социальной сферы).

Собственно, если внимательно посмотреть, в каком ракурсе обсуждают нынешние события зарубежные политики и экономисты, а также многие эксперты в России, то окажется, что речь идёт именно о смене эпох. В зависимости от сфер интересов исследователей, прогнозы предстоящих кардинальных изменений прорабатываются в рамках двух основных сценариев: смена типа финансово-экономической системы и завершение истории самой индустриальной цивилизации.

В качестве примера сценария первого типа можно привести выводы, сделанные С. Сассен, профессором социологии Чикагского университета, автором ряда широко признанных работ по глобализации. Выводы тем более характерные, что С.Сассен сделала успешную и весьма типичную академическую карьеру, выражая в своих публикациях взгляды, которые ни в коей мере нельзя назвать радикальными. Так вот, по мнению С.Сассен, «отличие нынешнего кризиса ото всех предшествующих состоит... в том, что финансиализированный капитализм достиг пределов своей собственной логики. Благодаря финансиализации он чрезвычайно успешно извлекал прибыль из всех экономических секторов. Финансиализация внедрилась в настолько значительную часть каждой национальной экономики (особенно это касается развитых стран), что в этих экономиках почти не осталось областей, куда можно было бы двинуться с целью извлечь нефинансовый капитал и тем самым спастись. Оставшаяся часть экономики не могла обеспечить финансовую систему в целом таким количеством капитала, которое бы удержало ее на плаву».⁵²

Но если в мире практически не осталось неосвоенных капиталом сфер, то это означает только одно - необходимость перехода к принципиально новой экономической парадигме. Как полагает С. Сассен, миру предстоит ответить на два вызова: дефинансиализация крупнейших экономик и «необходимость выйти за пределы нынешней капиталистической модели». Хотелось бы особо подчеркнуть последнюю

⁵² http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1682&Itemid=36

фразу – «необходимость выйти за пределы нынешней капиталистической модели». Ведь ровно о том же в начале нынешнего года неоднократно говорили лидеры ведущих стран Евросоюза – президент Франции Н.Саркози и канцлер Германии А.Меркель. Существующую модель капитализма они назвали аморальной и подлежащей замене.

Получается разительный контраст: и академические эксперты, и политики самого высокого ранга на Западе задают метафизический масштаб осмысления кризиса, соглашаясь относительно неизбежности демонтажа нынешней капиталистической модели, а в России политические руководители страны остаются «прагматиками». Всё внимание они отдают переговорам и совещаниям о новых путях транспортировки российского газа потребителям Западной Европы, состоянию дел в российской автомобилестроительной промышленности, подготовке к зимней Олимпиаде в Сочи – но только не грядущей смене системы и месте в ней России.

Между тем сценарий глубокого изменения существующей финансово-экономической архитектуры мира отнюдь не является окончательным словом в аналитике, посвященной грядущим трансформациям. Немало число авторов прогнозов на предстоящие десятилетия идут гораздо дальше и предсказывают неизбежность исчерпания потенциала индустриальной фазы экономики в целом.

Из отечественных аналитиков, как представляется, смысл тектонических сдвигов, ожидающих мир в предстоящие десятилетия, наиболее адекватно выразил С.Б.Переслегин. Согласно его выводам, феномен глобализации служит лишь проявлением действительно всеобъемлющего процесса, который на ближайшие десятилетия определит мировую политику – процесса глубокого кризиса индустриальной фазы и предстоящего завершения эпохи промышленного развития. «Метафорическое содержание этого процесса предельно просто: бегущая волна экономической экспансии отразилась от условных границ земного шара и устремилась обратно, вследствие чего в физическом и смысловом пространствах образовалось что-то вроде «стоячей волны». Инфинитное движение стало финитным, ... а те силы, которые раньше придавали индустриальной экономике пассионарность, теперь разрушают эту экономику. Вполне очевиден и физический смысл происходящего. Глобализация есть политика предельного снижения трансакционных издержек во имя вовлечения в индустриальное производство/потребление последних остатков свободного экономического пространства Ойкумены».⁵³

Данная точка зрения, раскрывающая смысл процессов глобализации через их соотнесение с кризисом индустриальной фазы и падением потенциала индустриального развития, позволяет увидеть и оценить реальный масштаб исторических вызовов современности.

В теоретическом плане наступление момента исчерпания свободного экономического пространства стало очевидным ещё в XIX в., когда была доказана принципиально неравновесная природа индустриального производства, невозможность сбалансировать в его рамках процессы производства и потребления. Иными словами, было доказано, что капитал не может существовать без постоянной экспансии, без создания, в терминах марксистской теории, «всё расширяющегося круга обращения» – в отсутствие свободного пространства для расширения индустриальная экономика вступает в полосу дестабилизации.

Точкой отсчёта в дискуссиях о природе разворачивающегося сейчас кризиса, очевидно, и должно стать это важнейшее противоречие современного этапа социально-экономического и исторического развития. Ведь кризис – если есть необходимость повторять известную истину, – это момент разрешения накопившихся противоречий. Разрешить противоречие между потребностью индустриальной экономики

⁵³ Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., 2006, с. 491-492.

в постоянной экспансии и конечностью свободного экономического пространства можно только двумя способами: выходом за пределы индустриальной фазы или остановкой развития, сбрасыванием населения большей части стран в состояние направленного регресса. Какой бы из двух способов ни был реализован, он будет означать качественное преобразование современного мира – прежние двигатели экономического развития больше не могут обеспечивать движение вперёд.

Возможно, как полагают многие аналитики, нынешний кризис, инициированный потрясениями на финансовых рынках, будет развиваться циклично, и экономический спад в странах, затронутых кризисом, на несколько лет сменится подъёмом основных экономических показателей. Но ведь проблема того, что расширение индустриального производства натолкнулось на конечность мира и потому далее объективно невозможно, - уже заявлена. Она заявлена словами ведущих политиков Евросоюза о смене модели капитализма – и надо обсуждать, как будет происходить эта смена, что придёт на место «финансиализированного», если использовать терминологию С.Сассен, капитализма, какие кардинальные политические и социальные сдвиги могут происходить в переходный период, возможна ли вообще такая смена одной модели капитализма другой. Проблема заявлена выводами аналитиков о невозможности дальнейшей экспансии индустриальной экономики и, следовательно, неизбежности её замены. У сторонников тезиса о постиндустриальном характере экономики западных стран есть аргументы, доказывающие, что постиндустриальное, информационное общество означает выход за рамки индустриального производства, что оно обеспечивает рост производительности труда и капитала, и нынешний кризис действительно может быть преодолен без изменения принципов системы? Тогда надо обсуждать эти аргументы. Но в любом случае нельзя вести дискуссию так, как будто не существует самого противоречия между потребностью индустриального производства в свободном экономическом пространстве и отсутствием в современном мире такого пространства. Нельзя всё сводить к временным сбоям в финансовой системе и способам их преодоления, к выработке более жёстких правил регулирования финансовых рынков и повышения прозрачности глобальных финансовых потоков.

В нынешнем мире объективно накапливается слишком много болевых точек, чтобы Россия могла надеяться на десятилетия спокойного развития.

Каким будет, скажем, ответ США и Евросоюза на экономический вызов Китая в условиях, когда мир стал слишком тесным даже для одной страны-лидера? Буквально на днях появилось сообщение, что по итогам 2008 года Китай стал ведущей машиностроительной державой мира, обойдя США и Германию: доля Китая на мировом рынке машин и оборудования составила 17,2%, в то время как доля немецких компаний – лишь 14,7%, а компаний США – 14,6%. Япония же вообще не попала в лидирующую тройку.⁵⁴

Каким в целом может стать ответ западных элит на исчерпание потенциала индустриальной фазы производства?

Несомненно, в аналитических центрах США и других стран Запада просчитано несколько сценариев будущего - на ближайшую и среднесрочную перспективу. Какое место в этих планах отводится России? Чтобы попытаться предельно коротко, в рамках небольшого объёма текста, ответить на этот вопрос, нет необходимости вести дискуссию о характере нынешнего кризиса – свидетельствует ли он о необходимости смены модели капитализма или о гораздо более фундаментальных вызовах современного мира. Так или иначе, возникает вопрос о том, кто будет производить «переформатирование» мира и за счёт каких ресурсов.

⁵⁴ <http://www.comstol.ru/Ak/2009/132.html>

На заседании Никитского клуба С.Б.Чернышев, специалист по проблемам собственности, назвал Россию ледником – крупнейшим запасом природных ресурсов, который гораздо более доступен для освоения, чем гипотетические месторождения Антарктиды. Производя 2,5% мирового ВВП, Россия занимает более 13% поверхности Земли, при этом эффективность использования природных ресурсов Сибири сейчас в 340 раз ниже, чем в Германии и в 480 раз ниже, чем в Японии. По данным Чернышева, «удельный съем добра с квадратного километра территории Большой Сибири уже в 20 раз меньше, чем в среднем по всему земному шару».⁵⁵

Чем более драматичными окажутся предстоящие десятилетия, тем сильнее будет давление на Россию с требованием интернационализации её природных ресурсов. Интенсивность акций, призванных обеспечить доступ «мирового сообщества» к жизненно необходимым запасам воды, энергоносителей и других остро дефицитных резервов, сконцентрированных на территории России, будет только возрастать. И если С.Б.Чернышев говорил о леднике – России ещё до начала нынешних потрясений в мировой экономике, то в недалеком будущем проекты протектората над территорией России вполне могут обсуждаться в гораздо более жёстком и практическом варианте. Как это, например, сделал Г.Х. Попов в своей нашумевшей статье в «Московском комсомольце», чётко, по пунктам, сформулировав программные тезисы: «Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего - запасы углеводородного сырья... Мировое правительство. Его формирует ООН по согласованию с Мировым парламентом. При нем необходимы и Мировые вооруженные силы, и Мировая полиция».⁵⁶

Утопия? Но в конце 80-х годов такой же, и даже ещё большей утопией выглядел и распад СССР. Нынешний кризис, даже если он будет развиваться волнообразно и экономическая конъюнктура временно улучшится, – это только начальный этап длительного периода глубокой дестабилизации мировой финансово-экономической системы. В таких условиях «прагматизм» политикообразующего класса России равнозначен отказу от собственной заявки на продолжение исторического существования страны. Если кризис действительно является источником новых возможностей, то основная возможность, которую необходимо использовать в рамках аналитического сообщества – это обсуждать и оценивать происходящие сейчас события в масштабе метафизических вызовов, а не прагматических решений.

Часть II. Проявления кризиса в ведущих странах мира и его возможные последствия

К.Г.Холодковский, д.ист.наук Проблема адекватности антикризисной политики развитых стран и реакция населения

⁵⁵ Самоидентификация российской элиты
<http://www.nikitskyclub.ru/article.php?idpublication=4&idissue=36&loc=4>

⁵⁶ <http://forum.kpe.ru/showthread.php?t=5963>

Повсеместно наблюдающийся в рамках антикризисной политики отход от парадигмы неолиберализма в пользу расширенного государственного вмешательства ставит вопрос об адекватности осуществляемых правительствами мер - как в плане их объективной эффективности, так и в плане соответствия ожиданиям населения.

Весь комплекс антикризисных мер, предпринимаемых в границах отдельных государств, естественным образом разделяется на три основных направления:

- меры по поддержке и стимулированию национального экономического механизма, прежде всего финансовые вливания с целью рекапитализации банковской системы и реального производства (как правило, вызывающие настроенное отношение общественности);

- меры для смягчения социальных последствий кризиса, в том числе: увеличение пособий по безработице, разного рода льготы и субсидии для нуждающихся и малоимущих, включая снижение налогов, (такого рода меры обычно приветствуются общественным мнением и критикуются лишь за их недостаточность);

- меры для подготовки благоприятных условий послекризисного подъема - развитие инфраструктуры, стимулирование разработки энергосберегающих технологий и возобновляемых источников энергии, экологически безопасного производства, дополнительное финансирование образования, науки, здравоохранения, и т.д.

Национально ориентированные антикризисные программы дополняются попытками международного регулирования. Они направлены на изменение мирового финансового механизма, оптимизацию международных экономических отношений, ликвидацию или ограничение «черных» и «серых» оффшорных зон, расширение полномочий международных финансовых органов, а также осуждение протекционизма (в противоречие с повседневной практикой национальных правительств, в условиях кризиса пытающихся оградить от конкуренции «своих» производителей). Не столько сами эти меры, сколько встречи в верхах, посвященные их разработке, вызывают громкие протесты радикальных антиглобалистов, считающих «верхи» крупнейших держав виновниками кризиса.

Несомненно, что одним из необходимых условий эффективности антикризисной политики является максимальная сбалансированность всех ее направлений: важно добиться, чтобы они по возможности не входили во взаимное противоречие (как осуждение протекционизма на саммитах и протекционистские меры национальных правительств) или даже поддерживали друг друга. Задача эта не из легких, требует не только ответственности, но и взвешенности, трезвого расчета. Вряд ли она полностью разрешима. Так, облегчение налогового обложения мелких и средних предприятий способствует выживанию и развитию малого бизнеса, но, с другой стороны, сокращает бюджетные ресурсы государства, уменьшая его возможности по оказанию адресной помощи другим субъектам экономики и бедствующим группам населения. Поддержка стратегически важных (как автопром) или градообразующих (как многие предприятия в России) производств смягчает безработицу и другие социальные последствия кризиса, но может противоречить задачам реструктуризации и повышения эффективности. Отсюда - возрастающее значение увязки тех или иных мер поддержки со встречной инициативой хозяйственных единиц, являющихся объектами помощи, по реструктуризации, техническому обновлению, повышению управленческой эффективности, и т.п. Так, правительство США обусловило

предоставление финансовой помощи фирмам «Дженерал моторс» и «Крайслер» разработкой ими антикризисных планов.

Оптимальное распределение ресурсов между всеми направлениями антикризисной политики зависит от ряда обстоятельств, среди которых, возможно, наиболее важными являются, с одной стороны, экономический потенциал, объем наличных ресурсов, с другой - характер ожиданий общества. В настоящее время фактически только США могут в полной мере задействовать все три направления антикризисных мер. Этому способствует не только мощь их производственного механизма и обширность передового научно-технического задела, но и своеобразие их финансовой ситуации. Несмотря на колоссальный бюджетный дефицит и государственный долг, положение доллара как мировой валюты позволяет им (по крайней мере, до поры до времени) не экономить на финансовых вливаниях в экономику.

Европейские страны (даже страны «старой» Европы, не говоря уже о новых членах ЕС) гораздо более ограничены в средствах. Принятая Европейским Союзом норма, воспрещающая бюджетный дефицит свыше 3%, заставляет их отказываться от безоглядных вливаний в банковскую и производственную сферу. Здесь лучше положение у стран с бездефицитным (в 2008 году) бюджетом. Это, прежде всего Германия, где создан специальный фонд для стабилизации финансового рынка (SoFFin). Напротив, более стеснено положение стран, где бюджетный дефицит близок к 3% - например, Италии.

Сказанное не значит, однако, что эти западноевропейские страны отказываются от прямой финансовой помощи хозяйственным субъектам. Французская казна, например, ссудила 6 млрд. евро находившейся под угрозой банкротства фирме «Пежо-Ситроэн». Итальянское правительство наметило меры поддержки не только автопрому, но и производству комплектующих, бытовой электротехники, мебельной, бельевой промышленности. Однако представители стран ЕС на саммите G20 воспротивились предложению Б. Обамы ассигновать на финансовые вливания сумму, равную 5,5 % ВВП. Эти страны ориентируются на соответствующий показатель порядка 3,3--4% ВВП. Зато страны ЕС, опираясь на развитый механизм социальных гарантий, придают особое значение мерам по облегчению последствий кризиса для наименее обеспеченных групп населения. Разумеется, такого рода меры (талоны на питание, помощь с выплатой ипотечных взносов, налоговые льготы, увеличение средств для медицинского страхования малоимущих, и т.д.) широко применяются и в США.

Как бы то ни было, принимаемые даже в развитых странах меры не могут считаться полностью удовлетворительными. Финансовые вливания лишь ослабляют проявления кризиса, но не ликвидируют его причины и даже могут затянуть его. Весьма возможно, что волнообразное, «синусоидальное» развитие кризиса как раз и связано с размахом антикризисных мер, большинство из которых носит паллиативный характер. Помочь всем пострадавшим от кризиса фактически невозможно, да и размеры помощи неизбежно ограничены. Характерна история с введением «социальных карт» для 800 тыс. малоимущих в Италии, на которые ежемесячно начисляется по 40 евро. Сумма эта показалась многим мизерной, так же, как бюджетные ассигнования на увеличение фонда по выплате пособий безработным. Наконец, вызывает сомнения возможность перестройки национальных экономик и международной финансовой системы на новых основаниях в условиях кризиса. В лучшем случае можно подготовить для этого необходимые условия.

Недостаточность (по определению) антикризисных мер неизбежно порождает социальное недовольство, угрожая нарушить социальную стабильность.

Успех или неудача усилий правящих кругов по поддержанию социальной стабильности зависит от сочетания многих условий. Непосредственно выявляющимися, «ближайшими» по отношению к результату условиями являются, видимо, следующие:

- тяжесть последствий кризиса в данной стране;
- эффективность антикризисной политики;
- результативность информационно-пропагандистского обеспечения стабильности.

В Испании безработица составляет уже 16%, а в Нидерландах - всего 3%. С наибольшей силой кризис, как правило, ударил по странам с монокультурным хозяйством, сильно зависящим от экспорта. Насколько можно судить на основании опыта первой фазы кризиса, из крупных стран относительно эффективной представляется социально-экономическая политика США (за счет величины ассигнуемых средств), Германии (в силу ее взвешенности), Китая (во многом благодаря смелости и маневренности осуществляемого поворота от производства на экспорт к ориентации на внутренний рынок). При этом конечно, надо учитывать возможности информационно-пропагандистского сопровождения антикризисной политики. В Китае с его тоталитарным строем они особенно велики. В других условиях правительствам приходится прибегать к разного рода креативности в своей борьбе за согласие масс. В Италии, например, на сайте правительства был организован специальный опрос, какие из предлагаемых мер предпочтительны для населения (можно было выбрать 5 мер из предложенных 21). Наибольшую поддержку получили меры по снижению налогов.

Совершенно очевидно, что «ближайшие» условия поддержания стабильности сами в значительной степени зависят от других, более глубинных исходных условий. Это:

- объем финансово-экономических ресурсов страны;
- запас прочности политической системы;
- исходный уровень доверия к власти;
- специфика истории данной страны, ее традиции, менталитет населения.

Выше уже говорилось о несравнимых по объему с другими странами и максимально дифференцированных ресурсах Соединенных Штатов. Большими финансовыми ресурсами обладают Китай, Япония, Россия, но ресурсы их экономической системы, взятые в целом, весьма различны. Несомненно, среди этой тройки экономический механизм России наиболее слаб. Что касается прочности политической системы, ясно, что ее наибольшим запасом обладают страны с давними демократическими традициями и устоявшейся, выдержавшей различные испытания политической системой. Наоборот, страны с неокрепшей, переходной политической системой наиболее уязвимы.

Однако и среди развитых стран уровень доверия к власти в силу конъюнктурных обстоятельств сильно различается. Рейтинг Буша, как известно, в последнее время был очень низок, зато высок авторитет, с которым пришел к власти Обама. Наблюдающееся в Италии развитие своего рода «культы личности» премьера Берлускони, несомненно, создает правительству известный запас прочности. В Великобритании же рейтинг Гордона Брауна уже и до кризиса был достаточно низок. Наконец, если Германия после падения фашизма получила хорошую прививку против экстремистских идей и действий, традицией Франции является, наоборот, та или иная радикализация противоречий и политических позиций. Не случайно она является пока практически единственной среди великих держав, где кризис вызвал мощную (2-миллионную) уличную ма-

нифестацию. Протесты, исходящие от левой общественности, наблюдаются и в Италии, где также существовали, правда, во многом дискредитированные кризисом левой идеологии, радикальные традиции, но там они носят более изолированный и «партизированный» характер.

Во многом показательны данные, полученные в трех крупных развитых странах во время опроса, проведенного весной 2009 г. компанией Ciao-Surveys-Company (опрошено по 500 человек в каждой стране). Если в США 9% опрошенных считают, что правительство справляется с кризисом, а втрое больше (27%) отрицают это, то в Великобритании соотношение уже 1:7 (5% и 35%). Германия занимает промежуточное положение (6%: 33%). Но почти половина опрошенных (49% в США, 46% в Великобритании, 47% в Германии) выбрало опцию «пока не справляется, но старается».⁵⁷ Это показывает, что население данных стран пока занимает выжидательную позицию, предоставляя соответствующим правительствам определенный кредит доверия. Во Франции данный опрос не проводился, но известно, что рейтинг Саркози опустился до 36%⁵⁸ (рейтинг Меркель - устойчиво выше 50%). При этом по данным СОФРЕС, 77% респондентов считает, что он действует решительно, 63% - смело, 62% - оперативно, но 59% против 29% полагают, что направление политики неверное.⁵⁹

Уже определились «слабые места» Европы - страны, где еще на начальном этапе кризиса происходили массовые протесты, в ряде случаев вызвавшие падение правительства. Помимо Франции, это малые государства - Греция, Исландия, Ирландия, Латвия, Литва, Венгрия. Не случайно среди них половина - страны «новой Европы» с еще не устоявшимся, переходным типом хозяйства, много стран с экспортно ориентированной экономикой.

Проявления социально-политической нестабильности, возможные в период кризиса, выстраиваются в следующую иерархию (по нарастающей):

- локальные протесты (уже происходят почти везде);
- падение рейтингов правительств и их руководителей (налицо во многих странах);
- общенациональные протесты (в вышеперечисленных странах);
- падение правительства (в ряде малых стран);
- приход к власти радикалов, в Европе - скорее правых, чем левых, в развивающемся мире наблюдаются примеры катастрофического развития событий - хаос, развал, вооруженные столкновения, безвластие.

Демократические страны могут быстрее вступать на первые ступени дестабилизации, но дело чаще всего этим и ограничится. Играть свою роль не только те многочисленные «рубежи обороны», которые существуют у демократических режимов, их дифференцированные институциональные опоры («крепости и казематы», по выражению А.Грамши), но и гибкость, опытность правящего класса, его умение маневрировать, прибегать к согласованиям и компромиссам. Взятие назад непопулярных мер, частичные шаги навстречу протестующим, смена первых лиц, отставка правительства, объявление досрочных выборов, победа на них внутрисистемной оппозиции - все это может умело использоваться для выпуска «избыточного пара», снижения градуса социальной напряженности, предохранения основ существующей системы от потрясений.

Другое дело - авторитарные режимы. Они в большинстве случаев дольше сохраняют внешнюю стабильность, но могут затем (хотя и не обязательно)

⁵⁷ «Известия», 10.04.2009.

⁵⁸ <http://www.tns-sofres.com/>

⁵⁹ <http://www.tns-sofres.com/point-de-vue/CEA9631A2681477093136363CB9D281C...>

быстрее пройти все стадии дестабилизации. Есть, однако, и специфическое обстоятельство, которое может помешать проявлению этой закономерности: авторитарные режимы, как показали в свое время события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, легче, на более ранних стадиях идут на применение жестких насильственных методов противодействия дестабилизации, повышая тем самым для населения издержки участия в протесте.

Сказанное позволяет сделать некоторые предположения о перспективах сохранения стабильности в некоторых государствах мира.

Соединенные Штаты, где кризис начался и приобрел достаточно острые формы, имеют, на мой взгляд, несмотря на звучащие мрачные предсказания, достаточно хорошие шансы выйти из кризиса без катастрофических социальных и политических потрясений. Конечно, многое зависит от продолжительности и конкретного хода кризиса. Но по всем исходным условиям, а также масштабам антикризисной политики США обладают преимуществом перед другими затронутыми рецессией странами.

В Великобритании и экономические ресурсы, и уровень доверия к правительству намного меньше. Надежды на ограничение проявлений нестабильности могут связываться здесь с национальными традициями, в основном не позволившими протестам и во время «великого кризиса» 1929--1933 годов выйти за рамки внутрисистемности и цивилизованности. «Клапаном» для протестных настроений, скорее всего, окажутся досрочные выборы, смена правительства, уход от власти дискредитированных лейбористов.

В Германии, напротив, предстоящие в 2009 году очередные парламентские выборы, думается, подтвердят авторитет канцлера А. Меркель, позволив ей переформировать правительство, уйдя от формата «большой коалиции». Сама предвыборная борьба явится канализацией протеста и массовой активности, а предстоящий уход социал-демократов в оппозицию ослабит влияние внесистемной оппозиции. Дальнейшее будет зависеть от длительности кризиса и более или менее острых его поворотов.

Уязвимой среди крупных европейских держав является Франция. Правление Саркози гораздо более успешно во внешней политике, чем во внутренней. Не исключены острые политические кризисы с неясным исходом, усиление влияния правых и левых радикалов. В Италии неизбежный рост социального недовольства, возможно, будет ослабляться искусными популистскими маневрами Берлускони, несостоятельностью левоцентристской оппозиции и отчасти канализоваться в усиление регионального сепаратизма на Севере.

Самыми слабыми звеньями Европейского Союза являются, конечно, малые страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Если судить по их внутренним возможностям, в некоторых из них не исключен катастрофический ход событий. Единственное, что может его предотвратить - это своевременная и масштабная экономическая помощь собратьев по ЕС. Смогут ли они ее оказать, зависит от их собственного состояния и того, много ли стран будет нуждаться в помощи и будет ли это происходить более или менее одновременно.

Существует обстоятельство, которое может непредсказуемым и неблагоприятным образом сказаться на внутренней стабильности европейских держав. Это обстоятельство - наличие там обширного контингента иммигрантов, которые могут привнести во внутреннюю ситуацию черты, присущие скорее развивающимся странам. Имеет значение тот факт, что на этой части населения сильнее всего сказывается влияние кризиса. При каком-то повороте событий протестные действия, исходящие из этой среды, могут послужить запалом для

массовых беспорядков, при другом - вызвать обострение межэтнических и межконфессиональных противоречий, сыграв на руку правым радикалам.

Особое значение имеют перспективы Китая. Многие предсказывают ему довольно скорый и сравнительно безболезненный выход из кризиса. Однако при оценке его перспектив необходимо учитывать весь комплекс перечисленных выше условий. Между тем они крайне противоречивы. С одной стороны, страна сильнее всего зависит от экспорта, с другой - накопленные резервы позволяют ее руководству предпринять смелую и энергичную попытку быстрой переориентации на внутренний рынок. С одной стороны, перед Китаем возникает труднейшая проблема «переваривания» огромной резервной армии труда, грозящая в случае неудачи сильнейшими социально-политическими потрясениями, с другой - история расправы на площади Тяньаньмэнь говорит о возможности в этом случае широкомасштабного применения репрессий. В итоге можно говорить о большом диапазоне возможных перспектив развития событий в Китае.

Наконец, нельзя не сказать о вероятном прогнозе для России. В комплексе условий, от которых зависит сохранение политической стабильности, положительное значение имеют лишь два - объем накопленных финансовых ресурсов и высокий персональный рейтинг двух руководителей государства. Между тем экономический механизм страны весьма слаб, интенсивность кризиса и его последствий велика. По прогнозам экспертов Всемирного банка, падение ВВП с 2008 по 2010 год может оказаться в пять раз больше, чем в среднем по «большой двадцатке».⁶⁰ Непоследовательный и противоречивый характер носит антикризисная политика. При активной социальной риторике и подчеркнутым выполнении и перевыполнении принятых ранее социальных обязательств основные средства уходят на поддержку банковской системы и государственных и окологосударственных корпораций типа ОАО РЖД или АвтоВАЗа. Слабость социальной политики даже вызвала критику со стороны Всемирного банка, обычно рекомендующего в период кризиса сокращать социальные расходы. России же, наоборот, ВБ советует увеличить социальные расходы, по крайней мере, на 1% ВВП, утроив пособия на детей и повысив пособия по безработице.⁶¹ Заявления ответственных лиц правительства о достаточности Резервного фонда для покрытия образующегося бюджетного дефицита сменяются демаршами в пользу возобновления иностранных заимствований.

Для перспектив сохранения стабильности очень важно социально-психологическое состояние российского общества, его исторические традиции. Здесь следует принимать во внимание атомизацию населения, его политическую пассивность, отсутствие взаимного доверия и солидарности, традиционный патернализм, а также характерный в прошлом для исторических переломов внезапный переход от послушания к стихийному бунту. Исходя из этих предпосылок, основным вариантом хода событий в случае затягивания кризиса надо признать развитие локальных, не скоординированных акций протеста, снижение (катастрофическое или сравнительно ограниченное) рейтингов руководящих лиц, как следствие - определенную реструктуризацию власти, скорее всего в сторону ужесточения. Такой вариант, по моему мнению, имеет высокую степень вероятности (порядка 70 - 75%). Но не исключен и катастрофический исход (20 - 25% вероятности), конкретные очертания которого предсказать достаточно трудно. Наконец, наименее вероятной (5- 10%) представляется «перестройка № 2» - новая фаза демократических преобразований.

⁶⁰ «Независимая газета», 31.03.2009.

⁶¹ Там же.

Очень важное влияние на ход дел в России может оказать развитие событий на постсоветском пространстве, в особенности в Украине и Белоруссии. Между тем Украина, например (как и некоторые республики Центральной Азии), безусловно, относится к числу наиболее уязвимых в условиях кризиса стран. Взрыв социальных и политических противоречий в Украине может не только подтолкнуть российскую радикальную оппозицию к активным действиям, но и вызвать активное вмешательство российского государства в дела «братской страны», что чревато непредсказуемыми последствиями.

Несомненно, высказанный прогноз пока что носит скорее предварительный характер и должен уточняться по мере того, как станет определяться истинный масштаб и продолжительность кризиса. Но можно высказать осторожное предположение, что в целом в развитых странах социальные и внутривнутриполитические последствия нынешнего кризиса, при всей их значимости, будут все же менее остры и глубоки, чем в 1929 - 1933 годах. Это обусловлено большей изолированностью государственного регулирования и более высокой степенью международного сотрудничества (в первую очередь между странами объединенной Европы, возникшей на месте раздираемого в 30-е годы глубинными противоречиями континента). Вместе с тем глобальный характер кризиса может привести к более масштабным и труднопредсказуемым событиям в развивающихся странах.

Г.И.Вайнштейн, д. ист. наук
К вопросу о политических последствиях кризиса

Среди фигурирующих сегодня многочисленных суждений экспертов о нынешнем экономическом кризисе и его вероятных последствиях преобладают те, в которых оценивается его влияние на экономическую и социальную сферы функционирования современного общества. Что же касается взаимосвязей между экономическим кризисом и сферой политики, то этой стороне вопроса до последнего времени уделялось, как мне кажется, гораздо меньшее внимание или, во всяком случае, оно было сосредоточено скорее на проблематике меняющегося соотношения сил в мировой политике, то есть на геополитических аспектах кризиса, нежели на проблематике воздействия кризисных процессов в экономике на внутривнутриполитическую жизнь современного общества.

Подобное положение понять не трудно. Тогда как обусловленные кризисом новые тенденции, возникающие как в сфере экономики и социальной жизни масс, так и в международной политике, уже сегодня просматриваются более или менее отчетливо, внутривнутриполитические последствия кризиса выглядят гораздо менее определенными. И, тем не менее, без учета возможных изменений внутривнутриполитической динамики общественного развития картина сдвигов, происходящих сегодня в мире, будет далеко не полной.

Один из существенных вопросов, возникающих в этой связи - о масштабах перемен, которые могут произойти под влиянием кризиса в политической жизни развитых стран и, в частности, вопрос о перспективах демократической системы правления.

Считаю важным сразу подчеркнуть, что ответить на этот вопрос с достаточной степенью определенности представляется мне не только весьма трудным, но и попросту невозможным без адекватной оценки сущности тех процессов, которые уже происходят в политической жизни Запада и в развитии западных политических систем. Без характеристики важнейших тенденций сегодняшнего политического процес-

са ответ на вопрос о политических последствиях кризиса будет, на мой взгляд, неизбежно спекулятивным.

Полагаю, что характеристика нынешних особенностей политического развития важна для прогнозирования возможных последствий кризиса еще и потому, что на сегодняшний день можно, как мне кажется, говорить о существовании принципиальных различий в характере воздействия кризиса на экономическую модель функционирования современного общества, с одной стороны, и на политическую модель его функционирования, с другой. Применительно к экономической сфере речь идет о том, что кризис стал неким поворотным событием, открывающим новую страницу в организации экономического миропорядка. Применительно к политической сфере речь должна идти скорее о другом, о том, что кризис оказывается катализатором некоторых негативных тенденций эволюции демократии, которые выявились еще в докризисный период, и что он придает дополнительные импульсы той общественно-политической динамике, которая обнаружилась уже ранее.

Не углубляясь в анализ тех накапливавшихся еще до кризиса проблем, с которыми сталкиваются политические системы ведущих стран Запада, отмечу, что речь идет о выявившемся уже в докризисный период существенном изменении контекста функционирования сложившихся демократических механизмов и институтов, которое делает все более сомнительным сохранение традиционной либеральной парадигмы демократического процесса. К числу этих проблем, существенно осложняющих функционирование политических систем в демократических странах, относятся, в частности, такие как:

- сужение сферы суверенной власти демократических институтов современного государства в результате перемещения определенной части их властных прерогатив на уровень наднациональных межгосударственных структур;

- постепенное усиление властных позиций «транснациональной» (глобализированной) элиты, обуславливающее все большую утрату современной демократией ее представительного характера;

- происходящая в результате массовой иммиграции масштабная инфильтрация западных обществ носителями чуждых для них ценностей и норм поведения, порождающая глубокие социокультурные и этнокультурные конфликты, плохо поддающиеся решению с помощью традиционных методов демократической политики и толкающие демократическую власть на ограничение конституционных прав;

- появление в лице международного терроризма качественно новых угроз общественной безопасности, побуждающее власти к ущемлению индивидуальных свобод и существенно ослабляющее способность общества противостоять этой тенденции.⁶²

Тогда как еще в недавнем прошлом считалось, что «нормальная», развитая демократия может быть только либеральной, в последнее время все большее признание получает мнение о том, что безусловное следование принципам либеральной политики снижает возможности демократии противостоять стихии глобализма, несущей в себе опасный потенциал дестабилизации западного общества и его саморазрушения. К сегодняшнему дню появилось немало свидетельств того, что одной из характерных тенденций политического процесса, с большей или меньшей степенью отчетливости проявляющейся уже на протяжении ряда лет в большинстве развитых стран, становится ослабление либерального компонента общественно-политической жизни. И в этом смысле, эволюция, имевшая место в последнее время

⁶² Подробнее об этом см.: *Г.Вайнштейн. Меняющийся мир и проблемы функционирования демократии // «МЭ и МО», 2007, №9, с.3-17*

в политической сфере, оказалась своего рода провозвестницей изменений, происходящих в связи с кризисом в сфере экономики.

Если последние несколько десятилетий одна из ключевых тенденций мирового развития заключалась в наступлении либерализма как на экономическом, так и на политическом фронтах, то сегодня ситуация диаметрально противоположна. Вслед за известным отступлением либерализма в политической сфере, происходит значительное ослабление его позиций и в экономической сфере. Рождается новая экономическая модель, которая, как можно полагать, будет избавлена от деструктивных для современного общества излишков неограниченной рыночной свободы.

Означает ли, однако, что определенный параллелизм, характеризующий направленность изменений в экономической и политической сферах, создает вероятность существенных перемен в политическом процессе, сопоставимых с переменами в модели экономического развития? И да, и нет. Если рассматривать те качественные изменения в функционировании демократии, которые связаны с эрозией ее либерального компонента, которая уже происходит и, очевидно, еще больше усилится под влиянием кризиса, как свидетельство существенных изменений западной политической системы, то на поставленный вопрос следует, очевидно, ответить утвердительно. Если же иметь в виду возможность изменений, аналогичных тем, которые были порождены кризисом 30-х годов, в частности, в Германии, то мне вероятность таких перемен представляется весьма незначительной. На повестке дня сегодня стоит, на мой взгляд, отнюдь не радикальная трансформация нынешней политической системы (пусть даже в масштабах лишь отдельных стран), а скорее ее эволюция в направлении дальнейшего развития и углубления некоторых уже выявившихся тенденций эрозии либеральных компонентов демократии.

Хотя сегодня происходит повсеместное, как мне кажется, отступление от принципов либерализма, это, по-моему, никоим образом не означает, что на смену ему идет авторитаризм. Специфика нынешнего периода общественного развития ведущих стран мира состоит в том, что в качестве реальной альтернативы либеральной демократии и либеральной экономике выступают не столько авторитаризм и плановая экономика, сколько то, что можно назвать «нелиберальной демократией» и «нелиберальным рынком». Это модели политического и экономического устройства, избавленные от избыточности либерализма, таящей в себе (как это становится очевидным в последнее время) опасный для общества деструктивный потенциал. То «нелиберальное» (или, по крайней мере, недостаточно либеральное по традиционным меркам) состояние, которое одно время воспринималось как специфическое свойство лишь «новых демократий», сегодня все отчетливее вырисовывается на горизонте общественного развития стран с утвердившимися демократическими системами. И нынешний кризис явно придает этой тенденции определенное ускорение.

Тот факт, что разрушительный кризис в экономике оказался в значительной мере порожденным необузданной стихией рыночной свободы, обуславливает общую дискредитацию западных либеральных ценностей. И это существенно влияет на общий идейно-политический климат не только в общемировом масштабе, но и в странах развитой демократии.

Другим проявлением воздействия кризиса на сферу политики становится, на мой взгляд, углубляемое им изменение общественных настроений, характерной чертой которого оказывается нарастание в сознании масс ощущения утраты былой социальной стабильности и защищенности их существования. На чувства тревоги и озабоченности сохранением безопасности, распространившиеся в странах Запада в связи с угрозами, порожденными международным терроризмом, сегодня накладывается еще и растущая в условиях экономического спада неуверенность масс в отношении стабильности их занятости и обеспеченности материального существования.

По сути дела, кризис актуализирует проблему соотношения ценностей индивидуальной свободы и общественного благополучия. В частности, он вновь ставит вопрос о допустимых масштабах следования либеральным процедурам демократического согласования интересов в период чрезвычайной ситуации, требующей оперативных действий власти. Эта новая социально-психологическая атмосфера также способствует ослаблению приверженности масс принципам либеральной демократии, обуславливая их готовность согласиться на определенное ограничение индивидуальных свобод в обмен на гарантии социальной защищенности.

Все это в целом дает, как мне кажется, основание для двух выводов. Во-первых, о том, что именно пересмотр безусловной приверженности западной демократии принципам и ценностям либерализма может оказаться в нынешних условиях наиболее важным и эффективным направлением обеспечения общественно-политической стабильности в странах Запада. Речь идет не о смене модели политической системы, а об ее определенной коррекции, предполагающей уменьшение роли и удельного веса либерального компонента в функционировании системы. Эта коррекция началась еще в докризисный период, а кризис существенно актуализировал ее необходимость.

И второй вывод, который, как мне представляется, может быть сделан – это вывод об усиливающемся и в элитных, и в массовых слоях западного общества согласии на осуществление такой коррекции.

Конечно, было бы значительным упрощением говорить о том, что опыт ведущих стран Запада в плане их реагирования на нынешние тенденции усиления общественной нестабильности сводится лишь к упомянутой коррекции принципов функционирования политической системы. Однако такая коррекция представляется важным элементом этого опыта. И думается, что к использованию именно этого аспекта западного опыта российские власти проявят (в силу известных причин) особую готовность (хотя и будут стараться скрыть это обычной либеральной риторикой). При этом существенная опасность, которая может быть сопряжена с подобной готовностью, заключается в том, что в данном случае в российских условиях возникает риск окончательного «выплескивания» демократии как таковой вместе с ее либеральной составляющей.

Существует в то же время еще один аспект взаимосвязей между нынешним кризисом и сферой политического развития западного общества, который заслуживает более подробного разговора. Я имею в виду связанное с кризисом усиление тенденций внесистемной политики. Реализация этих тенденций чревата, на мой взгляд, гораздо более глубокими и более существенными изменениями политической системы Запада, чем те, которые сопряжены с упомянутой эрозией ее либерального компонента.

Проявлением этих тенденций на сегодняшний день уже стала, с одной стороны, «активизация улицы», то есть выражение настроений общественного недовольства в нетрадиционных для повседневного функционирования демократической системы формах массовых политических беспорядков. С другой стороны, – укрепление позиций внесистемных политических сил праворадикальной и правопопулистской (в значительной мере, националистической) направленности, стремящихся использовать нынешнюю ситуацию в своих интересах.

Если говорить об активизации и радикализации выступлений массового политического протеста, то пока, очевидно, рано судить о том, сколь качественные изменения в демократии может повлечь за собой возрастание роли «улицы», но ясно, что этот фактор усиливает элемент неопределенности в политическом процессе.

Характерным свидетельством этой неопределенности может служить явное снижение прогностических возможностей экспертного сообщества. Приведу один по-

казательный, на мой взгляд, пример. В сентябре прошлого года, то есть в момент, когда глобальный характер кризиса стал уже достаточно очевиден, появилось одно весьма серьезное и масштабное исследование, в котором были отмечены некоторые его возможные политические последствия. Среди них была упомянута «высокая» или «чрезвычайно высокая» вероятность массовых социальных волнений в 48 странах. Все эти страны принадлежат к числу государств то ли с авторитарными, то ли с гибридными режимами, то ли к числу тех, которые относятся в западных классификациях к так называемым «порочным демократиям» - такие как, например, Боливия, Индонезия, Никарагуа, Таиланд и некоторые другие.⁶³ Ни одна страна с утвердившейся демократией в этом списке не фигурировала. Однако, как известно, ряд именно этих стран уже буквально спустя несколько месяцев оказался охваченным массовыми политическими волнениями. Причем, это произошло не только в таких «новых демократиях» как Болгария, Литва, Латвия, или такой относительно «новой демократии» как Греция, но и в такой «старой» и традиционно спокойной демократии как Исландия, где уличные волнения вызвали политический кризис и смену правительства. Симптоматично, что уже в марте нынешнего года организация, осуществившая упомянутое исследование, опубликовала новую работу. В ней была спрогнозирована «высокая» и «чрезвычайно высокая» вероятность массовых волнений в 95 странах мира, а ряд стран с утвердившимися демократическими системами (включая ряд стран «классической» европейской демократии) был отнесен к категории государств с «умеренной» вероятностью массовых социальных волнений.⁶⁴

Если же говорить об укреплении позиций внесистемных политических сил, то и здесь очевидным представляется усиление их роли в политическом процессе, которое способно серьезно отразиться на облике западных политических систем (особенно, в Европе). В условиях кризиса, несомненно, возрастает массовый запрос на националистических политиков-популистов, как, впрочем, и способность самих правых радикалов спекулировать на общественных тревогах. Явно усиливается массовая поддержка ксенофобских, анти-иммигрантских и анти-элитных лозунгов правых радикалов и популистов.

Вместе с тем, происходящее в связи с кризисом безусловное усиление право-популистских и право-радикальных националистических тенденций в политическом процессе я не стал бы трактовать как появление опасности использования экстремистскими силами нынешней кризисной ситуации с целью политической дестабилизации некоторых стран Запада (возможность которой предлагается оценить на нашей конференции). Я вообще не очень понимаю, какие «внешние экстремистские силы» могли бы стремиться к этому. Честно говоря, я таковых просто не вижу (и не только в смысле дестабилизации в странах Запада, но и в России). Что же касается «внутренних экстремистских сил» в развитых странах, то я, во-первых, сомневаюсь, что правых радикалов было бы правильным характеризовать как «экстремистские силы» (разве что за исключением той их крайне незначительной части, которую составляют настоящие неофашисты, остающиеся явными маргиналами политического процесса). Во-вторых, я отнюдь не склонен считать, что их целью является дестабилизация политической системы. Дело в том, что нынешний популизм, все более «пышным цветом» окрашивающий европейскую политику (если иметь в виду не только страны Западной Европы, но и пополнившие Евросоюз страны Восточной и Центральной Европы), вовсе не отвергает демократические институты и процедуры. Строго говоря, я вообще думаю, что сегодня есть немалые основания говорить об условности оценки правого популизма как внесистемной политической силы.

⁶³ *The Economist Intelligence Unit's Index of Democracy 2008*. Economist Intelligence Unit, September 2008, London

⁶⁴ *Manning the Barricades*. Economist Intelligence Unit, Special Report, March 2009, London

Претендуя на представительство «подлинного голоса масс» и требуя выражения этого голоса через выборы и референдумы, то есть посредством традиционных демократических процедур, популисты ориентированы не на разрушение существующей политической системы, а на более глубокую интеграцию в нее, стремясь укрепиться на политической сцене в рамках существующего политического процесса. Более того, националистический популизм уже превратился в весьма заметное явление общеевропейского масштаба, в большей или меньшей степени характерное для политической жизни практически всех стран Европы. Действуя в контексте демократических институтов европейских стран, право-радикалистские силы отнюдь не рассматривают себя (в отличие от того, как это было в 30-е годы) в качестве альтернативы демократии. И в этом смысле, усиление благодаря кризису их позиций будет еще больше способствовать их превращению из внесистемной политической силы в силу вполне системную.

В то же время, нельзя не видеть и то обстоятельство, что субъекты традиционной системной политики, испытывая все большую конкуренцию со стороны право-популистских партий и движений, сами все отчетливее радикализируют свою позицию по многим болезненным для общества вопросам – в частности, по вопросам иммиграционной политики, обретающим в условиях кризиса особую остроту.

Опасность, связанная с активизацией правого радикализма, состоит, таким образом, не в дестабилизации демократической системы, а в значительном изменении ее качественных характеристик. Если системные политические силы идут на ограничение либеральных компонентов демократии, руководствуясь прагматическими соображениями и пониманием необходимости пожертвовать либеральными принципами ради обеспечения эффективности функционирования демократии в условиях новой реальности, то внесистемные политические силы в лице правых радикалов и популистов чаще всего вообще занимают позицию, открыто враждебную ценностям либерализма. Поэтому усиление их роли в политическом процессе не просто укладывается в рамки пересмотра либеральной парадигмы демократической системы, а скорее открывает путь к ее глубинной, содержательной перестройке.

И последнее, о чем, очевидно, имеет смысл сказать, если уж говорить о перспективах демократии. До сих пор речь шла о проблемах изменений качественного состояния демократической системы в ведущих странах современного мира. В то же время, современная демократия переживает и существенные изменения с точки зрения ее, так сказать, «количественного состояния» в общемировом масштабе.

Сегодня наблюдается определенное исчерпание того общемирового процесса демократизации, наиболее отчетливым выражением которого на протяжении последней четверти минувшего века служило беспрецедентное расширение «демократического ареала». Признаки этой тенденции накапливались еще к началу нынешнего десятилетия, а в последние несколько лет и вовсе стали достаточно наглядными. Как констатируют авторы некоторых исследований, проведенных в международном масштабе, на смену происходившему в течение нескольких десятилетий все более широкому распространению в различных регионах мира демократической системы правления пришла, начиная с середины нынешнего десятилетия, стагнация демократизации, или так называемая «демократическая рецессия».⁶⁵

И нынешний глобальный экономический кризис закрепляет эту негативную тенденцию, увеличивая силу «откатной волны» демократизации. С одной стороны, заметное сегодня повсеместное разочарование в принципах свободного рынка становится существенным фактором уже упомянутой выше общей дискредитации за-

⁶⁵ *Crunch time for democracy?* // The Economist, October 27, 2008

падных либеральных ценностей. В результате, значительно снижается привлекательность и притягательность западной модели общественного устройства в целом и, соответственно, ослабевает тяга масс к копированию ее образцов как к наиболее эффективному способу достижения общественного благополучия. С другой стороны, стимулируемое крахом рыночного фундаментализма расширение сферы государственного вмешательства ведет к общему усилению в сегодняшнем мире авторитарных тенденций. Страны с авторитарными режимами вполне закономерно воспринимают происходящее в наши дни усиление роли государства как свидетельство преимуществ существующих там моделей общественного устройства. Но и страны «новых демократий» с их дефицитом имеющей прочные корни демократической политической культуры оказываются все в большей степени уязвимыми перед соблазнами авторитарных решений, а в массах усиливается разочарование в пост-авторитарной модели экономической и общественной жизни.

Достаточно характерной с этой точки зрения представляется общественная ситуация в пост-коммунистических странах. Так, обследование «Жизнь в переходный период», осуществленное в 2006 году в странах Восточной Европы и государствах Балтии Европейским банком реконструкции и развития, обнаружило, что лишь 42% опрошенных граждан этих стран считали экономическую ситуацию в своих странах лучшей, чем в 1989 году, то есть в период, предшествовавший краху прежней общественной системы. Лишь 35% опрошенных полагали, что политическая ситуация в их странах лучше той, что была в 1989 году.⁶⁶ И хотя на сегодняшний день нет еще аналогичных конкретных исследований, иллюстрирующих изменения, произошедшие под воздействием экономического кризиса в массовом сознании населения стран «новой демократии», существует немало косвенных свидетельств его отнюдь не благотворного влияния на общественно-политические воззрения масс.

Все это – лишний повод повторить уже сказанное: нынешний экономический кризис дает мощный импульс выходу наружу тех негативных тенденций общественно-политического развития, которые накапливались уже задолго до его начала.

В.В. Лапкин, зам. гл. редактора журнала «Полис»
Политические предпосылки современного глобального кризиса и его возможные последствия на постсоветском пространстве

В начале – несколько слов общего методологического характера в связи с теми проблемами, которые ставит перед исследователями текущий кризис.

Приходится признать, что кризис в одночасье опрокинул и многочисленные теоретические модели так называемого «устойчивого развития», и господствовавший в сознании значительной части исследовательского сообщества радужный образ установившегося чуть ли не «до скончания времен» неолиберального миропорядка. При этом обнаружилась крайняя методологическая и теоретико-понятийная ограниченность доминирующих на сегодняшний день исследовательских подходов к этому глобальному феномену, а вместе с тем, резко усилилась востребованность прежде маргинальных теоретических и полуэмпирических конструкций, выявлявших в мировом экономическом развитии 1980-2000-х годов системные предпосылки кризиса.⁶⁷

⁶⁶ *Life in Transition. A Survey of people's experiences and attitudes.* EBRD, London, 2007, P.19

⁶⁷ См. напр. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I). – *Полис*, 2005., № 3; Хазин М. б.г. Теория кризиса. – <http://worldcrisis.ru/crisis/khazin>; Modelski G. *Long Cycles in World Politics.* 1987. L.: Macmillan; Wallerstein

Иными словами, помимо своего сегодня уже очевидного сокрушительного воздействия на финансово-биржевой сектор экономики и столь же очевидного текущего и еще предстоящего воздействия на экономику в целом, на социальную сферу и политику, в том числе и международную, кризис бросает вызов и соответствующим отраслям теоретического знания: экономического, социологического, политологического...

В этом плане очевидно как то, что существующие финансово-экономические и международные политические институты оказались неэффективны в качестве глобальных регуляторов в условиях кризиса, так и то, что соответствующий интеллектуальный потенциал, по крайней мере, в рамках прежнего «мэйнстрима», столкнулся с серьезными проблемами, как в вопросах предсказания кризиса, так и его логичного объяснения. Это предчувствовали и об этом пишут сегодня многие столпы прежней финансовой политики, такие как Алан Гринспен, Джордж Сорос, Роберт Скидельски и др.⁶⁸

При этом обращается внимание – как на одну из ключевых политических причин кризиса – на то, что *экономическая эффективность из средства стала приоритетом политики*, потеснив *социально значимую цель* – улучшение качества жизни человека. Все отчетливее артикулируется проблема *интеллектуального и морального краха* экономики, основанной на задолженности,⁶⁹ а стало быть, на *доверии* рядовых участников рынка (иными словами – общества) его лидерам.

Вместе с тем, такого рода, безусловно, справедливые и логически обоснованные констатации отнюдь не дают эффективных инструментов понимания существа кризиса, хотя и отчасти созвучны с идеями Карла Полаanyi, в свое время глубоко проанализировавшего причины и опыт Великой депрессии 1930-х годов.⁷⁰ На этой основе Полаanyi смог чрезвычайно точно выразить подлинный драматизм императива социальной эволюции, обеспечить которую способно лишь динамическое противоборство частной инициативы индивидов, сконцентрировавших в своих руках колоссальные ресурсы собственности и власти, – с одной стороны, и общественной самоорганизации ответственных граждан, – с другой. Сегодня, в канун зреющих колоссальных трансформаций миропорядка идеи Полаanyi побуждают критически отнестись к иллюзиям и предрассудкам безальтернативности институциональной структуры современного мира. По существу, если попытаться применить сказанное Полаanyi к сегодняшней ситуации, речь идет том, что глобальная мощь крупнейших финансовых монополий и транснациональных корпораций нуждается в институциональном контроле со стороны адекватных по своим возможностям глобального

I. *World-System Analysis. Social Theory Today*. 1987. Stanford, California: Stanford University Press; Chase-Dunn C., Hall T.D. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. 1997. Boulder, Colorado: West-view Press.

⁶⁸ Soros G. *The New Paradigm for Financial Markets: The Credit Crisis of 2008 and What It Means*. 2008. N.Y.: PublicAffairs; Сорос Дж. Глобальная антикризисная политика: Создать новые деньги. – *Ведомости*, № 23(2293) от 10.02.2009. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/02/10/180897>; Greenspan A. *The Age of Turbulence: The Adventures in a New World*. 2007. N.Y.: The Penguin Press; Гринспен А. *Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы*. Изд 2-е. 2009. М.: Альпина Бизнес Букс; Скидельски Р. Моральная уязвимость рыночной системы. 2008. – http://www.akipress.org/_print.php?db=analit&id=1342; Скидельски Р. Финансовый кризис и контуры мировой экономической системы будущего. – *Мир перемен*, 2009. № 1.

⁶⁹ Скидельски Р. 2009. Цит. соч., с. 13.

⁷⁰ Полаanyi К. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. 2002. СПб.: Алетейя. Что касается условий преодоления кризиса, то главное, на что обращает наше внимание Полаanyi, это необходимость обретения обществом способности вернуть себе контроль над рыночной стихией. А фундаментальной причиной кризиса, согласно Полаanyi, является «добровольный отказ» общества от *саморегулирования*, надежды на фикцию «саморегулирующегося рынка» (см. Полаanyi, цит. соч., с. 272). При этом критически важной, с точки зрения Полаanyi, оказывается способность общества противостоять «*превращению... в придаток рынка...*», когда «*не экономика 'встраивается' в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему*» и в результате «*рыночная экономика... пересоздает общество под себя*» [там же, с. 70].

представительства общественных структур. Отсутствие таковых сегодня делает еще более настоятельным их формирование в самое ближайшее время. Это своего рода императив выхода из нынешнего кризиса, пока что, к сожалению, остающийся вне поля зрения как «реальной политики», так и политической теории.

При этом главное, что, на мой взгляд, пока ускользает из поля зрения исследователей, – вовсе не то, что произошло падение основных биржевых индексов и резкое торможение роста мирового ВВП. Главное – это инициированная кризисом эволюционная трансформация, которая ведет глобальную систему к качественно новому состоянию – и в финансово-экономическом, и в социально-политическом, и в международно-правовом аспектах. Дело в том, что, вопреки любым усилиям любых глобальных игроков, мировая система *изменчива*, причем интенсивно и регулярно. Более того, системно устойчивым в ней остается лишь процесс ее эволюционного усложнения, т.е., с эмпирической точки зрения, *движения через кризисы*. Причем характер кризисов (мера их катастрофичности и «внезапности») хорошо коррелирует с эволюционной сложностью системы. Более «развитые» системы обладают дополнительными возможностями *управления* конфликтами и кризисами, что позволяет ограничивать их разрушительный потенциал преимущественно задачами перехода системы на обновленный *режим движения*. Вместе с тем, в ходе такого усложнения формируются новые, ранее неизвестные вызовы. Иными словами, усложняются характер и природа кризисов, что стимулирует конкуренцию и, в конечном счете, обновление субъектов-лидеров мировой системы.⁷¹

Такого рода эволюционный подход позволяет несколько по-иному подойти к проблеме локализации источника катастрофы, не ограничиваясь анализом экономики «финансовых пузырей», но обращаясь к глобальной политике, к тому, как в ее рамках решались основные проблемы мирового развития в последние десятилетия, каковы здесь были доминирующие тенденции. Иными словами – обращаясь к политическим первопричинам сегодняшнего миропорядка.

Наряду с иными, на всем протяжении второй половины XX в. можно проследить тренд движения к *псевдо-однополярному* миру 1990-х годов. Это, прежде всего, заложенная Бреттон-Вудскими соглашениями 1944 г. система валютно-финансового доминирования доллара США, обеспечивающая Соединенным Штатам возможность осуществления глобального финансового контроля. Эта система вплоть до августа 1971 г. была подкреплена доминирующими объемами золотого запаса США, а после 1971 г. значительная часть формальных ограничений на эмиссию доллара была снята, и регулирование объемов единственной общепризнанной *мировой валюты* стало *частным делом* правительства отдельной страны, хозяина мирового рынка (и основных составляющих его локальных рынков). Тем самым глобальное финансово-экономическое доминирование США лишь усиливалось и непосредственно подготавливало основы перехода к однополярному миропорядку, зримые формы которого были предъявлены миру в ходе распада «социалистической системы», а затем и СССР (1989-1991 гг.).

Крах биполярной геополитики упразднял последнее препятствие на пути к пресловутой *униполярности*. Тем самым предельно остро была обозначена основная проблема, основное противоречие мирового развития конца XX века. Триумф Рах Америгана, казавшегося не имеющим актуальных временных ограничений, стал чрезвычайно острым симптомом *глобального кризиса развития*. Общепризнанный мировой лидер – США, сконцентрировавший под своим контролем подавляющую

⁷¹ Подробнее см. Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в логике «противоцентра». – *Мегатренды мирового развития* (под ред. М.В.Ильина, В.Л.Иноземцева). 2001. М.: Экономика, с. 207-234; Пантин В.И., Лапкин В.В. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования. – *Полис*, 2002. № 2.

часть общемировых ресурсов (вещественных, институциональных,⁷² интеллектуальных и т.д.), оказался главным фактором торможения глобального процесса социальной эволюции. Два наиболее драматичных (причем, практически синхронных) примера действия этого механизма, когда беспрецедентная глобальная геополитическая и финансовая монополия США оборачивалась отчуждением ресурсов развития у прежде динамичных региональных центров, являются Япония и Россия 1990-х годов. В известной мере это – оборотная сторона «финансовых пузырей» Уолл-стрит, когда глобальные инвестиционные ресурсы используются преимущественно на расширенное воспроизводство высокодоходных «деривативов», и тем самым отвлекаются от использования в менее доходных отраслях, в реальном секторе, в НИОКР, в развитии системы образования и т.п. При этом экономическая система, поощряющая рост задолженности мирового лидера, главного потребителя глобального мира-экономики, принуждает большинство остальных стран к «добровольному» отчуждению крайне необходимых им ресурсов развития, – такова цена приобщения последних к современным глобальным финансовым рынкам.

Тем не менее, уже с конца 1990-х годов можно наблюдать альтернативный (и по сути – реактивный к обозначенному выше) тренд. В Европе, на постсоветском пространстве, в Латинской Америке и Восточной Азии активизировались попытки найти на региональном уровне решение проблемы сохранения своего потенциала развития, *не допустить полного отчуждения ключевых ресурсов развития* и их переход в единоличное пользование доминирующего мирового лидера.

Однако стратегические успехи США в начале 1990-х годов позволили им, мобилизуя все доступные мировые ресурсы, эффективно противодействовать этому тренду, *сдерживать* процессы формирования новых мировых центров экономической силы, прежде всего – способных стать преемником нынешнего лидера (если и когда глобальное лидерство станет США не по силам). С этим связана одна из наиболее драматических проблем текущего кризиса, суть которой в кажущейся безальтернативности американского лидерства, особенно курьезной в условиях, когда его сохранение оказывается контрпродуктивным для всего остального мира, представляя собой наиболее значимую угрозу для безопасности и социального прогресса большинства регионов земного шара. Сохранение американской гегемонии сопряжено с сохранением и даже увеличением размеров финансовой и ресурсной «дани», которую наложили на весь мир США, определяющие в целом повестку дня мирового развития. Они стали в последние десятилетия, с одной стороны – ключевым двигателем этого развития, а с другой – главным мировым потребителем и главным объектом инвестирования (по преимуществу в высоколиквидные американские ценные бумаги и операции с ними), а также главным мировым должником и главным распорядителем ресурсов технологического прогресса. Это отвлечение, отчуждение мировых ресурсов в пользу США лишает иные регионы мира материальных основ их субъектности, их способности самостоятельно выстраивать приемлемое будущее. Или, говоря более определенно, оборотной стороной американского доминирования на ключевых глобальных рынках является ограничение доступа всех иных стран (особенно так называемой мировой периферии) к кредитным, сырьевым, технологическим и иным ключевым ресурсам развития.

В итоге формирующаяся глобальная поляризация становится главным вызовом мировому развитию и главным его ограничителем, а отсутствие актуальной альтернативы американскому лидерству только усиливает драматизм предстоящей новой «Великой трансформации», одна из возможных интерпретаций смысла которой заключается в том, что кризис принуждает общество озаботиться возвращением себе контроля над ресурсами и условиями собственного развития.

⁷² В том числе – Мировой банк, МВФ, ВТО, НАТО, в значительной степени – ООН...

Если взглянуть с этой точки зрения на проблемы постсоветского пространства, то на сегодняшний день проявления кризиса на этом пространстве приобретают весьма драматические формы, – с одной стороны, – это эксцессы политического и экономического кризисов в Латвии, Молдове, Грузии, Украине, с другой, – обгоняющий прогнозы рост безработицы и социальной напряженности в России.⁷³ При этом воздействие кризиса усугубляется наличием здесь, по крайней мере, двух разнонаправленных тенденций. Первая проявляется в усиливающемся под давлением кризиса стремлении большинства постсоветских режимов заручиться внешней финансовой и политической поддержкой, понятном ввиду очевидной несостоятельности расчетов на возможность самостоятельно справиться с возникающими проблемами.⁷⁴ Однако такие стремления находят весьма осторожный отклик в странах Запада, более озабоченных в условиях кризиса решением собственных проблем. Но есть и другая тенденция. Россия, также экономически весьма пострадавшая от кризиса, придерживается иной стратегии его преодоления, стремясь противостоять ему путем формирования региональной экономической (и финансовой) системы, способной обеспечивать ей более эффективный доступ к финансовым и технологическим ресурсам развития, а вместе с тем, предлагая постсоветским государствам своего рода альтернативу западной экономической помощи. Так, например, в феврале этого года на саммите ЕврАзЭС была достигнута договоренность о создании общего фонда срочной помощи. К тому можно добавить непрекращающиеся попытки России найти взаимоприемлемый компромисс относительно условий финансово-экономической помощи Украине и Белоруссии. Конечно, усилия России не бескорыстны. Они направлены на достижение цели, вполне оправданной в условиях нарастающей глобальной экономической дестабилизации: выстроить в бурном и непредсказуемом море глобального кризиса островок относительной региональной стабильности, который поддавался бы контролю российской политики и тем самым служил интересам российских хозяйствующих элит.

Однако две эти указанные выше тенденции заметно поляризуют постсоветское пространство. При этом наибольшие политические риски возникают в тех странах, которые стремятся в равной мере ориентироваться на экономическую помощь и России, и Запада. Наиболее яркий пример здесь – Украина (а в определенном смысле и Грузия, если учитывать экономический фактор ее диаспоры, наиболее массово представленной в России и обеспечивающей критически важный для грузинской экономики приток денежных средств).⁷⁵ Будет ли эта поляризация усиливаться – во многом зависит от того, как будет развиваться кризис. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в стратегической перспективе способность России противостоять кризису во многом будет определяться тем, в какой мере ей удастся отстаивать собственные экономические интересы на постсоветском пространстве, создать здесь *критическую массу* взаимосвязанных хозяйственных и политических взаимо-

⁷³ Характерно, что по ряду интегральных оценок эффективности антикризисной деятельности правительств (учитывающих динамику показателей ВВП, инвестиций в основной капитал, золотовалютных резервов, промышленного производства, объема производства в сельском хозяйстве, оборота розничной торговли, инфляции, уровня безработицы) Россия и Украина выглядят весьма неэффективными не только в сравнении с США, Францией, Германией, Великобританией, но даже – с Казахстаном. См. напр. Хуже всего борьба с кризисом идет в России и в Украине. 10.05.2009 <http://krizis-kopilka.ru/archives/2066>.

⁷⁴ Напомню, в частности, что страны СНГ считаются одними из наиболее пострадавших от кризиса; по оценкам экспертов МВФ, темпы роста их ВВП (без России) снижаются за год с 6,2 до 1,6%. См. Быков А. Фиаско финансовой глобализации: востребованные уроки. – *Мир перемен*, 2009. № 1, с. 33.

⁷⁵ В самое последнее время в «зону политического риска» вошла и Белоруссия. Попытки ее лидера противопоставить возрастающему давлению Москвы тактику «заигрывания» с Европой грозят серьезным обострением внутривнутриполитической ситуации, оживлением антиавторитарных оппозиционных сил, а в перспективе – политическим кризисом режима с непредсказуемыми результатами.

связей, достаточную для того, чтобы пережить неизбежные потрясения предстоящего лихолетья.

* * *

Есть весьма серьезные основания полагать, что текущий кризис будет углубляться, а его продолжительность будет измеряться годами. Если так, то регионализация мирового рынка будет нарастать, равно как и поляризация постсоветского пространства. Далее – последовательное углубление кризиса и сопровождающие его социальные катаклизмы будут принуждать всех основных субъектов мирасистемы к решительному изменению прежних экономической и политической парадигм, – причем руководствуясь почти исключительно собственными, частными интересами, формируя свой, «особый» путь преодоления последствий кризиса (это – отдельная, большая тема).

В результате через некоторое время, где-то в 2013-2017 годах, мир рискует войти в период всеобщей геополитической конфронтации и дестабилизации. Выработанные на региональном и страновом уровнях *рецепты преодоления кризиса* станут опробоваться в ходе открытых межблоковых столкновений за право распространить их на всю глобальную систему (новый «передел мира»). Она и будет, таким образом, вновь интегрирована (по крайней мере – по большей части) к концу этого периода. К величайшему сожалению, при реализации этого сценария постсоветское пространство может оказаться пространством «межблоковых столкновений», – со всеми вытекающими драматическими последствиями.

**Хесин Е.С., д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
ИМЭМО РАН**

Ситуация в Великобритании

Современный кризис в Великобритании глубже, чем в большинстве развитых государств мира. Это объясняется как своеобразием развития экономики Великобритании и особенностями ее отраслевой структуры, так и спецификой британской социально-экономической модели.

Нынешнему кризису в британской экономике предшествовал бурный подъем. Он продолжался 15 лет и был самым продолжительным за весь послевоенный период. Подъем обладал высокой интенсивностью. По темпам роста ВВП и ВВП на душу населения Великобритания опережала другие ведущие европейские страны и Японию.

Парадокс состоит в том, что в основе как подъема, так и последовавшего за ним кризиса лежат одни и те же причины. Не случайно поэтому, что уже в ходе подъема в экономике вызревали предпосылки спада производства

Одной из них было быстрое увеличение задолженности домохозяйств. Дело в том, что подъем опирался на расширение внутреннего рынка. В первую очередь на рост потребительских расходов, в значительной мере на жилищное строительство. При этом жилье, как правило, приобреталось в кредит. В условиях, когда повышались доходы населения и увеличивались цены на дома, банки охотно предоставляли ипотечные кредиты. В том числе и рискованные кредиты малообеспеченным слоям населения. Когда же произошло резкое падение цен на жилье, выступающее залогом, большое число заемщиков оказалось в затруднительной ситуации. Потребительская, главным образом ипотечная, задолженность по отношению к располагаемому (т.е. после уплаты налогов) доходу домохозяйств подскочила с 57% в 1997 г. до 157% в 2007 г. Увеличились невыплаты по ипотечным кредитам. За 2008 г. число отчуждений объектов недвижимости за долги по ипотеке возросло на 70%. В ре-

зультате фундамент, на котором покоился рост британской экономики, был серьезно подорван.

Другой предпосылкой стало нарастание диспропорций в отраслевой структуре экономики. Последние полтора-два десятилетия в Великобритании характеризовались двумя разнонаправленными процессами: первый – опережающее развитие сферы обращения и услуг, прежде всего финансового сектора, по отношению к отраслям материального производства; второй – ускорение процесса деиндустриализации экономики.

В этой связи следует иметь в виду, что мировой экономический подъем в целом во многом основывался на росте отраслей обращения и услуг. Между тем важнейшая особенность структуры экономики Великобритании как раз состоит в том, что их роль в создании ВВП и занятости здесь намного больше, чем в других ведущих европейских государствах. Финансовая отрасль более важна для Великобритании, чем для других европейских стран: ее доля в британском ВВП составляет 7% по сравнению с 5% в еврозоне. Но именно этот сектор экономики, который еще недавно был ее мотором, в последнее время оказался в эпицентре мирового финансового кризиса.

Он нанес сильнейший удар по экономике Великобритании вследствие того, что в последние годы в ней бурно развивался процесс, получивший название финансовализация экономики – гипертрофированное расширение финансово-кредитной сферы, активное развитие фондового рынка. Рынок ценных бумаг создал свою собственную, искусственную реальность. Происходило разбухание и усложнение денежно-кредитной надстройки, т.е. виртуальной экономики. Она все более отрывалась от реальной экономики. Финансовые операции все больше обособлялись и от товарного производства, и от торговли и развивались автономно по собственной динамике и правилам.

С другой стороны, расширение сферы нематериального производства сопровождалось быстрой деиндустриализацией экономики. Речь идет, в первую очередь о снижении роли в ней обрабатывающей промышленности. С 1970 г. по 2007 г. удельный вес этой отрасли в ВВП упала с 32% до 13%. Ускорилось перемещение британской промышленности в развивающиеся страны. В результате значительно увеличилась зависимость Великобритании от поставок готовой продукции из этих стран.

Изменилась и роль энергетического фактора. Быстрому подъему британской экономики способствовал рост добычи нефти и газа на шельфе Северного моря. Он позволил улучшить платежный баланс и оздоровление государственных финансов в конце прошлого – начале нынешнего десятилетия. Однако истощение месторождений нефти и газа и превращение Великобритании в нетто-импортера энергоресурсов вызвало сокращение поступлений в бюджет и снижение темпов роста экономики.

На смене тренда в развитии экономики в Великобритании сказалось также своеобразие модели социально-экономического развития этой страны. Во-первых, основной целью управленческой деятельности бизнеса здесь является максимизация доходов акционеров, а эффективность работы менеджмента оценивается рынком, прежде всего фондовым. Эта цель в целом совпала с общей направленностью экономического подъема 1990-х – 2000-х годов, для которого был характерен бум капитализации – её отношение к ВВП в Великобритании выше, чем в других ведущих развитых странах. С резким падением курсов ценных бумаг в мире ситуация в британской экономике резко ухудшилась.

Подобным же образом, во-вторых, в период подъема Великобритания удачно «вписалась» в другой процесс, характеризующий воздействие глобализации на современный цикл, – беспрецедентная волна корпоративных, в том числе трансна-

циональных, поглощений и слияний. Между тем как раз в этой стране при большой распылённости акций распространён корпоративный контроль, осуществляемый через рынок ценных бумаг в форме частых слияний и поглощений. Именно поэтому британские компании энергичнее других европейских фирм участвовали в этом процессе. В самое последнее время волна корпоративных поглощений и слияний пошла на убыль, что не могло не отразиться на масштабах деятельности этих компаний.

Далее, в последние десятилетия характерной чертой экономической политики в Великобритании стало дерегулирование хозяйства. Особенно далеко этот процесс зашел в сфере финансов. В условиях благоприятного в целом экономического климата в мире британская система, в которой, несмотря на несомненный рост ориентации на социальные цели, велики элементы экономического либерализма, смогла успешнее, чем европейская континентальная «экономика соучастия», приспособиться к инновационным реалиям начала нового столетия. Однако в последнее время политика дерегулирования рынков, прежде всего финансового, обнаружила и негативную сторону. Огромные риски оказались вне должного учета. Регуляторы не могли адекватно оценивать совокупность рисков в финансовых учреждениях и корпорациях. Пошатнулась стабильность финансовых институтов, прежде всего лондонского Сити, которые обеспечивают инвестирование накоплений. Неадекватное управление рисками и финансовыми потоками вело к общему кризису доверия, который в конечном итоге обернулся финансовым кризисом, а затем и свертыванием производства

Наконец, Великобритания глубже большинства других крупных держав мира интегрирована в глобальное хозяйство. Вследствие этого она больше их выигрывает в периоды подъема в мировой экономике и проигрывает во времена спадов. К этому следует указать на очевидную синхронизацию экономических циклов в Великобритании и США. Хотя в последние десятилетия, будучи членом ЕС, Великобритания существенно переориентировала свои внешнеторговые связи на континентальную Европу, ее зависимость от состояния американского рынка капиталов и банковской системы гораздо больше, чем хозяйств партнеров по Сообществу. Последствия финансового кризиса в США сказались в Великобритании быстрее и болезненней, чем в других странах ЕС.

Нынешний кризис в Великобритании - самый глубокий за весь послевоенный период. В 2009 г., как считает министр финансов А. Дарлинг, ВВП страны сократится на 3,5%, а по оценке МВФ падение составит 4,1%. Растет безработица. С февраля 2008 г. по февраль 2009 г. она выросла с 5,2 до 6,7%. Снижается экспорт. За этот же период он уменьшился на 14%. Быстро ухудшается финансовое положение страны. Если в 2007-2008 фин. г. дефицит бюджета составлял 2,4% ВВП, то в 2009-2010 фин. г. он достигнет беспрецедентного за послевоенное время уровня – 12,4%. Основная причина его роста – сокращение поступлений от налогообложения недвижимости и финансового сектора, на которые приходится половина всех доходов бюджета. Чистый государственный долг по отношению к ВВП возрастет с 36,5% в 2007-2008 фин. г. до 59% и 68% в два последующих года и почти 80% в 2013-2014 фин. году.

С точки зрения экономической природы нынешнего кризиса, ее следует рассматривать как явление структурного порядка. Это определяет неординарность мер, которые правительство, Минфин и Банк Англии принимают для того, чтобы минимизировать негативные последствия финансового кризиса и обеспечить наиболее быстрый выход из него. Следует сразу подчеркнуть, что многие из этих мер противоречат идеологическим установкам «нового лейборизма» и фундаментальным основам функционирования британской финансовой системы.

Теперь о самих мерах. Первое направление – это поддержание стабильности и спасение банковской системы. В этих целях государство увеличило свое присутствие в банковском секторе – «святая святых» британской экономики: оно национализовало банки «Норзерн Рок» и «Брэдфорд энд Бингли». В январе 2009 г. под правительственный контроль попал «Ройял Бэнк оф Скотлэнд» - доля государственного участия в нем достигла 70%.; британские власти получили контроль над 65% акций «Ллойдз бэнкинг групп». Таким образом, Великобритания стала лидером по темпам национализации банков в Европе. Правительство выкупило у банков проблемные активы на общую сумму 50 млрд. фунтов стерлингов. Оно предоставило гарантии по межбанковским кредитам на 250 млрд. фунтов и гарантии по кредитам малым и средним компаниям на 10 млрд. фунтов.

Управление по финансовым рынкам предлагает беспрецедентный пересмотр правил регулирования финансовой системы, по итогам которого британская политика минимального вмешательства в эту отрасль может отойти в прошлое. Повышены требования к раскрытию информации эмитентами ценных бумаг. Введен временный запрет на продажу большого числа ценных бумаг. Ужесточены требования к дочерним компаниям и отделениям иностранных банков в отношении имеющихся у них ликвидных средств. Однако проблема заключается в том, что кредиты, которые правительство и Банк Англии предоставляют коммерческим банкам, не идут на кредитование реального сектора и населения. Основная часть средств идет на покупку финансовых активов. В какой-то мере это проблема общая для всего мира, и Великобритания не является исключением. Поэтому и премьер-министр Г. Браун, и министр финансов А. Дарлинг призывают банкиров предоставлять кредиты реальной экономике, прежде всего мелким и средним предприятиям, а также населению. В этих условиях правительство работает также над планами вливания средств непосредственно в реальную экономику, прежде всего в автомобильную промышленность. Рассматривается план создания фонда, который сможет принимать на себя долговые обязательства компаний в обмен на пакеты акций в них. Предполагается, что средства в фонд перечислят как государство, так и банки.

Второе направление – смягчение монетарной политики. Базовая учетная ставка Банка Англии снижена с 5% в августе 2008 г. до исторического минимума 0,5% в марте 2009 г. Однако здесь финансовые власти сталкиваются с фундаментальной проблемой – по мере снижения уровня банковского процента падает и эффективность денежно-кредитной политики государства. Действительно, о какой ее эффективности можно говорить, если банки вообще перестают предоставлять кредиты?

В марте 2009 г. Банк Англии объявил о новых вливаниях в национальную финансовую систему. План, получивший название «количественное облегчение», предусматривает выкуп пулов ипотечных кредитов и государственных облигаций, а также других активов на сумму 75 млрд.ф.ст. В мае 2009 г. Банк увеличил закупку облигаций, главным образом государственных, до 125 млрд. ф.ст. По сути дела, речь идет о печатании новых денег.

Значительное место в антикризисной политике занимает налогово–бюджетное стимулирование. Практически Великобритания отказывается от прежней монетарной ортодоксии, заключавшейся в том, что во время такого рода кризисов основной инструмент государства – это его денежно-кредитная политика. Фискальная же политика считалась главным образом средством структурных преобразований в экономике. Ряд мер налогово-бюджетного стимулирования предполагается ввести после всеобщих парламентских выборов.

С 17,5 до 15% снижен налог на добавленную стоимость (причем временно – на 13 месяцев). В то же время для наполнения бюджета правительство решило по-

высить налоги с самых богатых. В 2010 г. будет повышена максимальная ставка подоходного налога с 40 до 50% для лиц для 350 тыс. британцев, получающих доход свыше 150 тыс. ф. ст. в год. Эта категория налогоплательщиков теряет право на льготы при уплате подоходного налога. Выделены крупные средства для создания новых рабочих мест, подготовки и переподготовки кадров. При этом особое внимание уделяется трудоустройству молодежи. Увеличены пособия по безработице, особенно для лиц, длительное время (более года) находящихся без работы. Возросли пособия на детей. Введены специальные сберегательные планы для малообеспеченных. Повышен максимальный размер государственной пенсии. Увеличены отчисления работодателей в рамках программы национального страхования на 0,5 процентного пункта с апреля 2011 года.

Следующее направление антикризисной программы – поддержка жилого сектора, набор мер, направленных на смягчение ипотечного кризиса. Речь идет о 3-х месячной отсрочке по выплатам основной суммы. Рассматривается вопрос об увеличении льготного периода до 6 месяцев. Кроме того, предусматривается отсрочка платежей по процентам до двух лет, если речь идет о безработных или тех, чей доход резко снизился, и до шести месяцев для остальных граждан. Что касается платежей по кредитным картам, то допускается отсрочка на один месяц.

Необходимо сказать также о некоторых институциональных переменах, которые произошли в Великобритании в последние месяцы.

Во-первых, усилен экономический блок правительства. Премьер-министр Г.Браун, несмотря на свою нелюбовь к бывшему комиссару по торговле Европейского Союза П. Мендельсону, назначил его министром бизнеса и предпринимательства. Заместителем министра, ответственным за содействие развитию торговли и инвестиций, стал председатель правления банка «Стандарт Чартерд» М.Дэвис.

Во-вторых, в октябре 2008 г. при кабинете министров был сформирован Национальный экономический совет во главе с премьер-министром. В состав Совета входят представители крупного бизнеса, он собирается два раза в неделю. Как говорят сами британцы, это, по сути дела, «комитет военного времени».

В-третьих, создан специальный орган – Финансовые инвестиции Великобритании, который занимается управлением активами, перешедшими в собственность государства. Одна из его задач состоит в том, чтобы после улучшения ситуации на рынке ценных бумаг вновь продать эти акции банков частному сектору. Наконец, предпринимаются шаги по улучшению координации деятельности регулирующих органов – Минфина, Банка Англии, Управления по финансовым рынкам.

Наконец, обращают на себя внимание меры государства, выходящие за рамки антикризисных мер и относящиеся к посткризисному периоду. Много внимания уделяется развитию образования, здравоохранения, развитию «зеленой экономики» - проблемам энергосбережения, использованию альтернативных источников энергии. Создан Фонд стратегических инвестиций для финансирования наиболее перспективных промышленных проектов.

Нетрудно заметить, что многие шаги лейбористского руководства, формально направленные на преодоление кризиса, имеют явный популистский характер. И это не случайно. Хотя в стране и нет крупных выступлений против правительства, недовольство значительной части населения проводимой им социально-экономической политикой нарастает. В его основе - снижение зарплат, закрытие предприятий, увеличение безработицы, огромные бонусы, выплаченные банкирам и крупным предпринимателям. В последние месяцы на ряде предприятий прошли митинги, участники которых требовали ограничить использование труда иммигрантов. По опросам Файненшл таймс/Харрис, 80% взрослых британцев полагают, что иммигранты должны покинуть Великобританию, если они не могут найти работу. Другой опрос,

проведенный в феврале 2009 г. журналом «Проспект», показал, что 37% респондентов (свыше половины лиц старших возрастов) предсказывают серьезные волнения в британских городах; для наведения порядка, по их мнению, потребуется использование армии.

Главное же состоит в том, что не позднее мая 2010 г. в стране должны состояться всеобщие парламентские выборы. Между тем за год до них лейбористская партия отстает в опросах от консервативной партии более чем на 20 процентных пунктов. Если антикризисные меры правительства к весне следующего года не дадут ощутимых результатов (а они зависят не только от проводимой им политики, но – и главным образом – от общей экономической ситуации в мире), то лейбористов ждет сокрушительное поражение.

Преображенская А.А., к. полит. н. Особенности кризиса во Франции

Франция может служить примером того, как во время кризиса проявляются особенности национальной политической культуры. Объективная экономическая ситуация в этой стране лучше, чем во многих европейских государствах, в то же время именно во Франции развернулись наиболее масштабные акции протеста.

Безусловно, Франция не осталась в стороне от мирового кризиса. Только за четвертый квартал прошлого года промышленное производство сократилось на 6,7%.⁷⁶ В 2009 г. экономисты предвидят отрицательный экономический рост -1,5-1,9%.⁷⁷ Безработица с рекордно низких значений лета прошлого года – 7,2% экономически активного населения, в первом триместре нынешнего года шагнула до 8,2%, в конце года ожидается 9%.⁷⁸ Если осенью безработица росла темпами 40-45 тыс. человек в месяц, то в январе-феврале темпы ее роста удвоились – количество безработных увеличивалось ежемесячно на 80-90 тыс. человек. Особую озабоченность руководству страны внушают данные о безработице среди молодежи до 25 лет, которая в начале 2009 г. достигла 23%.⁷⁹

Тем не менее по ряду экономических показателей ситуация в стране в лучшую сторону отличается от положения в большинстве других европейских государств.

Основным источником роста экономики в последние годы был не рост экспорта, а увеличение внутреннего потребления, которое пока не пострадало – в последнем триместре 2008 г. расходы домохозяйств даже увеличились на полпроцента.⁸⁰ В первом триместре 2009 г. покупательная способность населения, согласно расчетам экономистов, также должна возрасти на 0,7%.⁸¹ Инфляция практически отсутствует (0,4% в год). Однако рецессия еще не перешла в депрессию – дефляции тоже пока не наблюдается.

⁷⁶ <http://www.lefigaro.fr/economie/2009/02/11/04001-20090211ARTFIG00549-la-grande-deprime-de-l-industrie-francaise-.php>

⁷⁷ <http://www.lefigaro.fr/economie/2009/03/20/04001-20090320ARTFIG00155-l-insee-prevoit-une-recession-historique-en-2009-.php>

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ <http://www.lefigaro.fr/economie/2009/04/14/04001-20090414ARTFIG00201-emploi-des-jeunes-32-ans-de-solutions-inefficaces-.php>

⁸⁰ Le nouvel observateur. № 2315. 19-25 mars 2009. P. 16.

⁸¹ <http://www.lefigaro.fr/economie/2009/03/20/04001-20090320ARTFIG00155-l-insee-prevoit-une-recession-historique-en-2009-.php>

Банковский сектор, хотя и затронут, но не обрушился подобно американскому. Это объясняется тем, что традиционно французы делали акцент не на жизнь в кредит, но на сбережения, на которые они тратят 15-16% своих доходов, против например, 3% доходов американцев или 10% доходов жителей ФРГ.⁸²

Смягчает социальные последствия кризиса основанная на перераспределении доходов система социального обеспечения. По уровню расходов на социальные нужды - 31,1% ВВП - Франция опережает европейские страны. Денежные доходы ниже уровень бедности – 817 евро в месяц, получают только 13% населения (только в Швеции 12%).⁸³ Для малообеспеченных социальные трансферты составляют более половины дохода. Между тем, расходы на систему социального обеспечения рассматриваются не только как тяжелая ноша госбюджета, но как инвестиции в человеческий капитал, который, в конечном счете, обеспечивает рост производительности труда. Не будем забывать о том, что французы – 1% мирового населения обеспечивают вклад в размере 4,5% в мировое экономическое развитие.

Кризис во Франции начался несколько позже, чем в США и Великобритании. Соответственно, политическое руководство Франции начало действовать с некоторым запозданием по отношению к ведущим мировым державам. Уже рушились банки в США, а во Франции в конце сентября правительство представило проект бюджета, содержащий меры по ограничению дефицита и сдерживанию роста расходов на социальную сферу.

В декабре власти были вынуждены предпринять дополнительные меры по стабилизации экономики. Экономическая ситуация настораживала, но не грозила катастрофой, поэтому не удивительно, что план Саркози по поддержке экономики – один из самых наименее финансово емких в Европе. Банковской системе и предприятиям предназначались 26 млрд. евро, что составляет около 1,5% ВВП.⁸⁴ Только шесть крупнейших частных банков получили по 10,5 млрд. евро.⁸⁵

Основной акцент делается не на стимулирование потребления, которое и так не пострадало, а на инвестиции. По мнению руководства, если просто поддерживать покупательную способность, она может уйти в сбережения или на приобретение импортных товаров, в то время как инвестиции стимулируют и предложение и спрос, и создают новые рабочие места.

Половина из этих 26 млрд. в марте 2009 г. уже находилась в экономике.⁸⁶ План предусматривает совершенствование инфраструктуры - дорог, портов, мостов, прокладку новых линий скоростных поездов, строительство и ремонт госпиталей и других общественных зданий, реставрацию объектов культурного наследия (в списке 252 объекта). Значительные средства предназначены общественным службам - электрической компании и почте, а также на строительство жилья и модернизацию жилых кварталов.⁸⁷

Однако французам план Саркози показался явно недостаточным, а заверения, что в стране ситуация лучше, чем повсюду в Европе, служили слабым утешением. Согласно данным опросов, в конце года забота о «поддержании покупательной способности» в приоритетах населения сменилась страхом за свои рабочие

⁸² Le Point. № 1903. 5 mars 2009. P. 32

⁸³ Ibid. P. 34.

⁸⁴ Le Nouvel observateur. № 2312. 26 fevrier-4 mars 2009. P. 36.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ <http://www.lefigaro.fr/politique/2009/03/25/01002-20090325ARTFIG00034-le-plan-de-relance-francais-entre-en-phase-d-execution-.php>

⁸⁷ См. Подробнее: <http://www.lefigaro.fr/economie/2009/02/03/04001-20090203ARTFIG00526-un-plan-de-relance-pour-sauver-l-emploi-.php>

места среди всех социальных категорий и возрастных групп, включая лиц старше 65 лет.⁸⁸

Огромные суммы, выделенные на стабилизацию банковской системы, звучали диссонансом с утверждением, что социальная сфера и так достаточно устойчива и может обойтись без крупных денежных вливаний. Общественность оставила без внимания тот факт, что деньги банкам отнюдь не подарили, но дали займы. Больше того, оказалось, что руководители крупных компаний, даже получающих помощь от государства не могли расстаться с атрибутами прежней эпохи процветания – многомиллионными бонусами и пенсиями, бесплатными акциями и пр. Таким образом, кроме экономического кризиса принял и моральное измерение.

Французам свойственно этатистское сознание – они рассчитывают на государство и требуют от него удовлетворения своих запросов. Традиция государственного вмешательства в экономику восходит, по мнению некоторых исследователей, к временам Кольбера. Французы уверены, что если «невидимая рука рынка» предоставляет преимущество не труду, а капиталу и сфере финансов, то именно государство призвано скорректировать положение. В революционном прошлом коренится и сильно развитая традиция «прямого участия» в политике. В социально-трудовых отношениях не сформировалась традиция партнерства и диалога и, напротив, укоренилась традиция антагонизма. 29 января и 19 марта в стране прошли массовые забастовки и демонстрации, в которых приняли участие до 2,5 млн. человек. Акции были не против какого-либо конкретного мероприятия властей, но должны были продемонстрировать озабоченность населения создавшейся ситуацией и выразить его мнение о недостаточности мер в социальной сфере.

Уже в начале февраля Саркози обнародовал дополнительные меры общей стоимостью 2,6 млрд. евро по «социальному сопровождению кризиса». Ни о каком бюджетном равновесии речь уже не шла, по прогнозам экономистов дефицит бюджета в 2009 г. увеличится с 3 до 5,6%, дефицит касс соцобеспечения возрастет с 9,4 до 15 млрд. евро.⁸⁹

Основным адресатом был выбран низ среднего класса. На 2009 г. были отменены две трети подоходного налога для лиц с годовым доходом, не достигавшим 11,5 тыс. евро, увеличены пособия к началу учебного года, чек на 200 евро получили инвалиды и пожилые люди на оплату персонала и средств по уходу. Налоговые льготы получили семьи, использующие наемную рабочую силу. Эти меры должны были стимулировать и рост занятости в данной сфере. 1000 евро составил бонус на покупку отмечающего экологическим требованиям автомобиля (спад в этой отрасли несколько замедлился).

Специальным законом до конца 2010 г. ограничено вознаграждение руководства компаний, которые получают государственную помощь. Наиболее влиятельные организации предпринимателей - Движение предприятий Франции (MEDEF) и Французская ассоциация частных предприятий (AFEP) совместно приняли «этический кодекс» оплаты руководства предприятий, к которому не примкнули всего 10% компаний. Глава государства предоставил социальным партнерам время до июня для переговоров об использовании прибыли предприятий. Одновременно Саркози выдвинул идею «трех третей»: одна треть прибыли поступает собственникам и акционерам, вторая идет работникам и третья направляется на инвестиции. Данная концепция встретила неоднозначную реакцию у представителей деловых кругов. Некоторые предприниматели указывали на ее недостаточную просчитанность и экономическую обоснованность. Однако широкие дебаты по данному вопросу еще впереди.

⁸⁸ <http://www.tns-sofres.com/points-de-vue/A76839A16F0B4765AE5E50202FB8A684.aspx>

⁸⁹ Le Figaro. 03.03.09.

В начале 2009 г. шла оживленная дискуссия вокруг 50% подоходного налога (его платят те, кто зарабатывает свыше 60 тыс. евро в год) - о целесообразности данного налога на таком «низком» уровне. За увеличение налога высказывались не только представители левой оппозиции, но и некоторые члены правящего большинства, однако налог был оставлен без изменения.

Предметом основной озабоченности правительства является борьба с безработицей. Саркози заявил, что сделает все возможное для поддержки промышленности в стране. В регионы уже посланы специальные представители, которые будут изучать каждый случай массовых увольнений и вести переговоры о господдержке. Вновь создающие рабочие места малые предприятия до 10 человек освобождены от взносов в социальные фонды с заработной платы, не превышающей 1,6 минимальных зарплат. По данным правительства, малый бизнес уже задействовал 100 тыс. дополнительных работников. Было принято решение об уменьшении НДС в ресторанном бизнесе с 2010 г., однако в конце апреля президент предложил парламенту рассмотреть вопрос о введении этой меры с 1 июля нынешнего года. Практикуется также создание рабочих мест на частных предприятиях, полностью или частично финансируемых из бюджета.

Что касается поддержки неимущих, то поставлена цель - добиться, чтобы все жили выше уровня бедности - 817 евро. на человека, что составляет 60% медианного уровня доходов. Расширен круг лиц, имеющих право на пособие по безработице. Разовая выплата в 500 евро предназначается тем, кто работал хотя бы от 2 до 4 месяцев, право на пособие по безработице получили все, кто работал хотя бы 4 месяца из последних 28. С июля вводится в действие принятый в прошлом году «минимальный уровень активности» - система, при которой если человек устраивается хотя бы на временную работу и неполную рабочую неделю, он не теряет социальных пособий. Ранее получателям социальных пособий зачастую невыгодно было искать временную или частичную работу за минимальную зарплату так как трудоустроившись они теряли право на пособия.

Примечательно, что Саркози не торопится отказаться от реформ, которые были заявлены ранее, и к кризису прямого отношения не имеют. Это говорит о том, что руководство выступает не только в качестве пожарной команды, но озабочено перспективами жизни после кризиса. Не была отложена даже, казалось бы, не слишком уместная при дефиците средств отмена рекламы на государственных каналах телевидения с 20 до 8 часов, в перспективе полной отмены к 2011 году. Эта мера обойдется в 450 млн. евро.⁹⁰ В рамках антикризисных мер введен бесплатный доступ в музеи молодежи до 25 лет, что будет стоить министерству культуры 25 млн. евро.⁹¹

Пожалуй, одно из немногих явных отступлений от задуманных планов президента - осенью была отложена на год реформа среднего образования, в то время как молодежь уже готовилась выйти на улицы. Акции обещали быть очень масштабными, и они совпали по времени с молодежными бунтами и погромами в Греции. Опасаясь цепной реакции, президент решил повременить с данной реформой.

Между тем у каждой из запланированных реформ есть свои противники. Действительно, проекты, которые осуществлял Саркози с лета 2007 г. были отнюдь не рассчитаны на кризис и были призваны способствовать усилению экономической активности. Последняя должна была получить импульс, по мысли главы государства, в результате снижения налогов и придания гибкости рынку труда. Такие меры как освобождение от налогообложения дополнительных рабочих часов, сокращение подоходного налога до 50% уменьшили доходы бюджета, но в условиях неблагоприят-

⁹⁰ Le Point. № 1903. 5 mars 2009. P. 23.

⁹¹ Ibid.

ной конъюнктуры не привели к всплеску деловой активности. Модернизация системы социальной защиты также могла повысить мотивацию граждан к труду, а также сэкономить бюджетные средства. Однако наиболее болезненно общественность воспринимала проекты преобразований в образовании и здравоохранении. Примерно половина населения, особенно избиратели соцпартии, были убеждены, что Саркози ставил себе цель сломать самобытную французскую социальную модель и перестроить ее в англо-саксонском технократическом стиле. Так, весной 2009 г. лишь 31% опрошенных были уверены, что предпринятые главой государства реформы «идут в правильном направлении», в то время как 57% французов были уверены в обратном.⁹²

Хорошей питательной средой для активизации публичных форм протеста стал и метод руководства, который демонстрировал Саркози. Он выдвигал проект той или иной реформы после чисто формальных консультаций с заинтересованными сторонами, а далее наблюдал, насколько интенсивным будет сопротивление. Диалога с оппозицией руководство страны также не вело, ограничившись включением нескольких маргиналов из соцпартии в кабинет. Поэтому для того, чтобы участники конфликта могли рассчитывать на компромисс, им необходимо было организовать как можно более масштабные выступления. Зачастую подобная ситуация приводила к затягиванию конфликта и радикализации действий его участников. Так, в январе-феврале 2009 г. в Гваделупе всеобщая забастовка продолжалась 24 дня, прежде чем был создан межминистерский комитет и начаты переговоры. Еще в прошлом году президент настроил против своих начинаний интеллигенцию – преподавателей школ, работников университетов и науки, врачей, юристов и прессу, и методы политической коммуникации главы государства сыграли в этом не последнюю роль. Впрочем, в последние месяцы налицо некоторые признаки того, что руководство страны под влиянием лавинообразного возрастания числа протестных выступлений стало больше внимания уделять диалогу с заинтересованными сторонами. Так, после проведенной в апреле совместной демонстрации преподавателей ВУЗов и медицинских работников, с последними состоялись переговоры, в ходе которых был найден компромисс по одному из пунктов плана реформы лечебных учреждений.

Уровень общественной поддержки президента пребывает на довольно низком уровне – в марте глава государства вызывал доверие всего у 36% опрошенных.⁹³ Тем не менее, линию Саркози по борьбе с кризисом одобряют большее число французов – 46%.⁹⁴ То есть у населения присутствует осознание того, что кризис мировой и возможности воздействия на его развитие ограничены. Подавляющее большинство опрошенных одобрили такие решения главы государства как ограничение вознаграждения руководства предприятий, получающих помощь от государства и отправка в регионы комиссаров по «реиндустриализации». Эти меры поддержали соответственно 85% и 80% французов. Избиратели отмечали такие качества президента как его решительность (79%), хладнокровие (69%), однако далеко не столь многочисленны те, кто считает, что Саркози «говорит французам правду» (44%), «принимает во внимание трудности французов» (40%) и «принимает эффективные решения» (38%).⁹⁵ Многие аналитики считают, что кризис затушевывает ошибки Саркози, теперь он может негативный эффект своих неправильных решений списать на кризис. Характерно, только одна пятая часть опрошенных считает, что основная сила оппозиции – соцпартия лучше справилась бы с кризисом. Оживились и крайне

⁹² <http://www.tns-sofres.com/points-de-vue/60FE4AC698F1402697031EBC74008011.aspx>

⁹³ <http://www.tns-sofres.com/points-de-vue/B8A9027737C54980876B763BBE45B516.aspx>

⁹⁴ <http://www.opinion-way.com/pdf/lefigaro-lci-politoscope-saison3vague27.pdf>

⁹⁵ Ibid.

левые движения, редкое протестное мероприятие проходит без «новой антикапиталистической партии» во главе с Оливье Безансено.

В результате протесты наслаиваются друг на друга, и страна живет в атмосфере непрекращающихся разнообразных акций. То рыбаки блокируют морские порты, то тюремщики протестуют против переполненности камер в тюрьмах, то преподаватели и научные работники выходят на демонстрацию против реформы высшего образования, а медицинские работники – против реформы лечебных учреждений. Только в Париже с января по конец апреля 2009 г. состоялось 855 демонстраций, что на 16% превышает их число за аналогичный период прошлого года. При этом информация о каждой четвертой акции не была предварительно заявлена властям, в то время как в прошлом году не были анонсированы только 16% мероприятий.⁹⁶ Около 70% населения поддерживают забастовки, более 40% готовы принять в них участие, с января по апрель с 65% до 79% выросло количество французов, которые полагают, что социально-трудовые конфликты будут нарастать.⁹⁷

Между тем у организаторов подобных акций накопился немалый опыт, и абсолютное большинство мероприятий не перерастает в массовые беспорядки и погромы. Согласно данным опросов, подавляющее большинство избирателей предпочитает ненасильственные способы решения социально-трудовых споров. Так, в апреле 2009 г. наиболее эффективными способами борьбы за свои права 77% опрошенных назвали переговоры, 68% - забастовку, 62% - демонстрацию, 47% - занятие офиса или завода. Последний метод испытали всего 10% опрошенных, однако 34% заявили, что готовы прибегнуть к нему в случае необходимости. Характерно, что в забастовках и демонстрациях уже принимали участие соответственно 42% и 46% французов и только 20% встречались со своими оппонентами за столом переговоров.⁹⁸

Несмотря на то, что в профсоюзах состоят только 8% населения, 62% избирателей полагают, что лучше опираться именно на эти организации, в то время как меньшинство - 28% французов предпочитают действовать самостоятельно.⁹⁹ Можно отметить, что малочисленность и раздробленность профсоюзных организаций лишают последних сильных позиций в переговорах с представителями органов власти и патронатом, которые склонны недооценивать их влияние и способности к мобилизации трудовых коллективов. В результате именно забастовки и демонстрации становятся все более распространенным средством разрешения трудовых конфликтов.

В последние месяцы к репертуару широко применяющихся действий – петиций, бойкотов, демонстраций, блокированию дорог, занятию общественных мест добавился известный с 1970-х, но подзабытый так называемый босснэппинг – блокирование и удержание хозяев или руководителей предприятий. Только за один месяц произошло уже пять подобных инцидентов. Правда, профсоюзы от . относятся к подобному отстаиванию своих прав. В апреле 2009 г. 30% опрошенных его поддержали, 63% заявили, что хотя и не одобряют, но понимают, и только 7% осудили.¹⁰⁰ В тоже время абсолютное меньшинство французов расценили задержание руководства (24%) или порчу зданий и имущества (6%) как эффективные способы отстаивания своих прав.¹⁰¹ Тем не менее, при массовых акциях протеста погромов, поджо-

⁹⁶ Le Monde. 02.05.2009.

⁹⁷ <http://www.opinion-way.com/pdf/lefigaro-lci-politoscope-saison3vague29.pdf>

⁹⁸ http://www.tns-sofres.com/_assets/files/2009.04.28-revendication.pdf

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ <http://www.ifop.com/europe/docs/sequestrationdespatrons.pdf>

¹⁰¹ http://www.tns-sofres.com/_assets/files/2009.04.28-revendication.pdf

гов и жертв удастся избежать далеко не всегда. Так, в феврале в Гваделупе профсоюзный деятель был застрелен неустановленным лицом во время столкновений местных жителей с органами правопорядка.

Подводя итоги можно сделать вывод, во Франции в настоящее время накладываются друг на друга две волны протестов – против реформ, которые президент Саркози проводит со времени своего прихода к власти в 2007 г., и против проявлений кризиса в социальной сфере, которые выражаются в росте безработицы и числа трудовых конфликтов. Разнообразные публичные протестные акции стали постоянным элементом политической жизни, своеобразным способом диалога и каналом общения населения с властями. Это составляет одну из характерных черт своеобразия французской модели социально-политического развития, которая держит в тонусе руководство страны, побуждая его при принятии решений учитывать мнение французов и вести активный диалог с избирателями.

Е.Г. Черкасова
(с.н.с. ИМЭМО РАН, к.и.н.)
Испания: особенности кризиса (политический аспект)

Экономический кризис в Испании связан не только с влиянием мирового экономического кризиса, но и с исчерпанностью модели экономического развития, основанной на относительно низкой стоимости рабочей силы, привлекавшей большие иностранные инвестиции. В сочетании с туризмом и стремительным развитием строительного сектора это позволило обеспечить быстрый рост экономики, сравнявшись и даже превзойдя среднеевропейские показатели. Исчерпанность этой модели связана с тем, что Евросоюз решил сократить объемы финансовой помощи Испании, так как эти деньги значительно больше нужны новым восточноевропейским членам блока. Расширение Европы на Восток, во-первых, и глобализация мировой экономики, во-вторых, вызвали изменение направления иностранных инвестиций, поскольку уровень зарплат в Испании примерно в 4 раза выше, чем в странах Восточной Европы, и в 10-20 раз выше, чем в развивающихся экономиках. Впервые со времени перехода от диктатуры к демократии в Испании появились голоса, критикующие Евросоюз, вступление в который являлось первоочередной политической целью Испании после окончания франкистской диктатуры.

В 2008 отмечено замедление темпов роста ВВП с 4 до 1,4%, а в 2009 ожидается уже падение в 2%. Падение фондовых индексов заставило создать план помощи банковской отрасли, оцениваемый в \$136 млрд. Власти также увеличили размер гарантированной выплаты по депозитам с 20000 евро до 100000 евро. В конце 2008 года правительство выделило 800 млн. евро для поддержки «стратегического» автомобильного сектора. Ранее Испания превратилась в пятую в мире страну - производителя автомобилей, при этом 80% продукции экспортировались, обеспечивая около 10% ВВП. Теперь спрос на машины упал, и в 2008 году было выпущено на 300000 автомобилей меньше, чем в 2007 (снижение на 10.3%)¹⁰². В 2009 году Испания вошла в стадию рецессии и страдает от нее значительно сильнее, чем другие европейские страны.

¹⁰² <http://news.kyero.com/2008/12/4/zapatero-worst-financial-crisis-since-ww2>

Следует остановиться на трех наиболее значимых проявлениях кризиса в Испании: коллапс строительной отрасли, увеличение безработицы и положение в области иммиграции.

До последнего времени Испания занимала первое место в Европейском союзе по темпам экономического роста (более 4%), количеству создаваемых рабочих мест, положительному балансу доходов и расходов, росту фондов на социальное обеспечение. 10 лет подряд продолжался испанский строительный бум. Именно строительная индустрия была основной движущей силой испанского ВВП в последние годы. В настоящее время жилищное строительство, которое имело явно чрезмерные масштабы и спекулятивный характер, почти остановилось. Коллапс отрасли сказался на смежных отраслях, привел к резкому росту безработицы, снижению уровня инвестиций и потребительской активности.

В сентябре 2008 года уровень безработицы в Испании достиг 11,3% (2,6 млн. чел.)- это высший показатель с 1997 года. Правительство выделило дополнительные 8 млрд. долларов на общественные работы и другие меры, призванные снизить безработицу. Предполагается, что эти меры помогут создать в 2009 году 300000 рабочих мест. Пока же к середине 2009 года Испания вышла на первое место по уровню безработицы среди стран ЕС, а по прогнозам ОЭСР к концу 2009 года этот уровень составит 14.2%.¹⁰³

В Испании экономический кризис помогает решить кадровую проблему профессиональной армии, которая до сих пор не была укомплектована рядовым составом. Впервые, с тех пор как консервативное правительство Хосе Мария Аснара в 2002 году положило конец обязательной военной службе, министерство обороны не испытывает трудностей с комплектованием рядов вооруженных сил. В первом полугодии 2008 года на 4,6 тысячи вакансий было подано 24 тысячи заявлений.¹⁰⁴

В течение последних лет бурного экономического роста и увеличения занятости (прежде всего в строительной отрасли) резко возрос приток в страну иммигрантов, которые поначалу без труда находили себе в Испании работу. Рекордным стал 2007 год, когда в страну в поисках работы прибыли более 700 тысяч иностранцев. Это абсолютный рекорд для европейских стран. В результате такого бурного потока иммиграции в Испании в 2008 году количество иностранцев превысило 5 млн. человек, что составляет около 11 процентов населения¹⁰⁵.

Среди иммигрантов преобладали две группы: выходцы из Северной Африки (преимущественно из Марокко), мужчины, с низким уровнем образования, которые в основном находили себе работу в строительной отрасли, и из Латинской Америки (преимущественно из Эквадора), женщины, с высоким уровнем образования, которые в основном работали гувернантками, нянями и домашней прислугой. Экономический кризис больно ударил по обеим этим категориям, которые пополнили ряды безработных. В последние годы более половины притока иммигрантов составили выходцы из Восточной Европы (преимущественно Румынии). Министр труда и иммиграции Испании Селестино Корбачо предложил план борьбы с безработицей среди иностранцев. Каждому иммигранту, оставшемуся без работы, правительство готово выплатить 100-процентную компенсацию за период вынужденной безработицы. При этом иммигрант соглашается принять оплаченный правительством Испании билет на родину и отказывается от права вернуться сюда в течение трех лет.

К началу 2008 года население страны превысило отметку в 46 млн. человек. Признано, что важнейший вклад в экономические успехи Испании внесли иммигранты, которые, составляя чуть более 11% населения страны, в последние шесть лет

¹⁰³ <http://news.kyero.com/2008/12/4/zapatero-worst-financial-crisis-since-ww2>

¹⁰⁴ <http://www.rian.ru/world/20081015/153250021.html>

¹⁰⁵ <http://www.rg.ru/2008/11/25/immigranty.html>

обеспечили ей 38% объема роста ВВП. Они вносят 7,4% средств в систему социального страхования, но при этом потребляют из него не более 0,5%, ибо среди них нет пенсионеров (им в среднем от 16 до 44 лет), они мало болеют, старательно работают и т.д. То, что Испании удалось избежать тяжелых проблем, связанных с наступившим демографическим кризисом, связано с политикой, которую проводило в отношении иммиграции социалистическое правительство Хосе Луиса Родригеса Сапатеро. В первый период правления (с марта 2004 года по март 2008 года) социалисты сделали все возможное, чтобы легализовать массу нелегальных иммигрантов, работавших в стране до их прихода к власти, превратить их в законопослушных налогоплательщиков, максимально интегрировать в жизнь испанского общества. И хотя, как и везде, приток чужаков ведет к некоторому росту напряженности, в Испании это не стало серьезной проблемой.

Тот факт, что ИСРП вторично одержала победу на всеобщих выборах в марте 2008 года в условиях уже начавшегося медленного вхождения в экономический кризис, доказывает, что социально-политическая и экономическая система, сложившаяся в стране в постфранкистский период, оказалась вполне устойчивой. В отличие от Франции, в Испании пока не отмечены массовые демонстрации против политики правительства. Большинство испанских экспертов считает, что основой быстрого роста страны стал не только мировой цикл быстрого развития экономики, начавшийся еще при Аснаре и продолжившийся после него, но и удачная политика правительства ИСРП, стратегом которой стал не склонный к экономическим авантюрам популистского толка бывший комиссар ЕС по экономике, ныне вице-премьер Педро Сольбес. Достижения испанцев в этой сфере подтверждают оценки крупных международных организаций. Испанцы проголосовали за продолжение политики, которая позволила Испании продолжить модернизацию, обогнать по доходам на душу населения Италию, приблизившись к Франции и Германии, внести ряд улучшений в положение наименее обеспеченных слоев. Всем ясно, что кризис не вызван, собственно, политикой правительства, а является частью глобального общемирового процесса. Тем не менее, кризис, безусловно, усложнил задачи, стоящие перед правительством Родригеса Сапатеро в период второй легислатуры. Ярким свидетельством разногласий в самой правящей партии стала отставка Педро Сольбеса.

Однако все это может быть компенсировано тем, что в Испании ослабнет общая внутривнутриполитическая напряженность, которая была чрезвычайно высокой в 2004–2008 годах. Народная партия все это время проводила конфронтационную политику в отношении правительства ИСРП. Ее руководитель Мариано Рахой, человек по натуре нежесткий и склонный к компромиссам, оказался окруженным людьми бывшего лидера партии Аснара, навязавшими ему агрессивную линию и выражавшими интересы довольно ограниченной части общества. В результате в последние годы консерваторы, утверждавшие, что проиграли выборы 2004 года «случайно» – из-за произошедших как раз накануне терактов «Аль-Каиды» в Мадриде, отказались от нормальной оппозиционной деятельности. Консерваторы по любому случаю нападали на правительство – по вопросам иммиграции, по поводу неудавшихся мирных переговоров с баскскими террористами, по поводу отношений с регионами или в связи с реформами в социальной сфере. При этом оппоненты называли Родригеса Сапатеро «некомпетентным», «слабым» и даже «предателем». Это создало в стране невыносимую атмосферу, которую представители старшего поколения сравнивали с той, которая возникла в Испании в канун гражданской войны 1936–1939 годов.

Поражение консерваторов на последних выборах показало, что их линию не поддерживают. И тогда прагматик Рахой в результате долгого и мучительного процесса убрал из руководства партии ультраправых лидеров, привел на видные посты молодых людей и женщин. Рахой заявил, что партия вернется на позиции правого

центра, станет «открытой и склонной к диалогу». В таких условиях социалистам, конечно, станет легче править. А роль консерваторов как альтернативной силы может возрасти.

В любом случае, если это позволит испанцам преодолеть партийные распри и, объединив усилия, вместе разрешать предстоящие трудности, это будет только на пользу Испании.

Для борьбы с кризисом необходимо достижение консенсуса как в отношении констатации и диагностирования причин кризиса, так и в отношении мер по его преодолению. Выход из экономического и политического кризиса возможен лишь на путях сотрудничества крупнейших партий. Для скорейшего преодоления кризиса необходим новый социальный пакт между предпринимателями и трудящимися, аналогичный пактам Монклоа (1977 г.), которые позволили Испании стать демократической страной и присоединиться к Европе. Новый пакт должен закрепить оба этих завоевания и придать новый импульс испанской экономике. Правительство провело ряд встреч с представителями крупнейших профсоюзов и союзов предпринимателей, сделав упор на том, что предпринимаемые им антикризисные меры ни в коем случае не ударят по наименее защищенным слоям.

Экономический кризис совпал по времени с дискуссией о финансировании автономных сообществ. Националистические партии Страны Басков продолжают настаивать на проведении референдума о самоопределении, а националисты Каталонии продолжают угрожать центральному правительству новыми проблемами. В этом плане экономический кризис совпал с политическим. По мнению НП, это расплата за уступки националистам, которые те восприняли как признак слабости, а сам кризис может привести к дальнейшей радикализации националистов. Реформа поддержки территориальных образований предполагает большее финансирование тех, кто и так больше всех имеет, что неприемлемо для других автономий. Если же считать выходом увеличение финансирования всех, то это увеличит бюджетный дефицит и повысит налоги, что неприемлемо в условиях кризиса. Победа ИСРП в 2008 году была во многом обеспечена мощной поддержкой партии в Стране Басков и Каталонии. Будущее ИСРП во многом зависит от того, сохранит ли она свои позиции в этих регионах.

Часть III. Влияние глобального кризиса на международные отношения

**Соловьев Э.Г., к.п.н. зав. сектором теории политики ИМЭМО РАН
Российско-американские отношения на фоне глобального финансового кризиса**

Сегодня, когда аналитики озабочены особенностями протекания глобального экономического кризиса и мы по несколько раз на дню слышим оптимистические утверждения о том, что падение достигло наконец дна и ситуация будет меняться к лучшему, аналогия с положением дел в российско-американских отношениях на-

прашивается сама собой. Описывая ситуацию и дискуссии по поводу перспектив российско-американских отношений трудно отделаться от уместности образного ряда старого анекдота – по мнению пессимистов, хуже уже быть просто не может, наши отношения лежат пластом «на политическом дне» и рано или поздно мы обречены на некоторое их улучшение. Однако по заверениям оптимистов для дальнейшего усугубления ситуации еще есть значительные резервы.

Рубежом, который зримо разделил российско-американские отношения на «до и после» стал кризис в Закавказье в августе 2008 г.

И в Вашингтоне, и в Москве события в Закавказье большинством политического класса и аналитического сообщества были восприняты в качестве удара по существующей системе международной безопасности. Однако на этом сходство в оценках, пожалуй, и заканчивается.

Для США закавказские события стали примером дестабилизации ситуации в одном из важных для них (с точки зрения обеспечения энергетической безопасности) регионов мира в результате непрогнозируемых внесистемных действий возрождающей свой военный потенциал и политическое влияние региональной державы (России). Отсюда однозначное осуждение американской элитой агрессивных действий России по изменению сложившегося баланса сил на Кавказе.

До кризиса в Закавказье позиция Москвы американским политическим классом вообще не принималась всерьез. «Оранжевый триумфализм» на Западе, следовавший за сменами режимов в Грузии и на Украине, воспринимал падение влияния России на постсоветском пространстве как необратимое. Более того, в сложившейся еще в 1990-х годах системе политических координат Россия неоднократно обозначала некие «красные линии», за которые она не позволит своим оппонентам заступать ни при каких обстоятельствах. Но она не имела ни ресурсов, ни политической воли для реального противодействия проведению в жизнь не устраивавших ее политическое руководство решений. Поэтому существование неких «красных линий», которые Москва время от времени прочерчивала на политической карте мира, вашингтонскими стратегами попросту игнорировалось.

Кроме того, в Вашингтоне не без основания полагали, что российское руководство последовательно проводит на постсоветском пространстве политику «поддержания status quo», тем самым минимальными средствами добиваясь сохранения собственной территориальной целостности, а также своего остаточного политического контроля в зоне СНГ и доминирования над энергетическими ресурсами на территории бывшего СССР. При этом политическая инициатива в регионе прочно принадлежит Вашингтону. В августе 2008 г. по этим упрощенным представлениям был нанесен удар. И они сменились другими, не менее одномерными и упрощенными взглядами. Аналитики хором заговорили о том, что Москва якобы выступает против складывающегося не в ее пользу status quo, стремясь вернуть утерянные после распада Советского Союза геополитические позиции. Россия стала рассматриваться в качестве ревизионистской державы №1 в мире. Различия в позициях авторов состояли в основном в оценке степени «ревизионизма» нового русского империализма.

По мнению ряда западных экспертов, в частности, известного американского аналитика и эксперта в сфере международных отношений М.Манделбаума, внешнеполитические команды Клинтона и Буша исходили из двух ложных предпосылок. Одна из них заключалась в том, что Россия по определению агрессивна, и окончание «холодной войны» ничего в этом смысле не меняет, а потому следует продвигать свой военный альянс до самых ее границ. «При всей ханжеской болтовне о роли НАТО в распространении демократии, единственная логическая основа для расширения блока – это тезис об извечной агрессивности России, особенно если учесть, что русским недвусмысленно дали понять: для них дверь в эту организацию

закрыта». Другая предпосылка состояла в том, что «Россия никогда уже не усилится настолько, чтобы представлять угрозу для любой из стран НАТО, так что нам не придется защищать их собственными войсками. Таким образом, наши гарантии безопасности не будут стоить нам ни гроша. Оба эти допущения оказались ошибочными».¹⁰⁶

Сторонники жесткой линии (причем и из лагеря республиканцев, от Дж.Маккейна до Р.Кейгана, Р.Краутхамера, и из стана демократов – З.Бжезинский, Р.Холбрук и др.) тем не менее и в августе 2008 г. выступили провозвестниками курса на «сдерживание» России. В их интерпретации Россию нужно рассматривать как потенциального противника, не внушающего доверия и не как «восходящую державу», а как страну, находящуюся в глубоком упадке. С точки зрения большинства видных американских аналитиков и представителей политического класса военный конфликт вокруг Южной Осетии продемонстрировал явный антизападный вектор российской политики. Соединенные Штаты, по их мнению, могут столкнуться с гораздо более серьезными вызовами, если не задумаются над тем, как «адекватно» ответить России, активно поддержав своих восточноевропейских союзников. Сделать это между тем не так просто. Один из известных американских аналитиков и специалистов по России С.Сестанович, характеризуя в 2008 г. российско-американские отношения, с подкупающей откровенностью процитировал героя фильма «Приключение в Палм-Бич»: «Одна из трагедий нашей жизни в том, что парни, особенно заслуживающие хорошей трепки, всегда такие здоровяки!».¹⁰⁷

Сторонники возобновления политики «сдерживания» однако не унывают. Они утверждают, что сегодняшняя Россия значительно слабее, чем Советский Союз в период холодной войны. Американцы рассматривают Россию, несмотря на ее нефтяные доходы, как страну, по-прежнему находящуюся в упадке и одолеваемую множеством проблем. У Российской Федерации нет реальных союзников на международной арене. Москва не опирается на универсальную идеологию, которая помогла бы ей найти сторонников в разных странах мира. Российская армия не способна поддерживать паритет с США и их союзниками, в том числе и потому, что усилилось экономическое и технологическое отставание России от государств НАТО. Отсюда сторонники новой холодной войны делают вывод о неизбежности новой «победы» Запада в случае жесткого противостояния с Россией.

В Москве развитие ситуации 7-8 августа вокруг Южной Осетии, когда грузинская сторона развила интенсивные боевые действия с применением всех имеющихся в ее распоряжении тяжелых вооружений и авиации, привело к очевидному «кризису доверия» в отношении американской элиты. Действия США напоминали их поведение накануне и в ходе Шестидневной войны 1967 г. на Ближнем Востоке. Тогда Вашингтон также публично призывал к сдержанности и сохранению мира, но фактически дал «зеленый свет» Израилю на эскалацию конфликта. У российского руководства сложилось неприятное впечатление о том, что его просто водят за нос и пытаются поставить перед свершившимся фактом. Это впечатление было вдвойне неприятным в связи с тем обстоятельством, что в Москве рассматривали подписанную в апреле 2008 г. Сочинскую декларацию о принципах взаимоотношений с США как некую фиксацию существующего положения вещей в двусторонних отношениях и документ, обеспечивающий преемственность партнерского курса и политическую паузу до смены власти в Белом доме. Отсюда ужесточение официальной риторики,

¹⁰⁶ Цит. по: Friedman T.L. What Did We Expect? //The New York Times, 2008, August 19.

http://www.nytimes.com/2008/08/20/opinion/20friedman.html?_r=1&scp=34&sq=Thomas%20Friedman&st=cse См. об этом также Mandelbaum M. Stop bating the bear // Newsweek, 2008 December 31

¹⁰⁷ Sestanovich S. What has Moscow Done? Rebuilding U.S.-Russian Relations // Foreign Affairs, 2008, November/December, <http://www.foreignaffairs.com/articles/64603/stephen-sestanovich/what-has-moscow-done>

еще более активные, нежели даже в период президентства В.Путина, инвективы в адрес американского экспансионизма и изжившей себя однополярности со стороны нового «либерального» президента России Д.Медведева.

Осенью 2008 г возникла своего рода патовая ситуация. Противоречия на постсоветском пространстве носят системный характер. США не в состоянии в краткосрочной перспективе заставить Россию изменить политическую линию. Как выяснилось, они не имеют для этого рычагов воздействия на российскую элиту и ситуацию в России, а с недавних пор еще и серьезно ограничены в ресурсном плане. Но и Российская Федерация не может навязать другим участникам международной жизни свои правила поведения. Усугубляет ситуацию проблема глубокого взаимного недоверия сторон.

Мировой финансовый кризис в его начальной фазе выступил своего рода «универсальным примирителем» и умерил амбиции российской и американской политических элит. Фактически именно глобальный кризис остудил горячие головы по обе стороны Атлантики и продемонстрировал неожиданно высокую меру взаимозависимости. Со слов В.Путина в Давосе, мы все находимся в одной лодке. И хотя, судя по интонациям российских официальных лиц, мы чувствуем себя в этой лодке как каторжник, прикованный к галере, с реальностью приходится считаться. Как приходится считаться новой американской администрации с реалиями, очевидно проявляющимися еще до окончания глобального экономического кризиса – сужением ресурсной базы, подрывом всеобщей и почти слепой веры в исключительность американской экономической и политической модели в мире (и соответственно эрозии американского влияния), и с наличием целого букета внутренних и внешнеполитических проблем, доставшихся в наследство от Дж.Буша-мл.

Перезагрузка или перегрузка?

Победа Б. Обамы на президентских выборах на фоне глобального мирового кризиса и неизбежных по его окончании крупных геополитических и геоэкономических подвижек дает неплохой шанс на трансформацию или, по крайней мере, вывод из тупика российско-американских отношений. Пока наиболее плотно новая администрация США занимается экономическим кризисом и беспрецедентным (на уровне 1,2 трлн. долл.) дефицитом бюджета. На данный момент довольно сложно говорить о наличии у новой администрации какой-то большой политической стратегии. Формирование команды нового президента еще не завершено. Ну и главное – в центре его внимания наследие предыдущей администрации. Обама занимается скорее экстренным реагированием, «тушением пожаров» в Ираке и Афганистане и ищет ответ на угрозу распространения ядерного оружия. С приходом новой администрации и на фоне кризиса прогнозируемо изменились интонации и сама тональность выступлений американского политического истеблишмента. Администрация демонстрирует приверженность диалогу, взаимодействию с партнерами и союзниками по всему миру. Уходит в прошлое явно неумеренный идеологический запал при формулировании целей внешней политики. В частности, перемены заметны в стилистике отношений с Китаем. Госсекретарь Х.Клинтон предостерегает против использования болезненной темы прав человека для создания помех решению важных политических и экономических вопросов (хотя эта точка зрения тут же подверглась довольно жесткой критике в США за отступление от «традиционных принципов» американской внешней политики, базирующейся как раз на идеях «распространения демократии» по всему миру). Все это довольно недвусмысленно свидетельствует о том, что США, безусловно, стремятся остаться мировым лидером, но хотят наладить более тесное взаимодействие с партнерами. Крайним проявлением силового унилатерализма об-

разца начала XXI в. («не коалиция определяет миссию, а миссия – коалицию», «следуйте за нами или убирайтесь с дороги» и т.д.) похоже действительно приходит конец. Причем изменения военно-политической стратегии выстраданы негативным опытом последних 5 лет войны в Ираке и Афганистане. Как отмечал в этой связи министр обороны США Р.Гейтс: «Нам следует с недоверием относиться к идеалистическим, триумфалистским либо этноцентричным представлениям о будущем военном противостоянии, которые не учитывают уродливую действительность и противоестественность войны. Некоторые идеалисты воображают, что можно запугать и шокировать неприятеля, тем самым, вынудив его к сдаче и избежав утомительного преследования войск противника от дома к дому, от квартала к кварталу, от одной высоты к другой». Как сказал генерал Уильям Шерман, «любая попытка сделать войну легкой и безопасной закончится унижением и катастрофой».¹⁰⁸ Таким образом, периоду, когда США были настроены вести высокотехнологические дистанционные войны, опираясь на свою колоссальную, избыточную военную мощь и явное техническое превосходство похоже приходит конец. Параллельно убывает если и не решимость применять силу (проявлений нового «вьетнамского» синдрома у американских политиков не заметно), то, по крайней мере, неизменная тяга представителей американского политического истеблишмента к неограниченному и одностороннему использованию силы. Америка вынужденно вступает в эпоху «smart power», умного сочетания «мягкой» и «жесткой» силы, опоры на изощренную дипломатию (априори учитывающую позиции союзников и партнеров США на международной арене) и восстановление американского идейного (а не идеологизированного, как в начале XXI в.) влияния в мире.

С появлением Б.Обамы в Белом доме связаны, пожалуй, беспрецедентные ожидания позитивных перемен. Причем не только в Америке, но и во всем мире. Однако ожидания эти очевидно слишком высоки и столь многогранны, что Б. Обаму впору сравнивать по популярности и востребованности с Санта Клаусом. Возник даже новый эпистолярный жанр – открытое письмо Б.Обаме (пишут и политики, и аналитики – от министра иностранных дел ФРГ Ф.-В.Штайнмайера до Д.Тренина). Психологически и даже политически этот общий тренд легко объясним. Смена администрации лидирующей мировой державы – всегда определенный шанс для улучшения двусторонних отношений и трансформации мировой политики. Тем более, что пришедшие к власти в Вашингтоне демократы не связаны старыми обязательствами с крайне непопулярной администрацией Дж. Буша, они сами критиковали республиканцев по целому ряду вопросов внутренней и внешней политики и победили под лозунгом обновления, стремления к «переменам». При этом, однако, необходимо сохранять трезвую голову и помнить о том, что американская политическая машина инерционна. И Обаме, безусловно, придется оглядываться на республиканцев в Конгрессе и на влиятельные группировки в Вашингтоне. В данном контексте завышенные ожидания едва ли оправданы. Чтобы соответствовать им Обаме нужно будет буквально революционизировать различные стороны жизни американского общества и кардинально изменить внешнюю политику США. Пока трудно ожидать этого от такого прагматичного, эластичного и вынужденно озабоченного главным образом поддержанием политических альянсов и сложными внутренними проблемами политика, как Б.Обама.

Дело в том, что американский президент при всем колоссальном объеме полномочий, не является выборным абсолютным монархом. Его прерогативы, в т.ч. в сфере международных отношений серьезно ограничены Конгрессом с имеющимися там группами интересов и отсутствием (в отличие от парламентской британской мо-

¹⁰⁸ Gates R.M. A Balanced Strategy. Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs, 2009, January/February, <http://www.foreignaffairs.com/articles/63717/robert-m-gates/a-balanced-strategy>

дели) партийной дисциплины, а отсюда – сложными закулисными маневрами и сделками. Как отмечает ряд аналитиков, для успешного проведения внешнеполитического курса первоочередная задача Обамы и его команды – выработать стратегию отношений с Конгрессом США, а вовсе не с Ираном или Северной Кореей. В противном случае самые многообещающие внешнеполитические инициативы (впрочем, как и внутренние реформаторские намерения) имеют шанс просто увязнуть в Конгрессе. Впрочем, в потоке оценок первых шагов новой администрации, аналитики отмечают, что самого драматического развития Б. Обаме уже удалось избежать. Многие утверждали, что президент слишком молод и не имеет представления о скрытых пружинах Вашингтонской политической кухни. Предрекалось, что молодой и неопытный президент, который зарекомендовал себя блестящим публичным политиком, не справится с бюрократической средой и административной рутинной. Этого не произошло. И хотя Б.Обама наглядно демонстрирует склонность к цветистой риторике (это является частью его политического имиджа и фирменным знаком политического стиля), он успел зарекомендовать себя весьма прагматичным и, при всей своей харизматичности, весьма рациональным политическим лидером.

Вопреки распространяющемуся в Москве мнению, Россия отнюдь не находится в фокусе внимания новой американской администрации, внешняя политика которой вообще пока не сфокусирована в страновом отношении. Очевидный акцент делается разве что на восстановлении подорванных было в президентство Дж.Бушамл. трансатлантических отношений со странами ЕС и партнерами по НАТО и на доставшихся по наследству от предыдущей администрации проблемах Большого Ближнего Востока. Некоторая активизация представителей американского политического истеблишмента и аналитического сообщества на российском направлении связана с колоссальным объемом негатива, накопившегося в отношениях двух стран за последние годы.

У перестройки отношений с РФ есть немало противников. Они выдают в американской прессе целый поток комментариев, предсказывающих системный коллапс, который должен вскоре постигнуть Россию из-за падения цен на нефть и финансового краха. Многих в США вдохновляет подобная перспектива. Они полагают, что процесс усиления России прекратился, и страна постепенно сваливается в пике, возвращаясь к состоянию благословенных с точки зрения американцев 90-х годов прошлого века. А раз так – нет смысла в поисках компромиссов и в уступках Москве. Надо только переждать год-другой, пока не иссякнут российские валютные резервы, и уже потом заключать сделки (как вариант – вообще отказаться от таковых – поскольку от Москвы уже ничего к этому времени не будет зависеть) по большим политическим вопросам на более выгодных для американской стороны условиях.

На сегодняшний день вселяет определенный оптимизм прагматизм формирующейся новой команды Б.Обамы (возможно и вынужденный обстоятельствами места и времени – поскольку либеральных интервенционистов в администрации, начиная с госсекретаря Х.Клинтон, хватает). В прагматическом же плане Россия необходима США для решения ряда проблем, которые американская администрация на данный момент считает для себя, в силу обстоятельств, приоритетными. Это сокращение ядерных арсеналов и их нераспространение (включая иранскую ядерную программу), а также ситуация в Афганистане (в перспективе, возможно, и в Пакистане). Вопреки распространенной точке зрения, американцы демонстрируют уверенность, что им самим по силам добиться успехов на всех направлениях, но полагают (тут сказывается влияние наконец прорвавшихся в экспертный пул сторонников школы политического реализма), что поддержка (или хотя бы отсутствие помех) со стороны России им для страховки не повредят.

В данном политическом контексте начали проявлять активность неправительственные организации. Еще в феврале влиятельная американская неправительственная организация «Партнерство за безопасную Америку» (Partnership for a Secure America), членами которой являются представители Республиканской и Демократической партий, ведущие дипломаты, представители структур национальной безопасности, обнародовала список конкретных шагов, которые необходимо предпринять для возобновления отношений между США и Россией. В их числе активизация работы Совета Россия-НАТО, приглашение России к полноценному участию в разработке стратегии коллективной безопасности, что характерно, «начиная с мира и стабильности в Афганистане»; предложение России занять лидирующую позицию в многосторонних переговорах с Ираном с целью остановить обогащение урана; активизация работы по Договору о стратегических наступательных вооружениях.¹⁰⁹

В марте в Вашингтоне был опубликован 19-страничный доклад «Правильное направление политики США в отношении России», который подготовили члены негосударственной комиссии по политике США в отношении России бывшие сенаторы Ч.Хейгел и Г.Харт по заданию Б.Обамы. Доклад Харта-Хейгела нельзя назвать лестным или комплиментарным по отношению к России, как его уже поспешили охарактеризовать отдельные российские комментаторы. Но его авторы действительно разработали чрезвычайно прагматичный подход к отношениям с РФ. Акцент сделан на тех же вопросах – более активного подключения России к решению афганской и иранской проблем, сокращении ядерных арсеналов (в том числе с тем, чтобы отвести упреки в несоблюдении 6-й статьи Договора о нераспространении самими Соединенными Штатами и Россией со стороны стран, стремящихся к обладанию ядерным оружием).¹¹⁰

За разговорами о назревших переменах в российско-американских отношениях четко просматривается и неизменная политическая линия на поддержание геополитического плюрализма на постсоветском пространстве, что означает поиск новых форм сотрудничества с такими странами, как Грузия и Украина. В докладе ясно говорится: «США должны противостоять любым попыткам России установить сферы влияния в Европе или где-либо в Евразии, включая попытки отказать другим странам в их праве вступления в НАТО или другие организации». Равно как и твердая политическая поддержка усилий европейцев по диверсификации поставок энергоносителей.

В марте была опубликована и «Ежегодная оценка угроз разведывательным сообществом», где Россия напрямую не рассматривается в качестве противника США. В документе изложены лишь аспекты внешней политики России, которые тревожат Вашингтон. Среди них – развитие отношений Москвы с Китаем, Ираном и Венесуэлой, а также попытки России осуществлять контроль над энергопоставками в Европу и Восточную Азию.

На данный момент, очевидно, что вашингтонская администрация находится в отношении России на политическом распутье. У Вашингтона наготове две возможных стратегии в отношении России: сдерживание (containment) или вовлечение (engagement). Похоже, администрация Б.Обамы еще не определилась окончательно с генеральной линией в отношении России и пока пытается дозировать их обе. На фоне событий лета-осени прошлого года и свертывания контактов, простая демонстрация готовности к взаимодействию и сотрудничеству уже выглядит хорошим знаком. Она действительно открывает определенные перспективы восста-

¹⁰⁹ US and Russia: The Window of Opportunity. Partnership for a Secure America statement. // <http://www.psaonline.org/article.php?id=476>

¹¹⁰ The Right direction for US Policy Toward Russia (Report of bipartisan Commission on U.S. Policy toward Russia) // <http://www.nixoncenter.org/RussiaReport09.pdf>

новления взаимного доверия и сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес (в их числе, прежде всего, ядерное разоружение, сокращение ядерных вооружений в увязке с проблематикой ПРО, борьба с терроризмом и т.д.). Едва ли разумно было бы игнорировать поступающие сигналы и не воспользоваться представившимся шансом для нормализации межгосударственных отношений.

**Загладин Н.В., зав. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, д.и.н., проф.
Глобальный кризис и формирование новой структуры миропорядка**

Как уже отмечалось на нашей конференции, оценки глобального кризиса крайне неоднозначны. Идут споры о том, имеем ли мы дело с очередным циклическим кризисом, принявшим общемировые масштабы, который относительно скоро завершится, или же речь должна идти о качественно новом явлении, свидетельствующем о симптомах коллапса всей системы международных экономических отношений, которые не удастся преодолеть без качественной ее перестройки.

Поисками ответа на вопрос о том, каковы реальные перспективы мирового развития занимаются многие команды ученых. Большой опыт прогнозирования накопило разведывательное сообщество США, анализом глобальных тенденций оно занимается с 1996 г. В ноябре 2008 г. был опубликован очередной прогноз «Global Trends 2025». Как отмечали авторы прогноза, он, как и ранее проведенные исследования, строился на допущении, что процессы глобализации будут продолжаться и углубляться. Однако в отличие от прошлого прогноза Global Trends 2020, он более скромно характеризует роль США в посткризисном мире будущего, а также допускает, что роль альтернативных источников энергии будет большей, чем предполагалось ранее.

На первый взгляд, выкладки авторов прогноза выглядят вполне убедительно. Они считают, что США и к 2025 сохранят свой статус державы № 1, но их относительные возможности выступать в роли мирового лидера сократятся, система международных отношений приобретет ярко выраженные черты многополярности. Державой № 2 будет Китай, если ему удастся сохранить высокие темпы роста экономики (может быть не 10-12 %, а хотя бы 6-8 %). Предполагается, что он обгонит США по валовым, но не душевым показателям производства ВВП к 2040-2045 гг. и будет претендовать на роль одного из мировых лидеров. К этому времени, то есть к середине XXI века, удельный вес стран группы БРИК в мировой экономике станет большим, чем у «семерки» самых развитых стран современного мира. Уже через 10-15 лет Китай и Индия догонят США по человеческому капиталу, участвующему в НИОКР и готовности применять достижения НТП на практике.

Хотя в докладе используется аббревиатура «БРИК», его авторы не очень высокого мнения о перспективах Бразилии, которая не располагает такими людскими ресурсами, как Индия и Китай. По поводу России прогноз достаточно неоднозначен. Допускается, что если России удастся реализовать амбициозные проекты, известные как «план Путина», то она сможет, по показателям экономического развития, выйти на параметры Франции по влиянию в мировой экономике, хотя эксперты ЦРУ считают это маловероятным. Скорее всего, Россия, по их мнению, столкнется с острейшими демографическими проблемами и не сможет преодолеть односторонней, сырьевой ориентации своей экономики.

На нашей конференции уже затрагивался вопрос о сложностях в российско-американских отношениях. Да, бесспорно, интересы США, как и других стран Запада, на первый взгляд, требуют улучшения отношений с Россией. Существует потребность в получении помощи России для продолжения военной кампании в Афга-

нистане, для решения проблем, связанных с ядерной программой Ирана, для обеспечения стабильности энергопоставок в страны ЕС, предотвращения распространения оружия массового поражения и т.д. Однако дипломатия США исходит не только из текущей ситуации, но и из долгосрочных соображений, а они, по мнению многих аналитиков, не позволяют воспринимать Россию как серьезного партнера.

Так, 3 апреля 2009 г. в резиденции посла США в Москве Спасо-хаус состоялась встреча российских политологов с Параг Ханна, консультантом по геополитическим вопросам командования сил США в Ираке и Афганистане, как утверждает американская пресса – одним из самых ярких восходящих звезд в экспертном сообществе США. По его мнению, Россия, в долгосрочной перспективе, вообще не имеет исторического будущего. Депопуляция страны, особенно ее русского населения, расхождения в региональных интересах, внешнее давление, скорее всего, приведут, по его мнению, к середине XXI века к тому, что наша страна исчезнет с политической карты мира. Чукотка, Дальний Восток и Сибирь попадут под влияние США, Китая и Японии, Северный Кавказ отделится, остатки страны, похожие на удельные княжества, будут поглощены ЕС и НАТО. Естественно, при восприятии подобной перспективы как реальной, правящая элита США, несмотря ни на какие рассуждения о возможной «перезагрузке» отношений с Россией, будет рассматривать их улучшение как чисто конъюнктурную задачу, решение которой не связано с долгосрочными стратегическими интересами Америки.

В итоге обострения проблем во многих странах мира, как утверждается в прогнозе спецслужб США, миропорядок будущего будет менее стабильным, чем сейчас. Это обусловлено сокращением возможностей Соединенных Штатов контролировать процессы развития во взрывоопасных районах мира, ростом числа активных акторов, действующих на международной арене (не только государств, но и негосударственных субъектов, под которыми понимаются как корпорации, так и НПО), имеющих разнонаправленные интересы. Они, возможно, будут стремиться к их реализации, как на международной арене, так и в рамках отдельных государств, всеми средствами, включая насильственные. Подобная ситуация может вызвать серьезные проблемы для таких структур, как ООН, НАТО, Евросоюз и других, усилить региональную специфику. В первую очередь может пострадать ООН, с которой будут все меньше и меньше считаться. Если, вслед за США, на путь игнорирования ее позиции встанет Китай, роль ООН вообще станет ничтожной, как это случилось с Лигой наций в 1930-е гг.

Евросоюз, об этом уже говорили сегодня, уже сталкивается с большими сложностями. К традиционным для него разногласиям между Великобританией и континентальными странами, добавились коллизии в отношениях «старых» и «новых» восточноевропейских членов ЕС. В итоге, провалилось принятие Конституции Евросоюза, Его члены, в последние годы, не смогли выработать единую позицию ни по одному спорному вопросу, включая методы борьбы с глобальным кризисом. Аналогичные столкновения интересов наметились и в рамках НАТО.

Общим итогом развивающихся процессов, считают эксперты разведсообщества США, станет дефицит управляемости в мировом развитии, что негативно скажется на возможности решения глобальных проблем современности, предотвращения локальных военных конфликтов, распространения ядерного оружия, оказании помощи в развитии. Соответственно, может возрасти число «несостоятельных» стран (особенно в Африке к Югу от Сахары),

Авторы прогноза, как и следовало ожидать, выражают свою веру в конечное торжество идеалов либеральной демократии, но не исключают, что вектор расширения ареала ее распространения на время, обозначенное в прогнозе, т.е. до 2025 г., может обратиться вспять. Это станет итогом притягательности примера экономиче-

ской модернизации Китая недемократическими средствами, и ряда других стран, успешно следующих его примеру.

Влияние глобального кризиса в прогнозе не игнорируется, но оно сводится к констатации того, что он может на время замедлить развитие процессов глобализации, вызвав не только откат от либеральной демократии, предполагающую открытость экономических границ, но и усиление протекционизма, падение уровня международной торговли. Скорее всего, произойдет возрастание роли национальных государств.

К анализу разведывательного сообщества США стоит, конечно, прислушаться и учесть его выводы, особенно в той их части, где говорится о росте хаоса на международной арене, грядущем ослаблении международных организаций, трудностях в решении глобальных проблем. Видимо, верно, что американско-центристский мир, возникший после распада СССР, уходит в прошлое. Другой вопрос, что просуществовал он очень недолго, сменяясь хаотичной мультиполярностью. И не исключено, что по аналогии с ностальгией по падшему СССР, многие будут испытывать тоску по американскому мировому лидерству, которое вносило определенные организующие начала в международные отношения, хотя принципы, на которых они строились, не устраивали многих акторов мировой политики. Однако действия США все же всегда были предсказуемы, в то время как носители новых вызовов, внесистемные силы такие, например, как сомалийские пираты, имеют интересы и стремления, не укладывающиеся в рамки привычной военной, политической и дипломатической практики.

В то же время, на многие реальности современного мира можно взглянуть иначе, чем предлагается в докладе американских спецслужб. Прежде всего, это оценка влияния современного кризиса на перспективы мирового развития. Аналитики США воспринимают его как нормальный, естественный для рыночной экономики циклический кризис, возможно, модифицированный глобализацией. Но даже этот подход не доведен до логического завершения. А логика предполагает, что если в условиях обычного, ограниченного рамками отдельных стран экономического кризиса, изученного классиками марксизма, в первую очередь страдают слабейшие фирмы и предприятия, то глобальный кризис ведет к банкротству и распаду – социальному, или этнополитическому - наименее развитых стран. Далее, если усилятся протекционистские тенденции в политике ведущих стран мира, то объемы международной торговли, которые росли в последние полтора десятилетия намного быстрее, чем объем производства, будут снижаться опережающими темпами по отношению к падению производимого ВВП. Это, как свидетельствуют многие международные слияния ведущих корпораций, не обращает вспять тенденций глобализации мировой экономики. Но она приобретает новые качества, связанные не с объемом зарубежных продаж, а с перераспределением собственности в глобальных масштабах. Наглядный пример - банкротство американской компании «Крайслер» и намерение итальянского «Фиата» приобрести контрольный пакет ее акций.

Возможно, ведущим странам мира, прежде всего США, в течение года – полутора удастся насытить экономику финансовыми ресурсами и приостановить спад. Но если кризис носит не обычный, циклический, а мирсистемный, по терминологии Валлерстайна, характер, стабилизация окажется временной, и не будет предвещать нового экономического подъема.

Термин – «мирсистемный кризис» означает, что основные принципы функционирования не только системы международных экономических отношений, но и построения всей цивилизации более не могут обеспечивать ее нормального развития и требуют коренного пересмотра.

О каких принципах идет речь?

Во-первых, общество избыточного потребления, сложившееся в США и других странах Запада, живущее в кредит за счет проедания ресурсов будущих поколений, скоро прекратит свое существование. Это не будет итогом каких-то запретов или ограничений, скорее продуктом жизненного опыта, инстинкта выживания людей, оказавшихся в кризисной ситуации. Это не значит, что люди вообще перестанут потреблять, но потребление станет более рациональным. Так, до кризиса многие американцы покупали все новые и новые товары длительного пользования из соображений престижа, или потому, что на рынках появлялась продукция с незначительно улучшенными потребительскими свойствами. Вполне правомерно предположить, что уроки кризиса побудят их, как и жителей всех развитых стран в целом, вести себя осторожнее, воздерживаться от излишних закупок, особенно – в кредит.

Соответственно, восстановления структуры мировой экономики, ориентированной на расширенное воспроизводство минимально совершенствуемых по качеству товаров не произойдет. В итоге, основы роста экономики стран, специализирующихся на массовом выпуске товаров длительного пользования (автомобилей, бытовой техники и т.д.), реализуемых на рынках развитых стран окажутся подорваны. Это может затронуть Китай, новые индустриальные страны, а также автопромышленность высокоразвитых государств. Соответственно, темпы роста китайской экономики, скорее всего, приблизятся к среднемировым показателям.

Во-вторых, глобальная финансовая система, основанная на использовании доллара как базовой мировой резервной валюты доказала свою несостоятельность. Пока трудно сказать, когда и какими методами будет проходить ее трансформация, но в принципе, это лишь вопрос времени. Скорее всего, к рубежу 2025 г. она уже состоится, соответственно, шансы США на сохранение привилегированного статуса в международных экономических отношениях исчезнут.

В-третьих, «дефицит управляемости» миропорядком – связанный с отсутствием барьеров на пути отмыывания криминально полученных денег, препон на пути спекулятивных финансовых операций, строительства международных «пирамид», неэффективной борьбой с международным терроризмом и пиратством и т.д., несомненно, дает знать о себе уже сейчас. Следует, ли, однако, полагать, что тенденция к росту «мирового беспорядка» будет доминантной и к 2025 г.?

Бесспорно, что пока ведущие мировые державы пока не проявляют готовности к каким-либо решительным действиям по созданию более эффективных структур управления жизнью международного сообщества. У их лидеров, политической и экономической элиты, сохраняются надежды, что используя рычаги национальной политики, удастся «перезапустить» глобализированную мировую экономику. Не утверждая категорично, что это нереально, все же есть основания предположить, что для регулирования глобальных процессов требуются наделенные довольно широкими полномочиями институты глобального уровня. Не обязательно создавать некое «мировое правительство», что выходит за грани возможного. Приемлемыми выглядят следующие альтернативы, которые придется рассматривать всерьез в ситуации, когда правительства США, Китая и других центров силы признают невозможным преодолеть хаос средствами национальной политики.

Прежде всего, в случае роста панических настроений в среде национальных элит (а это неизбежно при углублении кризиса), они проявят более высокую степень готовности к координации антикризисных мер, попытаются создать институты глобального уровня (по модели Евросоюза), которые будут осуществлять функции регуляции глобальных процессов. Вполне вероятно, что они будут возложены на уже существующие институты, прежде всего ООН, на отдельных направлениях ее текущей деятельности, или создания новых специализированных структур этой органи-

зации. Подобный прецедент уже есть: потерпев неудачу в Ираке, США обратились к ООН за поддержкой своей «миссии» в этой стране.

Не исключено, что стремящиеся противодействовать росту хаоса негосударственные международные сетевые структуры, бизнес - сообщества, союзы экспертов, влияние которых, как справедливо отмечается в прогнозе американских спецслужб, будет возрастать, также окажут содействие переменам в политике многих правительств.

Политика России уже направлена на вектор трансформации мирсистемы, и с этой точки зрения, она пока выглядит идеалистической, но с позиции синергетики, рождения нового миропорядка из нарастающего хаоса, является весьма прагматичной.

Вероятно, к параметрам «мирсистемного» кризиса и факторам его преодоления можно добавить и иные соображения. Главное, что если все сказанное реализуется – принципы построения миропорядка, роль в них отдельных стран, окажутся совершенно иными, чем в прогнозе разведывательного сообщества США. Какими конкретно – иной вопрос. Ответ на него потребует дополнительных исследований.

Часть IV. Глобальный кризис и Россия

В.Л. Шейнис, д. экон. наук.

Кризис и проблемы модернизации российского государства и общества

Кризис и Россия, кризис в России, Россия в кризисе — тема эта находится в центре общественного внимания, обсуждается в бесчисленных публикациях разного качества и с разных политических и научных позиций. Здесь она будет рассмотрена в трех основных преломлениях:

- что выявил экономический кризис в России;
- какие пути выхода из него может предложить наше экспертное сообщество;
- как выглядят — в свете кризиса — перспективы модернизации страны.

Экономический кризис носит глобальный характер. В той или иной мере он задел все страны. Но Россия от кризиса страдает сильнее, чем большинство из них. Темпы падения ВВП и промышленности выделяют ее и среди стран с устоявшейся рыночной экономикой, и среди государств БРИК, и даже среди ряда стран с преимущественно сырьевой ориентацией. Кризис обнажил то, что экономическая система, утвердившаяся в нашей стране, мало эффективна, ибо работа базовых институтов подменена произвольными действиями государства. Наша власть не заметила приближения кризиса. Более чем адекватным приспособлением к быстро менявшимся внешним условиям, она была озабочена преимущественно тем, чтобы представить обществу события в успокоительном свете, соответствовать репутации «эффективного менеджера», который вывел страну из потрясений предшествовавшего периода, и снять с себя ответственность за резкое ухудшение ситуации.

В официальных объяснениях, почему наступил кризис, неизменно подчеркивается, что он пришел извне. Это верно, падение производства в России в значительной мере спровоцировано внешними факторами. В начале всемирной причинно-следственной цепочки — перекосы в американской экономике, перенасыщенность мирового финансового рынка рисковыми активами, годами нараставший отрыв виртуальной экономики от реального производства (что в немалой степени обеспечи-

вало в одних странах заметные, а в других — высокие темпы роста) и т. д. Все это так. Но в массовое сознание внедряется представление, что виновник беды — на стороне. Эта версия вписывается в столь излюбленный государственнической идеологией образ внешнего супостата, ложится в почву, добротню унавоженную пропагандистскими мистификациями дремучих фобий. Такие объяснения лишь уводят от сути дела. А она в том, что безвозвратно прошли времена, когда Сталин мог похвалиться: среди бушующих волн мирового кризиса СССР с его плановой экономикой стоит как утес. Россия теперь, как и большинство стран с переходной экономикой, *необратимо* включена в мировые хозяйственные связи. Она по многим причинам не может вернуться к автаркии и, подобно Северной Корее, морить голодом собственный народ и запускать никчемные ракеты. Все дело в том, *как* включена страна в мировую экономику.

К мифологии относится и расхожее противопоставление «лихих 90-х» - наступившей в 2000-ых стабилизации, заслуги которой приписываются новым лицам у власти. После кризиса 1998 г. доходы большинства населения действительно увеличивались. Наступило относительное социальное успокоение. Но если и можно говорить о чьих-то, в том персональных заслугах, то поклониться, видимо, следовало бы Ермаку Тимофеевичу и его ватаге, оставившим нам в наследство, не ведая того, богатейшие нефте- и газоносные земли. Если же говорить серьезно, то и неустойчивое «процветание» докризисных лет, и наступившие вслед за тем (и еще более — грозящие впереди) потрясения как раз и обязаны изменчивой и малопредсказуемой конъюнктуре мирового рынка, на котором Россия — слабое, зависимое звено.

В основе подъема — феноменальные доходы от экспорта энергоносителей и доступность внешних заимствований российским банкам и крупным компаниям. Те же обстоятельства позволили нарастить «подушки безопасности» в виде страховых фондов, которые спасают пока (как долго это продлится — никто не знает) от более жестокого обвала. Перелому внешней конъюнктуры Россия в немалой степени обязана изменениям тренда. Но не только и не прежде всего ему — это становится очевидным при сопоставлении того, как мировой кризис отразился на нашей стране и на других государствах, не менее России включенных в мировые хозяйственные связи: на той же Саудовской Аравии или Китае и Индии.

Главные причины уязвимости нашего роста и российской экономики вообще — не вовне, а внутри. *Не работают* (или работают скверно) *базовые институты*. Частная собственность не священна и не неприкосновенна, а потому владение всеми активами — от крупнейшей компании до микроскопического садового участка — не гарантировано и ненадежно. Доминируют монополии. Нет независимого суда. Вся система пронизана коррупцией.

У нас сложилась по преимуществу государственно-монополистическая (или государственно-олигархическая) система. Соответствует ли она ленинской модели ГМК - начала XX века или той, к которой он эволюционировал, как было показано в ряде прорывных работ ИМЭМО, вышедших в 1960-70-х гг.? Лишь отчасти, хотя бы потому, что она не вполне рыночная и не вполне капиталистическая. В корпорации государственных чиновников высшего ранга и олигархов доминирует чиновник. Государство не только предписывает правила экономической игры, отводит и перекраивает сферы хозяйственной деятельности для «приближенных» олигархов, но и назначает своих представителей руководителями крупнейших корпораций. *Воссоединение власти и собственности* в одних юридических и физических лицах — *характерная черта докапиталистических обществ*, равно как и советского «социализма».

Неспособная поддерживать и развивать механизмы экономической конкуренции и целеустремленно подавляющая конкуренцию политическую внутри страны,

эта система все более обнаруживает свою неконкурентоспособность на мировой арене. Ее управители не смогли воспользоваться притекавшей в «тучные годы» с мирового рынка рентой ни для изменения секторальных балансов в хозяйстве, ни для настоятельно необходимых для вхождения в постиндустриальный мир кардинальных экономических и социальных реформ. Поэтому и кризис грозит здесь тяжкими последствиями. Пока что его смягчают накопленные рентные ресурсы, «подушки безопасности». Вопрос, однако, в том и заключается, что произойдет раньше: мировая экономика начнет восстанавливаться и вновь предъявит повышенный спрос на продукцию традиционного российского экспорта или будут исчерпаны эти ресурсы?

Общим местом в официальной идеологии стало противопоставление «стабильных» 2000-ых годов - «лихим» 90-ым. Экономический рост в предкризисные годы действительно дал известные улучшения в сфере потребления, занятости, общественных настроений и ожиданий. Но как раз в 90-е годы, после крушения коммунистического режима, были заложены некоторые важные предпосылки позитивного экономического, социального и политического развития. Ошибок, сбоев, провалов в этот период было немало. Они во многом предопределили последующие события. Но в то же время закладывались основы рыночной экономики, рубль стал работающей валютой, развивалась открытая, плюралистическая информационная среда, были приняты современная (при всех ее недостатках) Конституция и прогрессивный Гражданский кодекс, происходило становление независимых институтов гражданского общества. После же 2000 г. *изменился вектор общественного развития*. С нарастающим ускорением и ожесточением развернулось строительство т. н. «управляемой демократии». Основное содержание этого периода Г.Явлинский справедливо определил как процесс *демодернизации*. С точки зрения построения современной экономики годы правления В.Путина, констатирует документ партии «Яблоко», это время безвозвратно потерянных возможностей.

Не приходится удивляться тому, что надежда на послекризисное оздоровление связывается преимущественно с тем, что рост производства в США, ЕС, Китае вернет прежний спрос на энергоресурсы России и позволит поднять на них цены. Расчет, следовательно, строится на сохранении докризисной, т. е. заведомо дефектной структуры народного хозяйства. Ощутимо, особенно в условиях кризиса, заявляют о себе процессы экономической и социальной деградации. Основные производственные фонды физически и морально устаревают. Инфраструктура неполноценна, а имеющиеся мощности приходят в негодность. Квалифицированные кадры утекают на Запад. Система образования не отвечает современным запросам и разрушается. Учреждения здравоохранения, услугами которого пользуется подавляющее большинство населения, находится в ужасающем состоянии.

Если принять все это - и многое другое — во внимание, то невольно напрашивается вопрос: верит ли сама государственная элита в особую значимость России в мировой экономике на перспективу? В создание параллельного мирового финансового центра с опорой на рубль как резервную валюту? В удвоение валового продукта за 10 лет и осуществление замысла четырех «И» (инвестиции, инфраструктура, информация, инновации), если главное — государственно-монополистическая корпорация, обогащающаяся в потоках фиктивного капитала, переплетение власти и собственности, властная вертикаль — будут оставаться такими же, как до кризиса? Что это — самообман или сознательная мистификация для народа? Впрочем, сейчас властная элита озабочена другим: опустилась ли экономика на дно и как будет выглядеть дальнейшая траектория: восстановление роста или дальнейшая стагнация. И действительно: когда и каким образом мы станем из кризиса выходить?

Полуторавековой, по меньшей мере, российский вопрос: что делать? - вновь стоит не только перед правящей бюрократией, но и перед обществом. Роль антикризисного менеджера во всем мире берет на себя государство. Насколько успешно оно выполняет эту роль в России? На этот счет высказываются диаметрально противоположные оценки.

Проблемы, которые кризис ставит перед государством, действительно сложны, а пути их решения не очевидны. Среди наиболее актуальных — использование находящихся в распоряжении государства, накопленных в «тучные» годы резервов. Как известно, осенью 2008 г. государство осуществило массивное вливание средств в банковскую систему. В оценке этого экспертное сообщество разделилось. Поддержка системообразующих экономических агентов, настаивали одни, осуществлялась не только в России. Наделив государственными ресурсами крупнейшие банки, правительство сохранило кровеносную систему хозяйства, предотвратило образование тромбов, панику, очереди за возвратом вкладов и обменом рублей на валюту, подобные тем, какие выстроились в 1998 г. Государство, возражали другие, занялось спасением социально наиболее близкого ему бизнеса за счет налогоплательщиков и страхового фонда будущих поколений. Банкиры же использовали доставшиеся им средства не для кредитования реального сектора, а для спекуляций, переводили деньги на зарубежные счета и приобретали валюту. Ставка, под которую банки предоставляют займы, оказалась запредельно высокой — в отличие от западных стран, где она снижалась.

В целом меры государства по преодолению кризиса едва ли можно признать оптимальными. И дело не только в том, что развертывание антикризисных мер запоздало. Одни ошибки сменялись другими, не говоря уж о том, как выстраивались приоритеты в расходовании больших, но вовсе не безразмерных ресурсов. Показательны в этом отношении ассигнования в рамках антикризисной программы правительства, утвержденной в апреле 2009 г. 2920 млрд. рублей намечены к распределению следующим образом: поддержка финансовой системы — 46,4%, сохранение промышленного потенциала — 26,6%, усиление мер социальной защиты — 15,9%, поддержка регионов — 10,3%.¹¹¹ Цифры эти говорят сами за себя.

Широко признано, что в условиях кризиса в первую очередь надо поддерживать потребителя, а не производителя и посредника, т. е. обеспечивать платежеспособный спрос, а не покрывать издержки нерентабельного производства. Против этого выдвигается, насколько мне известно, лишь один довод: рассредоточенные дотации будут легко разворованы. Отдавая должное критическому взгляду на нашу систему социального вспомоществования, необходимо все же задаться вопросом: сколь долго коррупция будет рассматриваться как неизбежное зло?

По оценке хорошо информированного эксперта И. Юргенса, в настоящее время в верхах, где определяется курс экономической политики, сформировались и конкурируют друг с другом два влиятельных клана. С одной стороны — дирижисты, «госкапиталисты». Сфера их забот — госкорпорации, ТЭК, транспорт (от железных дорог до трубопроводов). На них — тяжелейшие проблемы разваливающегося наследства советской экономики, кредитование, задолженность, занятость, сдерживание протестных настроений. Их требование, обращенное к коллегам: дай деньги! С другой стороны - «умеренные либералы». Предмет их главной озабоченности — общая стабильность, курс рубля, ставка процента, бюджетные «зачапки» в сбереженных фондах и т. д. На них — макроэкономическое регулирование, финансы, иностранные инвестиции, отношения в «восьмерке» и «двадцатке». Их ответ на чрезмерные требования денег: не дадим!¹¹² Выбор экономического инструментария,

111. «Независимая газета», 10.04.2009

112. «Новая газета», 13.04.2009

конкретные решения принимаются в процессе перетягивания каната между двумя «партиями», каждая из которых отстаивает свои приемы «ручного управления».

Может быть, это и не так плохо, ибо в период кризиса полагаться только на действие рыночных механизмов не приходится, а соперничество двух разных подходов до известной степени предохраняет от крайних решений. *Однако существующий механизм выработки и реализации экономической политики дефектен по меньшей мере в двух отношениях.* Во-первых, решения принимаются «под ковром». Выход на них скрыт в «черном ящике», который непрозрачен и неподконтролен обществу. Мы бесконечно далеки от общественной дискуссии, подобной, скажем, даже той, которая шла в XIX в. в Англии между фритредерами и протекционистами. В ней преломлялись отчетливо выраженные классовые интересы. И борьба получала разрешение в итогах парламентских выборов и смене правительств тори и вигов. А во-вторых, споры в российской правящей элите не затрагивают (или затрагивают очень косвенно) собственно политический процесс.

Свои ответы на вопрос «что делать» предлагают независимые эксперты. В какой мере их рекомендации востребованы — отдельный вопрос. Но их роль не следует сбрасывать со счетов — хотя бы для прояснения (и формирования) общественного сознания. *Наиболее очевидным представляется то, чего делать заведомо не следует,* если исходить из общественных интересов. Например, расходовать государственные ресурсы для спасения неэффективных собственников и консервации убыточных производств. Притчей во языцех является наш автопром. Конечно, пойти на разорение и ускоренную ликвидацию ВАЗа или КамАЗа, как это произошло с заводом, выпускавшим автомобили «Москвич», невозможно: другое время и место, иной социальный контекст. Но не дешевле ли было бы оплачивать конверсию этих заводов и переобучение персонала с сохранением заработной платы и социальных выплат, чем упрямо сохранять бесперспективное производство? (Один шутник предложил выстроить в Тольятти предприятие по утилизации сходящих с конвейера автомобилей).

Безумными представляются высокие, нередко запретительные тарифы на импортные лекарства, на те же автомобили, на такие виды продовольствия, производство которых мы годами не можем наладить в собственной стране. И уж совершенно очевидно, что следует сократить до минимума или вообще отменить престижные расходы и перебросить отведенные на них ресурсы на вещи неизмеримо более полезные. Понятно, отменить Олимпиаду в Сочи уже нельзя, хотя ясно, что это — черная дыра, куда придется бросать в разы больше денег, чем первоначально предполагалось, что перемещение жителей с площадей, отведенных для строительства олимпийских объектов, проходит болезненно, а выстроенные — после праздника станут избыточными. Но разве нельзя хотя бы провести запланированный саммит АТЭС где-нибудь в другом месте, а строительство переходов на о. Русский отложить до лучших времен? Так ли уж нельзя обойтись без еще одной государственной резиденции в Калининградской области? Не лучше ли вместо дорогостоящей демонстрации российского флага у «друга Чавеса» и иных подобных эскапад, вызывающих приливы гордости у невзыскательной публики, построить квартиры для увольняемых офицеров? Число таких примеров можно умножить.

Сложнее ответить на вопрос: *что же следует делать для выхода из кризиса?* Здесь мнения расходятся. Правительство утвердило свою антикризисную программу. Экспертное сообщество отнеслось к ней критически и предложило собственные варианты. Отмечу здесь два из них, отличающиеся комплексным подходом. В конце 2008 г. была учреждена Антикризисная общественная инициатива (АОИ) — неформальная ассоциация, объединившая около сотни известных ученых, практиков, общественных деятелей и базирующаяся в Горбачев-фонде. АОИ в центр своих пред-

ложений поместила сдерживание инфляции (Россия — одна из немногих стран, где падение производства сопровождается не снижением, а ростом цен), прозрачность и подотчетность решений правительства и предпринимаемых мер, активизация борьбы с коррупцией и др. Казалось бы, целесообразность таких действий очевидна. Тем не менее, на своем втором форуме, проведенном в апреле 2009 г., АОИ вынуждена была констатировать, что хотя ее предложения на декларативном уровне правительством были оценены и восприняты благожелательно, главные из них реализованы не были. И тогда АОИ, которая ведет мониторинг экономической ситуации, выдвинула новый пакет предложений, сгруппировав их по 18 позициям. Среди них — модернизация основных государственных институтов (прежде всего судов), пересмотр процедур банкротства и гражданского контроля; перенос акцента с поддержки предприятий и их собственников на поддержку спроса, на создание стимулов для развития бизнеса и поддержку социально незащищенных слоев; публичное обсуждение новой налоговой реформы; де бюрократизация отношений между бизнесом и властью и т. д. По мнению экспертов АОИ, кризисом необходимо воспользоваться, чтобы осуществить санацию неэффективной части экономики. Государство должно заморозить тарифы естественных монополий, последовательно проводить активную антимонопольную и эффективную антикоррупционную политику. Последняя должна опираться на свободное распространение информации в обществе, включая отказ от государственного контроля над электронными СМИ.¹¹³

Другой вариант антикризисных действий был предложен в феврале 2009 г. партией «Яблоко». Центральное звено этого плана — массовая передача земли в частную собственность под застройку семейными домами и широкое жилищное строительство по всей стране. План — комплексный. Он предусматривает также освобождение новых собственников от громоздких бюрократических процедур и надежное финансирование из всех источников. На реализацию этого плана эксперты «Яблока» предложили направить весомую часть всех имеющихся государственных ресурсов и резервов. Инвестиции в жилищное строительство в ближайшие 7 лет предлагается довести до половины всех инвестиций в стране. Массовое малоэтажное строительство силами заинтересованных граждан и специализированных предприятий, согласно этому замыслу, может стать локомотивом выхода из кризиса, последующего экономического роста и решения острых социальных проблем. По расчетам, не менее 2 млн. новых рабочих мест могут появиться в течение двух ближайших лет в частном секторе. Жилищное и сопутствующее строительство и ремонт (дорог, мостов, плотин, новых хорошо оборудованных школ и больниц) дадут мультипликативный эффект. Они подтолкнут комплексное освоение территорий вокруг перенаселенных городов (необходимо, конечно, соблюсти требования экологии), разворачивание строительных и иных отраслей, которые получают гарантированный рынок сбыта. Все это позволит, наконец, снизить остроту жилищной проблемы, нависающей над страной десятки лет, и существенно повысит мобильность рабочей силы.¹¹⁴ Предложения «Яблока» были включены в качестве составной части в программу АОИ, но не вызвали интереса правительства.

Креативный потенциал экспертного сообщества, в котором сконцентрированы кадры высокой квалификации, достаточно велик, недостатка в предложениях с его стороны нет. Чего действительно не хватает, так это каналов его воздействия на курс государственной экономической политики.

113. Антикризисная общественная инициатива. Меморандум-2. Весна 2009. Горбачев-фонд. <anticrisis@gmail.com>.

114. «Дома, дороги, земля» - Концепция выхода из кризиса. Решение Политического комитета РОДП «Яблоко» 28.02.2009. www.yabloko.ru.

Не раз отмечалось — применительно к ситуации в разных странах — кризис обнажил и обострил проблемы, существовавшие до него. Не исчезнут они и после его преодоления. К России это относится в особенно большой степени. Наивно полагать, что мы просто вернемся в *status quo ante crisis*. Еще сложнее и важнее, чем спланировать и осуществить меры по выходу из кризиса, — работа на перспективу, способная обеспечить действительную модернизацию экономики, государства и общества.

В этой связи не лишне отметить, что все без исключения российские так называемые модернизации за последние три века были неполноценны, односторонни или ограничены, не позволяли вырваться из колеи догоняющего развития. В научной литературе вообще высказываются сомнения в том, что перемены, происходившие в любой период нашей истории, будь то во времена Петра I или Сталина, могут рассматриваться как модернизационные в истинном значении этого слова. Ибо даже феноменальные достижения в производстве, технике и технологии, победы во внешних войнах не сопровождались модернизацией экономического строя и общества. Для страны такие рывки нередко оборачивались упадком и социальным регрессом. Можно дискутировать о том, насколько справедливо отлучение всей российской истории от модернизации. Я выделил бы эпоху Великих реформ 1860-70-х гг., да еще, может быть, начало XX века, когда прогрессом при всей противоречивости происходивших тогда процессов и накоплении кризисных явлений были затронуты социальная и политическая сферы. Даже если согласиться с тем, что Советская Россия шла по пути модернизации, то это была односторонняя, неполноценная модернизация, не выведившая ее из колеи догоняющего развития в технике и технологии.

Мы удивительно мифологическое общество. Даже в периоды взлетов мифы, доминирующие в массовом сознании, вытесняются не представлениями, соответствующими реалиям, а другими мифами. В чуть обновленном виде снова и снова возрождаются старые мифы. Сейчас у нас происходит возгонка сталинского мифа — он преломляется в виде легенды о великом и эффективном управителе-менеджере. Всей мощью современных информационных средств в общественном сознании реанимируется старый миф, что европейский путь, приоритет прав человека перед государственными интересами, плюралистическая демократия — вообще (или, по крайней мере, долго еще будет) не про нас, ибо такова неизбывная традиция, «особый путь» России. К мистике «особого пути» мы особо восприимчивы. Рассуждения на эту тему обильно оснащаются ссылками на известных русских мыслителей без понимания того, что путь каждой страны в известном смысле — особый, что за столь почитаемой самобытностью обычно стоят консервативные (чтобы не сказать — реакционные) черты нашей исторической жизни и непреодоленной, препятствующей развитию ментальности.

Получил хождение и самоновейший миф о благодетельности китайского пути, о будто бы нами упущенной в годы перестройки возможности модернизировать Россию по китайскому образцу. Не говоря уже о том, что стартовые условия в последние десятилетия XX в. в России и Китае были совершенно различны, кризис ставит под вопрос совместимость традиций и жесткой политической скорлупы, в которую упакованы некоторые донныне успешно развивавшиеся восточноазиатские общества, с дальнейшей модернизацией. Завтра, справедливо отмечает российский исследователь, эта проблема неизбежно встанет перед Китаем.¹¹⁵

Прорыв к подлинной модернизации исключительно сложен. Особенно при нашей социально-исторической наследственности и в глобализирующемся мире XXI

115 .В.А.Красильщиков. Модернизация: зарубежный опыт и уроки для России. - Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Выпуск 1. М., 2009, с. 158.

века. Преодоление кризиса — условие необходимое, но недостаточное. Это не означает, однако, что первое обязательно должно предшествовать второму во времени. Осуществлять глубокие перемены в экономике и обществе во время кризиса по многим причинам труднее. Но исторический опыт, не только российский, свидетельствует, что как раз в условиях кризиса возникают мощные стимулы, возрастает социальное давление в пользу перемен, появляются новые возможности. Но происходит это не автоматически.

Прав Вл.Иноземцев: модернизация — не единственная альтернатива, стоящая ныне перед Россией. Перспективы модернизации в современной России по меньшей мере неочевидны, а «альтернатива модернизации очень даже просматривается — превращение страны в «Новую Венесуэлу».¹¹⁶ Осознаем ли мы опасность стать сырьевым придатком не только Европы и США, но и Китая? А ведь для этого надо лишь предоставить вещи их собственному ходу.

Чтобы не закрепиться в такой незавидной роли, надо решительно менять структуру производства и внешних связей — уходить от экономики трубы и сникерсов (импорта зарубежных лекарств, продовольствия и ширпотреба). Самонадеянные претензии сохранить роль «сверхдержавы», хотя бы в мировой энергетике, не только несостоятельны, но и смехотворны в свете генеральных тенденций, меняющих облик мирового производства и торговли. Условия для возобновления сырьевого бума и получение изобильной ренты с мирового рынка не просматриваются и за горизонтом кризиса.

Отказаться от сложившейся ориентации и сопровождавшей ее мифологии трудно. В самый благополучный, с точки зрения экономического роста, период постсоветской истории России ее зависимость от экспорта энергоносителей (нефть, нефтепродукты, природный газ) — и соответственно уязвимость — стремительно возрастала: их доля в экспорте выросла с 49% в 2000 г. до 62% в 2007 г.¹¹⁷ Эта динамика определялась не только воздействием рыночных стимулов, ориентировавших экономическое развитие по линии наименьшего сопротивления. Таков был курс, избранный государством, не усвоившим катастрофический урок позднего СССР. Что определяло этот курс: ложное представление о долговечности «естественных преимуществ», стремление использовать трубу в качестве инструмента амбициозной внешней политики — рычага не только экономического, но и политического давления на партнеров или нежелание ввязываться в трудные экономические и социальные реформы, чреватые ослаблением политических позиций утвердившейся у власти группировки, — не столь важно. Существенно то, что уроки не усвоены и основная ставка на перспективу остается прежней. Выход из кризиса, следовательно, усматривается на традиционном, а не модернизационном пути.

Но секторальная перестройка экономики — лишь наиболее очевидная задача на пути модернизации. Для того, чтобы решить ее, не говоря уж о других задачах, необходимо провести глубокие социально-экономические и политические преобразования, затрагивающие интересы влиятельных общественных кланов. Пунктирно обозначить эти задачи можно следующим образом.

- Последовательная демонополизация российской экономики, целеустремленное формирование конкурентной среды с использованием инструментария законодательной, исполнительной и судебной власти; жесткий контроль над тарифами в отраслях, где действуют естественные монополии, демонтаж искусственно созданных монополий, перевод государственных

116. В.Л. Иноземцев. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? - Там же, с.80; «Новая газета», 24.04.2009

117. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000-2007. М., 2008, с. 917

корпораций в частную собственность, эффективная защита малого и среднего бизнеса от коррумпированного чиновника и рэкетира, постепенное снижение налогового давления на бизнес и возвращение предпринимателю средств, изымаемых ныне как бюрократическая рента в форме различных поборов.

- Активная роль государства в экономике, но в качестве не производителя товаров и коммерческих услуг, а регулятора процессов ее модернизации, структурной перестройки, перетока капитала в современные высокотехнологичные отрасли и производства, привлечения на льготных условиях иностранных инвестиций, способствующих созданию и переоснащению таких отраслей и производств, где Россия безнадежно отстала от передовых стран, замещения разрешительных для бизнеса процедур — регистрационными и т. д.

- Создание и упрочение в экономической и социальной жизни институтов, без которых немислимо существование современного общества: в первую очередь — частной собственности и независимой судебной системы.

- Проведение запоздавших социальных реформ: пенсионной, систем здравоохранения и образования, рынка труда, жилищной сферы и др.

- Расширение пространства свободы, предполагающее демонтаж вытеснивших и уродующих ее механизмов «управляемой демократии».

На последнем необходимо остановиться особо. О том, как в последнее десятилетие шла поначалу не всеми замеченная, но с каждым годом нарастающая реставрация авторитарного строя, сказано и написано уже немало. Начавшись после прихода к власти новых лиц с подавления независимых СМИ, она стала захватывать одну за другой все области социальной и политической жизни, разрушала или искажала демократические институты, возникшие во время перестройки и постперестройки, приводила к послушанию суды и бизнес, посягнула на автономию научных и образовательных центров. До недавнего времени, однако, разговор о политических мутациях — в глазах одних обеспечивающих продвижение по российскому «особому пути» модернизации, а по мнению других — как раз ее блокирующих — происходил в двух как бы непересекающихся плоскостях. Первые, располагая развитой системой коммуникаций, подчиненной государству, контролируя СМИ, обращенные к массовой аудитории, образовательные институты, беспрепятственно распространяли свое видение и немало в том преуспели. Вторые, вытесненные в информационное гетто, вынуждены были вести дискуссии преимущественно между собой, в узком по масштабам страны кругу, выясняя, кто более в происходящем виноват и что делать, чтобы перенаправить ход событий. Диалога не получалось, ибо власть имущие своих оппонентов слушать не желали, а от общества их разными средствами, вплоть до ОМОНа, старались отгородить. В лучшем случае некоторых из них привлекали в качестве экспертов при обсуждении за закрытыми дверями специальных вопросов (с довольно низкой, как правило, отдачей от таких контактов).

В этом свете представляет интерес ряд демонстративных акций, предпринятых президентом в начале второго года его правления. Интервью, данное редактору оппозиционной газеты.¹¹⁸ Приезд в ИНСОП — институт, попечительский совет которого возглавляет сам президент. Институт этот, хотя и неукоснительно соблюдает принятые правила игры, претендует на независимую позицию. Незадолго до состоявшегося визита президента он опубликовал доклад, который, в отличие от поделок агитпропа Кремля, содержал немало здравых суждений и вывод: «На нынешнем этапе политического развития России либерализация общественной жизни и укрепление институциональных основ демократии становится инструментальной зада-

118. «Новая газета», 15.04.2009.

чей».¹¹⁹ И в особенности — встреча с членами состоящего при президенте Совета по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека, в состав которого перед тем были введены люди с безупречной демократической репутацией. Стенограмма состоявшейся беседы была сразу же размещена в интернете на президентском сайте, что сделало ее явлением публичным.

В ходе разговора, занявшего почти три часа, перед президентом были поставлены проблемы, решение которых необходимо для модернизации страны. Предложения известных правозащитников, обладающих незаемным авторитетом, были высказаны хотя и корректно, но вполне откровенно, с минимумом дипломатических умолчаний и эвфемизмов, примерно в такой же тональности, в какой сторонники демократических преобразований ведут разговор меж собой. Были приведены примеры беззаконий и безобразий разного рода, на обсуждение которых в контролируемых государством СМИ наложено табу. Но речь шла не просто об «отдельных недостатках». В соответствии с заранее разработанным выступавшими сценарием были названы главные деформации государственной системы, утвердившейся после 2000 и особенно 2004 года, когда, собственно, и изменился вектор (хотя слово это не было названо) политического развития страны. Разгул коррупции, в которую вовлечены также и высшие должностные лица. Правовой нигилизм. «Презумпция виновности», с которой государство подходит к общественным институтам. Правоохранительные органы, не столько защищающие граждан, сколько представляющие угрозу для их безопасности и жизни. Элита, которая не выполняет своей роли и отгорожена от общества. Необходимость кардинального изменения стратегии государства по отношению к обществу. Свобода СМИ как необходимое условие гражданского контроля, противостоящего коррумпированной и неэффективной бюрократии. Возвращение к свободным и честным выборам с реальной политической конкуренцией. Административный ресурс, такую конкуренцию подменяющий. Бюрократические извращения судебной системы. И многое другое — всего я насчитал 48 позиций, эпизодов, персональных вопросов, по которым правозащитники предъявили счет государству. Красной нитью через все выступления проходила мысль: институты гражданского общества — не помеха и не объект государственного управления, а необходимый компонент в механизме модернизации. Равноправное взаимодействие институтов государства и гражданского общества — в интересах не только общества, но и государства, если оно всерьез привержено целям модернизации.

Содержательная критика существующих порядков прозвучала и программа неотложных преобразований, может быть, и неполная, представлена. Власть в лице президента проявила способность выслушивать публично произнесенные (и доведенные до сведения общества с президентского сайта в Интернете) речи, от каких она отвыкла, и пообещала сотрудничать с неприкормленными общественными организациями, хотя и неясно пока, в каком виде и в каких пределах. А также провести некоторую коррекцию законодательства (в частности, откровенно антидемократического закона об НКО). Было бы, конечно, наивно полагать, будто бы президент настолько отгорожен своими информаторами и советниками от реальных проблем, что услышал все сказанное впервые. Встреча с правозащитниками, благожелательные тональности ответа президента (хотя он коснулся менее чем половины поднятых вопросов), а главное — вынесение на публику концентрированного выражения позиции, столь отличной от примитива, который льется с экранов ТВ, и идущей вразрез с основными направлениями государственной политики, — явление в сегодняшнем политическом контексте заметное. Что все это означает?

Отклики демократов и либералов были разнообразными. От вспыхнувших надежд на новую оттепель с демонстрирующим самостоятельность новым лидером до

119. Демократия: развитие российской модели. М., 2008, с.070.

суровой отповеди тех, кто видит в действиях власти лишь примитивный маневр, а в поведении пришедших навстречу правозащитников — исполнение позорной роли «кремлевских шутов». Выводить некую равнодействующую столь полярных подходов бессмысленно. Попробую оценить перспективу, как она мне видится в свете произошедшего.

Первое. Ни встреча президента с правозащитниками, ни ряд его других последних шагов, в логику которых эта встреча вписывается, не дают достаточных оснований для предположения, что в государственной политике наступил перелом, за которым последуют либерализация и демократизация, что во властвующих элитах наметился раскол. Слова, которые стал произносить и выслушивать президент, при нынешней политической погоде действительно непривычны. Но в *действиях* власти пока трудно уловить признаки поворота. Несложно назвать ряд тестов, которые могли бы подтвердить серьезность ее намерений. Так же было в начале эры Горбачева. Ему поверили, когда слова — значительно сильнее, чем теперь, выбивавшиеся из привычных официальных штампов — были подкреплены делами, радикально менявшими климат в стране: возвращение Сахарова из ссылки, ограничение цензуры, прекращение политических репрессий, сигналы, обозначившие отход от прежней внешней политики, и т. д. Подобного рода значимых действий пока не видно.

Второе. Это не означает, что за новой риторикой и стилем президента заведомо ничего серьезного последовать не может. Если в краткосрочной перспективе в России вообще могут наступить демократические перемены, то импульсы к ним могут поступить только сверху. Но если эти импульсы не сомкнутся с низовым независимым движением, на том, скорее всего, дело и кончится. Мы не знаем (и не можем знать), что в действительности хочет и может Медведев, как не знали, на что были способны Хрущев и Горбачев, когда они становились у руля страны. Но знаем некоторую общую закономерность: демонтаж авторитарного режима лицами, его возглавляющими, начинается обычно тогда, когда они приходят к заключению, что привычными методами справиться с валом накатывающихся проблем и трудностями их разрешения невозможно. В нашем случае это могут быть обострение экономического кризиса и рост в связи с этим социального напряжения и/или схватки элит. И то, и другое, по-видимому, в какой-то мере имеет место. В какой? Подошло ли уже дело к критической черте? Не располагая необходимой информацией о положении дел (и заведомо не зная, какое развитие получит кризис), оценить степень приближения к этой черте невозможно. Но на уровне интуиции представляется, что до этого еще довольно далеко. Впрочем, вероятность ошибки в такой оценке тоже достаточно велика.

Третье. Требуется известный полет фантазии, чтобы допустить, что сформировавшаяся в нашей системе государственная элита — узкий круг лиц, принимающих решения, может перевести стрелку семафора на путь модернизации. Но совсем уж невероятен сценарий, при котором она будет самостоятельно, последовательно и в плановом порядке переходить от модернизации экономической — к социальной, а затем политической. Уже консолидировались влиятельные силы, в том числе на верхушке властной пирамиды, интересам которых такое продвижение не отвечает и которые попытаются остановить процесс на промежуточных станциях. Если даже верховные реформаторы окажутся готовы поступиться монополией на власть, из среды, которая откажет им в доверии, вырастет некое подобие ГКЧП. Чтобы сорганизовались и мобилизовались общественные силы, способные его опрокинуть, необходимо параллельно с экономической проводить политическую модернизацию. Иначе либо реформы уйдут в песок, либо историю начнет творить русский бунт.

Четвертое. Путь, по которому шла наша страна в последнее десятилетие, - тупиковый. Несмотря на потрясения, вызванные кризисом, она продолжает идти по этому пути. В обществе пока нет таких независимых сил, которые могли бы перевести ее на иной путь. Мяч на стороне власти. Если все будет идти так, как шло до сих пор, не будет никакой модернизации ни в 2020, ни в любом последующем году.

Шепова Н.Я.
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Института военной истории МО РФ
Глобальный кризис и реформа в Вооруженных Силах РФ

Никто не будет спорить, что вооруженные силы являются важным военно-политическим инструментом любого государства. Вооруженные Силы (ВС) РФ предназначены для обороны Российского государства, защиты его свободы и независимости, обеспечения национальной безопасности, экономических и политических интересов, а также для выполнения ряда других задач, в частности, участия в миротворческих операциях и операциях по принуждению к миру. Все эти функции и задачи определены в соответствующих законодательных и концептуально-доктринальных документах.

Вполне закономерно, что ВС также подвержены влиянию глобального кризиса. Оно сказывается на нескольких направлениях в зависимости от сфер и объема соприкосновения ВС с обществом и государством (например, выполнение НИОКР, закупки вооружения и военной техники), а также от круга задач, которые они выполняют; влияния на человеческий компонент, т.е. личный состав ВС (социальные и возможные политические последствия кризиса).

При этом необходимо помнить, что в целом военная организация государства включает в себя собственно вооруженные силы, другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы управления ими. В военную организацию государства также входит оборонно-промышленный комплекс, который обеспечивает научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, а также серийное производство оружия и военной техники.

Основные сферы и направления, по которым глобальный кризис оказывает свое воздействие на вооруженные силы, можно подразделить на следующие:

- боеспособность и боеготовность, способность вести боевые действия в том масштабе и объеме, в каком это предусмотрено соответствующими действующими законами и другими документами (например, в мирное время без проведения дополнительных мобилизационных мероприятий успешно решать задачи одновременно в двух вооруженных конфликтах любого типа, а также осуществлять миротворческие операции);
- вооружение и оснащенность ВС;
- выплата денежного довольствия (окладов) и обеспечение личного состава действующей армии, а также резервистов и уволенных в запас и членов их семей всеми гарантированными социальными правами и льготами (например, обеспечение жильем, медицинским обслуживанием, санаторно-курортным лечением, проездом на транспорте и т.п.);
- осуществление заявленной реформы ВС в условиях мирового финансового и экономического кризиса;
- военно-техническое сотрудничество с другими странами (в частности, продажа и закупка вооружения и военной техники) и др.

На обеспечение военно-оборонной сферы требуются государственные финансовые ассигнования, которые закладываются в годовой бюджет страны. Их реальные размеры и доля в национальном бюджете каждой страны различны и зависят от многих факторов:

- направленности внутренней и внешней политики государства;
- национальных приоритетов;
- общего состояния экономики;
- военно-политической обстановки в мире;
- наличия и характера реальных и потенциальных угроз и вызовов национальным интересам и безопасности страны;
- появления новых средств, форм и способов вооруженной борьбы;
- численности самих вооруженных сил;
- спектра и объема стоящих перед ними задач.

Многие перечисленные нами моменты и аспекты подробно расписаны в соответствующих законодательных и концептуально-доктринальных документах. Например, в Российской Федерации к основным документам этого плана относятся Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (с последними изменениями от 2 марта 2007 г. № 24-ФЗ), ФЗ РФ от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», Концепция национальной безопасности РФ (утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24), Военная доктрина РФ (утверждена Указом Президента РФ № 706 от 21 апреля 2000 г.).

Закономерно, что в зависимости от характера основных военных угроз и задач, очерченных в этих документах перед Вооруженными Силами РФ, должна строиться их организационная структура, определяться численность и боевой состав, соответствующим образом осуществляться обучение и боевая подготовка, оснащение вооружением и военной техникой. Но беда в том, что эти основополагающие документы были приняты, как это записано, например, в преамбуле Военной доктрины РФ «в переходный период – период становления демократической государственности, многоукладной экономики, преобразования военной организации государства, динамичной трансформации системы международных отношений».¹²⁰ Совершенно очевидно, что они требуют внесения кардинальных изменений, поскольку существенно изменилась обстановка как внутри страны, так и в мире.

Не удивительно, что после вполне оправданного вооруженного вмешательства в грузино-югоосетинский конфликт в августе 2008 г. российскому военно-политическому руководству стало ясно, что необходима серьезная модернизация как самих вооруженных сил, так и скорейшее принятие новых основополагающих концептуальных документов. Конфликт выявил целый ряд слабых мест российских вооруженных сил, их отставание от ВС наиболее развитых стран, в первую очередь США, по многим направлениям. Стали очевидны структурные и технологические слабости российской армии. Поэтому 14 октября 2008 г. на заседании коллегии МО РФ Министром обороны РФ А.Э. Сердюковым было объявлено о планах скорейшей модернизации российских вооруженных сил. Основная цель этих мероприятий - повышение мобильности, боеспособности и боеготовности армии и флота. В ноябре Президент РФ Д.А. Медведев одобрил это решение и объявил о начале нового этапа военной реформы.

Актуальность и необходимость такой модернизации не подлежит никакому сомнению. Несмотря на окончание «холодной войны», очень скоро стало ясно, что

¹²⁰ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. // Независимая газета. 2000. 22 апреля.

мир не стал безопасней – возникли новые угрозы и вызовы безопасности, такие, например, как многочисленные вооруженные конфликты, локальные и региональные войны, международный терроризм. Поэтому иметь сильную армию сегодня необходимо, особенно тем странам, которые претендуют на статус «великих держав» и суверенных государств.

Представляется странным другое: почему эту, по существу, самую радикальную и масштабную реформу ВС за последние 50 лет начали фактически без широкого общественного обсуждения, глубокой научной проработки, без информационного освещения и почему-то назвали «мерами по приданию вооруженным силам нового облика»?

Помимо всего прочего, «телега была поставлена впереди лошади»: реформа уже начата, а новые концептуальные документы находятся еще в стадии разработки. А ведь работа над проектом новой Концепции национальной безопасности началась еще в 2004 г., но по разным причинам документ не был завершён. Более того, в марте 2009 г. на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ Президент Д.А. Медведев заявил, что «долгосрочные планы в области обороны должны быть основаны на Стратегии национальной безопасности РФ на период до 2020 г., которую в ближайшее время предстоит утвердить Совету Безопасности».¹²¹ Помимо этого «системообразующего документа стратегического планирования» в 2009 г. предполагается также принять такие важные документы военно-политической направленности как новую Военную доктрину РФ и Концепцию государственной и национальной политики РФ на период до 2020 г.

Очень правильный посыл содержится в официальном заявлении Президента и Верховного главнокомандующего Д.А. Медведева, сделанном в апреле 2009 г.: «В военном планировании нужно исходить из современной обстановки, из характера потенциальных угроз... Анализ военно-политической обстановки в мире показывает, что в ряде регионов остается серьезный конфликтный потенциал, сохраняются угрозы, которые несут и локальные кризисы, и международный терроризм, не прекращаются попытки расширения военной инфраструктуры НАТО вблизи границ России».¹²² Но при этом сам собою возникает вопрос: почему реформа была начата без этого предварительного многоаспектного анализа и проработки?

А то, что это самая настоящая реформа говорит то, что суть перемен состоит не только в значительном сокращении численности ВС к 2012 г. (с 1,13 млн. до 1 млн. человек в основном за счет сокращения офицерского корпуса и полной ликвидации института прапорщиков и мичманов), но и в радикальном их изменении «в соответствии с мировыми нормами». Количество офицеров планируется существенно сократить, почти в два раза: с 355 тыс. до 150 тыс. (что составит около 15% от общего числа личного состава ВС РФ, и приблизит их к показателям стран НАТО; сейчас – 32%). Всего планируется уволить 160 тыс. офицеров. С учетом количества офицеров, достигших предельного возраста пребывания на военной службе (35, 8 тыс. человек), должны быть сокращены около 117,5 тыс. офицеров, которые по возрасту могли бы еще продолжать службу; они подлежат увольнению в течение трех лет. При этом министр обороны заверил, что все офицеры будут обеспечены жиль-

¹²¹ В Кремле утверждают Стратегию национальной безопасности России // Вести. 24 марта 2009 г. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=266490>.

¹²² Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ. 17 марта 2009 г. // На Интернет-сайте Министерства обороны РФ. <http://www.mil.ru/848/19267/19295/19294/index.shtml?id=60059>.

ем и полагающимися по закону социальными льготами в установленные сроки. Количество генералов планируется сократить с 1100 до 900 человек.¹²³

Что касается прапорщиков и мичманов, то часть из 140 тыс. человек, служащих в этой должности, будет сокращена, а остальные перейдут на другие должности (как правило, более низкие по статусу – сержантские или гражданские) или будут уволены в запас.

В ближайшие три года будет также сокращено свыше 150 тыс. должностей гражданского персонала ВС РФ – с 750 тыс. до 600 тыс. человек.¹²⁴

Между тем специфика сокращений в армии состоит в том, что экономию они могут принести лишь в последующие годы, а непосредственно в момент реформирования требуют серьезных финансовых затрат. Сюда входят выплата выходных пособий и компенсаций за различные виды обеспечения, недополученные за время службы, плюс обеспечение жильем, организация переобучения на гражданские специальности, трудоустройство.

По сведениям Управления реализации жилищных программ МО РФ, за три года реформ надо обеспечить постоянным жильем 112,9 тыс. увольняемых военно-служащих, это не считая тех тысяч, которые к этому времени также еще оставались без своего жилья. В течение 2009 г. квартиры будут предоставляться только офицерам и прапорщикам, увольняемым в рамках оргштатных мероприятий, связанных с реформированием ВС. В 2009 г. дополнительно потребуется 45,9 тыс. квартир.¹²⁵

В 2009–2010 гг. военное ведомство обещает обеспечить жильем около 90 тыс. офицерских семей. Эти планы предполагается реализовать по нескольким направлениям: собственное строительство, предоставление государственных жилищных сертификатов, приобретение жилья за счет средств, полученных от реализации имущества МО РФ.

Однако в 2009 г., как заявил 17 марта на расширенной коллегии Минобороны глава военного ведомства, для этих целей будет закуплено 44,8 тыс. квартир. А всего армия собирается получить в ближайшие два года 59,5 тыс. квартир за счет собственного строительства. 17,8 тыс. приобретет на рынке. 4,3 тыс. семей заселит на освобождающуюся площадь. 9,1 тыс. увольняемых в запас обеспечит государственным жилищным сертификатом.¹²⁶ Но эксперты считают, что реально в год военное ведомство способно построить не более 50 тыс. квартир, а на очереди уже стоят более сотни тысяч военнослужащих, затем к ним прибавятся еще сотни тысяч увольняемых с военной службы.¹²⁷ Эти планы, по-видимому, будет сложно выполнить в условиях нынешнего кризиса, который затронул и сферу жилищного строительства: резко сократились объемы строительства, начались перебои с финансированием. Есть проблемы со стоимостью квадратного метра жилья по сертификату, которая почти в два раза ниже среднерыночной цены по стране. А размеры денежных средств от продажи имущества в условиях кризиса окажутся значительно ниже предполагаемых.

Тем, кто имеет право на получение пенсии (минимум 20 лет службы), по закону должно быть выплачено единовременное пособие в размере 20 окладов денежного содержания (например, для полковника, командира полка это 142 тыс. рублей).

¹²³ В Вооруженных Силах РФ к 2012 году более чем в два раза сократится количество офицерских должностей. Управление пресс-службы и информации МО РФ. <http://www.mil.ru/info/53270/53287/index.shtml>; Гаврилов Ю. Сокращение без слухов // Российская газета. 2009. 29 апреля.

¹²⁴ Зеничев Я. В 2009-м ВС РФ запустят ракеты и сократят персонал // Новые хроники. 2008. 28 ноября. <http://novchronic.ru/2732.htm>.

¹²⁵ Соловьев В. Военная реформа 2009–2012 годов // Независимое военное обозрение. 2008. 12 декабря.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Кризис может сорвать военную реформу в России – эксперты. MidEast.RU, 17 Февраля 2009. <http://www.mideast.ru/357/45036>.

Тем, кто прослужил меньше 20 лет, но больше 15 выплатят 15 окладов денежного содержания и, если они будут уволены по оргштатным мероприятиям, то в течение пяти лет будут ежемесячно платить социальное пособие в размере 40% от их оклада. Тем, кто прослужил менее 15 лет, в течение года будут платить оклад по воинскому званию. Если эти цифры умножить на количество увольняемых, то получим довольно внушительные суммы.

Чтобы помочь увольняемым в запас адаптироваться к гражданской жизни, утверждена ведомственная целевая программа «Реализация социальных гарантий военнослужащих, увольняемых с военной службы» на 2009–2011 гг. На ее выполнение выделено 113 млрд. рублей. Она предусматривает информирование и консультации увольняемых, обеспечение всем необходимым вещевым имуществом, проездными документами к месту нового жилья и бесплатной перевозки домашнего скарба. Кроме того, организуются мероприятия по профессиональной переподготовке и трудоустройству, которые также требуют значительных затрат. Ведь только 22,1% запланированных к увольнению офицеров имеют профессии, родственные гражданским. Из них почти 3 тыс. автомобилистов, 7 тыс. медицинских работников, более тысячи юристов, 5 тыс. строителей, около 4 тыс. железнодорожников, 3,5 тыс. финансистов, 700 спортсменов высшей квалификации, 100 переводчиков.¹²⁸ Остальных надо перечислять.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на то, что ВС должны приобрести новый облик к 2012 г., ключевые оргштатные мероприятия, переход на бригадную структуру и основные сокращения офицерского состава предполагается форсировать и завершить к концу 2009 г. В условиях нынешнего кризиса выполнение этих обязательств в полном объеме представляется проблематичным.

В рамках реформы запланировано также масштабное сокращение числа военно-учебных заведений: на базе 65 военных ВУЗов будут созданы 10 системообразующих (из них 3 военных учебно-научных центра, 6 военных академий и один военный университет). Создаваться они будут по территориальному, а не ведомственному (как сейчас) принципу.¹²⁹ Так, например один из военных научно-учебных центров – Военно-морская академия МО РФ – будет создан в Кронштадте. Планируется строительство академгородка с собственной учебной базой, технопарком, лабораториями, спортивными комплексами и современной инфраструктурой. Помимо самой академии, он будет включать военно-морские институты, институт дополнительного профессионального образования, военно-морской колледж и военно-морской лицей, Нахимовское военно-морское училище, три научно-исследовательских института, подразделения обслуживания и обеспечения образовательного процесса. В частности, предполагается, что в центре будут проходить обучение более 10 тыс. курсантов и слушателей. Стоимость этого грандиозного проекта оценивается минимум в 100 млрд. руб. На самом деле, это будет, скорее всего, в 2–3 раза дороже – до четверти триллиона рублей.¹³⁰ Немалые финансовые затраты нужны и для перебазирования остающихся военных ВУЗов на новые места и оборудование их современной научно-учебной базой.

Также запланирована реорганизация органов центрального военного управления, включая Минобороны и Генштаб. Хотя существует мнение, что сокращение и реорганизация управленческих структур в ближайшее время приведет к их физической неспособности к выполнению задач по предназначению и, как следствие, к на-

¹²⁸ Литовкин В. Отставников улаживают социальными гарантиями // Независимое военное обозрение. 2009гб. 27 марта.

¹²⁹ Система военного образования в РФ будет радикально изменена. Управление пресс-службы и информации МО РФ. <http://www.mil.ru/info/53270/53287/index.shtml>.

¹³⁰ Починюк О., Денисов В. Новые решения и задачи // Красная звезда. 2008. 23 декабря.

рушению системы управления и полной недееспособности. Помимо всего прочего эта реорганизация требует существенных финансовых затрат. Так, только перевод из Москвы в Санкт-Петербург Главного командования ВМФ по самым скромным подсчетам обойдется от 15 до 25–30 млрд. руб., а по другим – от 26 до 50 млрд. руб. Часть из них будет израсходована на строительство новых и реконструкцию старых жилых и административных зданий Адмиралтейства, обеспечение их инфраструктурой, аппаратурой управления и связи, охраной и персоналом. А проектирование, создание и развертывание всей защищенной системы управления силами ВМФ потребует более 1 трлн. руб.¹³¹

Реформа предполагает поэтапный перевод всех боевых соединений и воинских частей в категорию постоянной боевой готовности с новой оргштатной структурой. Сейчас их всего 17 %. Запланировано коренное изменение структуры управления: переход от четырехзвенной (округ – армия – дивизия – полк) к трехзвенной системе (округ – оперативно-тактическое командование – бригада). Было заявлено, что «это делается для улучшения оперативного управления войсками».¹³² Этот процесс будет сопровождаться массовой передислокацией воинских частей и штабов. Помимо разрушения устоявшейся системы управления, это потребует соответствующих финансовых затрат. Значительное число воинских частей будет полностью расформировано. Количество частей и соединений в Сухопутных войсках будет снижено с 1890 до 172, в ВВС и ПВО – с 340 до 180, в ВМФ – с 240 до 123.¹³³

В рамках перевода ВС с дивизионной на бригадную структуру в период с 2009 по 2012 гг., а также в связи с расформированием частей непосредственно в войсках в два раза планируется сократить количество арсеналов, баз и складов. В связи с этим каким-то образом должна быть решена следующая проблема: утилизация или передача на центральные базы хранения вооружения и военной техники. В период 2009–2012 гг. в этих целях планируется вывезти свыше 40 тыс. железнодорожных вагонов с боеприпасами и устаревшими образцами вооружения и военной техники (около 30 тыс. вагонов различных модификаций ракет и боеприпасов, около 10 тыс. вагонов устаревшей военной техники и 2 тыс. вагонов стрелкового оружия).¹³⁴

Реформой предусматривается замена устаревшего вооружения и военной техники. По оценке российских экспертов, на сегодня не менее 80% вооружений в ВС РФ морально и/или физически устарели. Политическим руководством страны было заявлено, что даже, несмотря на кризис, перевооружение будет продолжено, и расходы на закупку ВВТ не будут уменьшены. Верховный главнокомандующий также потребовал, чтобы военные переориентировались на закупки новой техники вместо ремонта старой, и пообещал, что уже в 2011 г. начнется полномасштабное перевооружение армии и флота. Министр обороны А.Э. Сердюков надеется, что к 2015 г. доля современного вооружения вырастет до 30%, а к 2020 г. — до 70%¹³⁵. Кажется странным, что задача переоснащения ставится на фоне сокращения военных расходов в условиях глобального кризиса.

¹³¹ Переезд Главного штаба ВМФ откладывается. Адмиралы не хотят в Петербург // Газета. СПб. 2009. 21 апреля. <http://www.gazeta.spb.ru/147287-0/>; Генералы и адмиралы против переезда штаба ВМФ // Газета. СПб. 2008. 21 января. <http://www.gazeta.spb.ru/19699-0/>

¹³² Минобороны России намерено сократить число генералов // Коммерсант.ру. 2008. 14 октября. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1040944>.

¹³³ Злобин А. Перестановка армии // Smart Money. Аналитический деловой ежедневник. № 13 (151). 2009. 13 апреля. <http://www.smoney.ru/article.shtml?2009/04/13/10764>; Суть военных реформ в России – план Сердюкова. 18 декабря 2008. <http://www.army.lv/?s=616&id=15780>.

¹³⁴ Зеничев Я. Арсеналы ВС России сократятся вдвое // Новые хроники. 2008. 6 ноября. <http://novchronic.ru/2619.htm>.

¹³⁵ Минобороны РФ к 2015 г. доведет долю современных вооружений до 30% // РИА «Новости». 2009. 17 марта. http://www.rian.ru/defense_safety/20090317/165142832.html.

Заметим, что широкомасштабная программа перевооружения армии, о которой сообщил В.В. Путин еще в 2006 г., предусматривает на период до 2015 г. расходы в 185 млрд. долл. – сумма весьма существенная. Нынешние финансово-экономические трудности заставляют говорить о том, что пропорциональное выделение этих средств на 2009 г. и, наверняка, на следующий, 2010 г., будут сорваны. Что, очевидно, делает сомнительной реальность этой цифры вообще. По экспертным оценкам, для выполнения задач по перевооружению армии необходимо поднять военный бюджет на 40%, что в условиях кризиса является совершенно нереальным.

Таким образом, военную реформу начали в разгар мирового финансового и экономического кризиса, когда все страны мира сокращают расходные статьи своих бюджетов, стараются экономить и изыскивают пути и средства по его преодолению. Поэтому возникает естественный вопрос: откуда инициаторы реформы планируют взять финансы, необходимые для проведения реформы? Ведь даже министр обороны на коллегии Минобороны 17 марта 2009 г. в конце своего доклада заявил, что «в связи с мировым экономическим кризисом возможности государства по финансированию Вооруженных Сил ограничены».¹³⁶ И далее добавил, что «финансирование этих мероприятий планируется проводить за счет средств, выделяемых на текущее содержание армии и флота, а также за счет привлечения средств от реализации военного имущества» и недвижимости.¹³⁷

Возможно также получение дополнительных денежных средств от продажи вооружения и военной техники за границу. Но следует учитывать, что в этой сфере существует очень жесткая конкуренция, а наша военная техника, оставшаяся еще с советских времен, постепенно устаревает, и некоторые страны, ранее закупавшие российские ВВТ, отказывается от контрактов. Стоит вспомнить историю с партией МИГ-29, проданных по контракту Алжиру в 2006–2007 гг., 15 из которых были возвращены со ссылкой на низкое качество отдельных узлов и деталей в закупленных самолетах.¹³⁸ Совершенно очевидно, что средств, полученных от продажи оружия, видимо, также будет явно недостаточно.

Кроме того, суммы, заложенные в государственный бюджет 2009 г. на военно-оборонные нужды, в марте 2009 г. подверглись секвестру. Формирование нового облика ВС РФ не заложено в бюджет. Это произошло после того как стало ясно, что доходная часть из-за мирового кризиса неминуемо сократится (закладывали 95 долл. за баррель нефти, а затем параметры бюджета были пересмотрены, исходя из ожидания среднегодовой цены на нефть в 41 долл. за баррель). Всего из-за падения цен на нефть бюджет недополучит 2,7 триллиона рублей, а из-за кризиса внутри страны – 3,84 триллиона рублей. Новые параметры бюджета рассчитаны исходя из прогноза Минэкономки снижения роста ВВП на 2,2% и падения промышленного производства на 7,4% к концу 2009 г.

В первую очередь в бюджете были сокращены расходы на оборону. Больше всех потеряли вооруженные силы – 77,1 млрд. руб. Также урезаны бюджеты МВД, ФСБ и МЧС. Только расходы на ядерно-оружейный комплекс пришлось сократить с первоначально запланированных на 2009 г. 22,4 до 19,1 млрд. руб. Секвестр военного бюджета поставил реализацию всей задуманной реформы под вопрос.

¹³⁶ Доклад Министра обороны Российской Федерации на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации. 17 марта 2009 г. <http://www.army.lv/?s=616&id=17673>.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Алжир отказывается от российских МиГов // BBCRussian.com. 2008. 18 февраля. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7250000/7250069.stm.

Если в целом расходы Минобороны сокращены на 8%, то ключевой для военного ведомства раздел «Национальная оборона» (по нему обеспечивается более 80% военного бюджета) урезан еще больше – на 10,5%, с 1,34 до 1,2 трлн. руб. Некоторые расходы, имеющие отношение к военной реформе, просто пошли под нож. Сокращение расходов Минобороны в кризисном бюджете 2009 г. по некоторым статьям выглядит следующим образом (в процентах к первоначальному варианту бюджета): Вооруженные Силы – 80 млрд. руб. (8%); мобилизационная подготовка – 3 млрд. руб. (45,8%); ядерно-оружейный комплекс – 3,4 млрд. руб. (15%); научные исследования – 13,4 млрд. руб. (8%); другие оборонные расходы – 46,2 млрд. руб. (28,2%).

Таблица 1.

Сокращение расходов на оборонные нужды в пересмотренном бюджете на 2009 г.

Статьи расходов	Объем сокращения (млрд. руб.)
Вооруженные силы	
Топливо	19
Программа развития космодромов	4
Развитие системы ГЛОНАСС (Глобальная навигационная спутниковая система)	2
Военная ипотека	5
Капитальный ремонт зданий	2
Продовольственное обеспечение	1,8
Вещевое довольствие	1,2
Страхование жизни военнослужащих	1
Командировочные расходы	0,5
Другое	41,5
Другие оборонные расходы	
Программа комплектования сержантских должностей контрактниками	16
Уничтожение запасов химического оружия и ракет	11
Капитальное строительство	9
Создание базы Черноморского флота в	1,6

Новороссийске

Другое

8,4

Источник: Правительство РФ

Совершенно очевидно, что попытки сохранить объем средств, выделяемых на модернизацию и закупку вооружений, могут осуществляться лишь за счет других статей военного бюджета. А значит, – за счет поддержания уровня боеготовности и боевой подготовки личного состава, а также социального обеспечения военнослужащих.

Непродуманность начала масштабных военных реформ дала повод для критики России на Западе. В период мирового финансового кризиса, когда Европа и США спасают свои банки, Россия запланировала масштабное перевооружение армии с 2011 г. По некоторым прогнозам аналитиков только к этому времени стадия глубокого кризиса закончится и начнется восстановление финансовой инфраструктуры. С учетом всех этих факторов можно предположить, что задуманное изменение облика ВС к 2012 г., конечно же, не завершится, а запланированное на 2011 г. перевооружение растянется на десятилетия.

Кроме всего прочего только в связи с масштабным сокращением личного состава в ВС, реорганизацией центрального аппарата управления и военно-учебных заведений, сокращением числа частей и соединений и передислокацией оставшихся в условиях нынешнего кризиса, помимо временного снижения боеготовности и боеспособности, возможно возникновение негативных социальных, а, возможно, и политических последствий. А это только будет способствовать поддержанию и усилению общей нестабильности.

**Садовая Е.С.,
зав. сектором Отдела социально-трудовых исследований
ИМЭМО РАН, к.э.н.
Российский рынок труда: условия преодоления кризиса**

В последнее время одной из самых обсуждаемых как в прессе, так и в научной литературе стала проблема мирового кризиса и его влияние на развитие экономической ситуации в России. Интересно проследить, как изменялось отношение к кризису в течение последних месяцев – в начале осени 2008 года само слово «кризис» считалось табу, затем признавалось, что набирает силу «мировой финансовый кризис», потом был поставлен вопрос о необходимости реализации срочной и эффективной программы антикризисных мер.

В этой связи хотелось бы определиться с тем, о каком именно кризисе мы будем говорить. Несомненно, в мире разразился значительный по масштабам кризис, начавшийся в финансовой сфере, а затем охвативший экономику. Конечно, этот кризис, так или иначе, влияет на экономику России, уже ставшую частью мирового экономического пространства. Однако существуют еще и кризисные явления, которые носили латентный характер и присутствовали в нашей экономике на протяжении последних десятилетий, а некоторые и еще дольше. Под влиянием общемировых тенденций эти кризисные явления просто вышли на поверхность и стали более очевидными. Проявляются они, в том числе, и в ситуации, складывающейся в области за-

нятости.¹³⁹ Нам хотелось бы подробнее остановиться на рассмотрении именно этих проблем, а конкретнее, проанализировать кризисные явления и связанные с ними социальные риски, присутствующие в явном или скрытом виде в экономике страны, а, следовательно, обнаруживающие себя и на российском рынке труда.

Социальные риски мы понимаем как совокупность неблагоприятных последствий определенных политических и экономических решений, угрожающих социальному благополучию значительных групп населения или социальной стабильности общества в целом.

Практически все страны в условиях мирового экономического кризиса сталкиваются с необходимостью увеличения государственного присутствия в экономике, выработки и реализации специальных программ поддержания национальных экономик и занятости с тем, чтобы противостоять серьезному падению производства, а, следовательно, ухудшению материального положения значительных групп населения. Ошибочный выбор стратегии решения этих проблем, а также отсутствие стратегии вообще многократно усиливают социальные риски, могут послужить серьезным фактором экономической и политической дестабилизации ситуации.

В России кризис проявляется не просто в снижении экономической активности, росте безработицы, он выявляет также те проблемы структурного характера, которые накапливались на протяжении последних десятилетий. Собственно говоря, основной проблемой можно назвать то, что за годы экономических реформ в стране так и не удалось создать механизмов роста, не связанных с развитием добывающих отраслей, не удалось сформировать ту инновационную структуру экономики, которая позволила бы России претендовать на достойное место среди высокоразвитых стран мира. Тот недостаток, который ставился «в вину» социалистической экономике – экстенсивный ее характер, так и не преодолен до настоящего времени.

Исследования специалистов между тем свидетельствуют, что российская экономика еще до начала кризиса исчерпала возможности дальнейшего экстенсивного роста. Очевидно, что развиваться в рамках старой экстенсивной парадигмы уже невозможно, необходимо переходить на качественно новый уровень экономического роста. Собственно эта задача в последние годы в качестве основной декларируется во всех без исключения программных документах правительства, ведущих политических партий, об этом же говорят ученые и специалисты.

Однако пока мало того, что не произошло значительных структурных преобразований экономики, но и не были созданы предпосылки (институциональные, законодательные), которые сделали бы такие реформы возможными. В результате достаточно противоречивой экономической политики в последние годы наблюдался даже определенный регресс отраслевой структуры занятости при некоторых положительных изменениях ее профессионально-квалификационной структуры (достаточно неоднозначных). В силу относительно быстрой интеграции России в мировую хозяйственную систему в последние годы наиболее быстрыми темпами росла занятость в экспортно-ориентированных отраслях. Проблема состоит в том, что основными экспортными отраслями для России были и остаются отрасли добывающего сектора, занятость именно в этих отраслях и развивалась в послереформенные годы наиболее интенсивно и стабилизировалась на достаточно высоком уровне лишь в последние несколько лет.

Только в период с 1992 по 2000 годы занятость в нефтедобывающей промышленности выросла более чем в полтора раза, в газовой – более чем в 2 раза. За то

¹³⁹ Занятость в данном случае можно рассматривать как комплексную социально-экономическую категорию, своеобразный индикатор, достаточно наглядно характеризующий экономическую и социальную ситуацию, складывающуюся в стране.

же время, численность занятых в машиностроении и металлообработке уменьшилась за этот же период в 1,8 раза, в легкой промышленности – в 2,2 раза. За это же время наибольшее сокращение занятости, наряду с сельским хозяйством, произошло в науке и научном обслуживании.¹⁴⁰ Данные Росстата свидетельствуют, что до последнего времени наиболее привлекательной для работников оставалась занятость в добывающих отраслях (особенно в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых). В последние годы «пальму первенства» с этими отраслями разделил также спекулятивно-финансовый сектор, занятость в котором только с 2005 по 2007 годы увеличилась на сто тысяч человек.¹⁴¹ Численность занятых в обрабатывающих производствах, отраслях определяющих инновационный характер экономики, в этот же период сокращалась, иногда весьма и весьма существенно. Можно сказать, что структурные преобразования на российском рынке труда все же происходили, но носили они скорее регрессивный характер. Причин сложившейся ситуации множество. Цена труда – один из важнейших факторов, определяющих отраслевую и профессионально-квалификационную структуру занятости.

Вообще, проблема оплаты труда, несомненно, является одной из актуальнейших социально-экономических проблем современной России, требующей своего скорейшего решения. С социальной точки зрения сохранение низкого уровня оплаты труда привело к появлению такого понятия, как «бедность работающих», когда человек, даже работая, не в состоянии обеспечить достойных условий жизни для себя и своей семьи. С экономической точки зрения дешевый труд – одно из важнейших условий консервации отсталой структуры экономики, никоим образом не стимулирующий предпринимателей вкладывать деньги в техническое перевооружение предприятий и внедрение современных трудосберегающих технологий.

Проблема повышения уровня оплаты труда в последние годы заявлена как ключевая задача социально-экономической политики государства. Статистика свидетельствует, что в политике оплаты труда в последние годы действительно произошли значительные положительные сдвиги. Так, если в 2004 году размер среднемесячной заработной платы по народному хозяйству составил 6740 рублей, в 2005 – 8555, в 2006 – 10634, в 2007 – 13527, то по состоянию на декабрь 2008 – уже 21681 рублей.¹⁴² Однако, эта же заработная плата, рассчитанная в ценах 1991 года, составляет: 1991 год – 548 рублей, 2004 – 407, 2005 - 459, 2006 - 520, 2007 – 607 рублей.¹⁴³ То есть, только в 2006 году средняя заработная плата сравнялась со средней заработной платой, выплачиваемой в 1991 году, и только в 2007 году превысила этот уровень чуть больше, чем на 10%. Поэтому говорить о кардинальном изменении ситуации в области оплаты труда и повышения доходов населения пока, к сожалению, не приходится.

Такой низкий уровень оплаты труда традиционно связывался с низкой производительностью труда в российской экономике. Однако во многом такой ее уровень является результатом неэффективности самой экономики, ее несбалансированной структуры, отсутствия ресурсосберегающих стимулов, невосприимчивости к инновациям, перекосам в политике заработной платы, большой доли морально и физически устаревшего оборудования. Достаточно сказать, что средний возраст оборудо-

¹⁴⁰ Российский статистический ежегодник 1998. Труд и занятость в России. 2001.

¹⁴¹ Рост занятости в отраслях финансового сектора не обеспечил, однако, повышения его конкурентоспособности. Недаром Ассоциация российских банков выступала категорически против вступления России в ВТО, аргументируя это тем, что российские банки и страховые компании не выдержат конкуренции с зарубежными банками и страховыми компаниями.

¹⁴² Росстат, http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-08.htm; Социально-экономическое положение России. Январь-февраль 2009. М.: 2009. С. 225.

¹⁴⁴ Там же.

вания российских предприятий составляет свыше 20 лет,¹⁴⁴ что намного выше, чем в развитых странах. Заработная же плата зачастую не только не выполняет свою важнейшую функцию – воспроизводства рабочей силы, но и не обеспечивает стимулирования более производительного и качественного труда, повышения качественных характеристик занятого населения.

Кроме существенного повышения уровня оплаты труда в экономике следует реформировать и саму систему оплаты труда. К сожалению, за последние годы здесь также накопилось много проблем – и, прежде всего, серьезные диспропорции и перекосы в уровнях оплаты труда в разрезе отдельных отраслей и регионов, увеличение разрыва между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми группами работников. Характерно, что на 20% наиболее высокооплачиваемых работников приходится более половины всего фонда оплаты труда.

Как сообщает заместитель руководителя Федеральной службы государственной статистики, «анализ показывает, что в целом по Российской Федерации, несмотря на некоторое снижение в последние годы дифференциации работников по уровню заработной платы, она остается очень высокой. Так, если в начале 90-х годов соотношение средней заработной платы работников, попадающих в крайние 10-ти процентные группы (наиболее и наименее оплачиваемых работников) составляло менее 8 раз, в середине 90-х годов – более 20 раз, в конце 90-х годов – превысило 30 раз. С 2001 года (когда было отмечено наибольшее значение этого показателя – 40 раз) это соотношение снизилось до 22 раз».¹⁴⁵ Еще более существенные различия наблюдаются в региональном разрезе.¹⁴⁶

«Социальную опасность» сохранения такой ситуации оставим за скобками. В данном случае нам важнее проблемы, порождаемые подобным положением в экономике, и возникающие в этой связи социально-экономические риски. Следует отметить, что наряду с низким уровнем оплаты труда и значительной ее дифференциацией между высоко и низкооплачиваемыми категориями работников сохраняется высокая дифференциация средней заработной платы по отраслями экономики, что, в большинстве случаев, экономически не оправданно. Более того, разрыв этот постоянно увеличивается. Например, если дифференциация средней заработной платы в сферах финансов, кредита, страхования и образования в 1990 году составила 2 раза, то в 2002 году – в 4,3 раза, а в 2007 году – в 4 раза. В 1990 году средняя заработная плата работников, занятых в геологии и разведке недр, была выше, чем в сфере финансов на 4%, а в 2002 году она составила лишь 65% от уровня зарплаты финансистов. По данным Росстата, в 2007 году заработная плата в образовании была в 1,6 раза ниже, чем в строительстве, в 3,2 раза ниже, чем в производстве нефтепродуктов, более чем в 4 раза ниже, чем в финансовой деятельности.

Значителен и разрыв в уровнях оплаты труда в добывающих и обрабатывающих отраслях. Так, в 1995 году заработная плата в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых была в 2,7 раза выше, чем в обрабатывающей промышленности, в 2000 году – в 3 раза, в 2007 году – в 2,6 раза.

Значительны различия в оплате труда внутри самой промышленности. Так, в 1990 году средняя заработная плата работников топливной промышленности была выше, чем в легкой в 1,8 раза, в 2002 году – в 5,5 раза, в 2007 году – в 4,5 раза. В

¹⁴⁴ Поиск. 2006. № 36. С. 4.

¹⁴⁵ Лайкам К.Э. статистика труда: тенденции развития - Материалы конференции. Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 21 ноября 2007 г. / Под ред. Профессоров Ахинова Г.А., Елизарова В.В., Жильцова Е.Н., Колосовой Р.П. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 47.

¹⁴⁶ См., например, Зубаревич Н.В. Региональные тенденции социального развития в период экономического роста – Материалы конференции. Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 21 ноября 2007 г. / Под ред. Профессоров Ахинова Г.А., Елизарова В.В., Жильцова Е.Н., Колосовой Р.П. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 78-86.

машиностроении и металлообработке – соответственно в 1,5, 3 раза и 2,2 раза, в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности – в 1,5, 3,6 и 3,2 раза.¹⁴⁷

Если принять за 100 % общероссийский уровень среднемесячной оплаты труда, то оплата труда в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых составит 220 %, производстве кокса и нефтепродуктов – 210 %, финансовой деятельности – 260 %. На другом полюсе по уровню оплаты труда находятся такие отрасли, как сельское хозяйство – 48%, обрабатывающие отрасли в целом – 87% (из них текстильное и швейное производство – 43%, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви – 49%, обработка древесины и производство изделий из дерева – 57%, производство готовых металлических изделий – 71%, производство машин и оборудования – 86%), образование – 71%, здравоохранение и предоставление социальных услуг – 83%.¹⁴⁸

При этом самая высокая доля работников, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, сконцентрирована в таких отраслях, как образование (28,7%), здравоохранение (15,4%) и сельское хозяйство (16,5%). Во всех остальных видах хозяйственной деятельности эта доля не превышает 5-7%.¹⁴⁹

Такая дифференциация мало того, что экономически неоправданна и не обеспечивает справедливого стимулирующего воздействия заработной платы, но и ведет к консервации сырьевой отраслевой структуры занятости, является серьезным препятствием для становления инновационной экономики, способствуя сохранению сырьевого характера экономического роста, поскольку стимулирует перелив рабочей силы в добывающие отрасли. Существенный приток занятых при этом отнюдь не способствует их техническому перевооружению. Низкий уровень зарплат в отраслях, способных стимулировать инновационное развитие, только усугубляет проблему. Таким образом, сложившиеся диспропорции в оплате труда серьезным образом тормозят процесс структурной перестройки российской экономики, перевод ее на инновационные рельсы. Характерно, что в таком же направлении на рынок труда, действуют и процессы, происходящие в сфере образования, некоторые институциональные проблемы функционирования рынка труда, налоговая и тарифная политика.

Сколько бы мы ни пытались объяснить наши экономические проблемы «мировым финансовым кризисом» и переложить вину за возникновение этих проблем на внешние обстоятельства, жизнь все равно ставит нас перед необходимостью признать все проблемы, существующие в нашей экономике, и искать пути их решения, иначе наше отставание может стать необратимым. Уже и сейчас возможности существенного прорыва весьма проблематичны, поскольку остальной мир развивается очень динамично.

Самой главной из стоящих перед страной проблем является проблема структурных преобразований в экономике. Причем в силу значительности накопившихся в этой области нерешенных задач, проблему эту следует из разряда экономических перевести в разряд социально-экономических и социально-политических, поскольку создаются реальные угрозы для уровня жизни значительной части населения страны. Ведь преобразование сложившейся отраслевой структуры экономики потребует, в том числе, осуществления значительных по масштабам переливов рабочей силы между отраслями и сферами экономики, что с неизбежностью приведет к росту безработицы (хорошо, если это будет структурная, а не застойная безработица). Очевидно, что этого больше всего боятся власти. И эта боязнь способна в очередной

¹⁴⁷ Росстат, http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-07.htm.

¹⁴⁸ Социально-экономическое положение России. Январь-февраль 2009. М.: 2009. С. 226-228.

¹⁴⁹ Данные Росстата за апрель 2007 года.

раз «законсервировать» проблему «до лучших времен», которые могут и не наступить в случае непринятия самых решительных мер и действий.

Уровень социальных рисков и в том, и в другом случае весьма высок. Достаточно сказать, что те структурные проблемы, о которых говорилось выше, имеют не только отраслевое, но и территориальное измерение. Так, по оценкам специалистов от 12 до 24 миллионов россиян проживают в моногородах. В настоящее время (в отсутствие четко выстроенной промышленной политики) вряд ли кто-то сможет точно спрогнозировать, какое количество градообразующих предприятий смогут адаптироваться к новым условиям, а какие из этих предприятий будут объявлены банкротами. Еще менее ясными представляются перспективы переобучения и переквалификации занятых на этих предприятиях, перспективы возможного изменения высвободившимися работниками места жительства и места работы. Совершенно очевидно другое: попытки выживать в рамках старой экстенсивной парадигмы не менее рискованны, как с экономической, так и с социальной точки зрения. Главная стратегия выживания в старой парадигме – накопить значительные средства в период хорошей экономической конъюнктуры и высоких цен на энергоносители, а затем «переждать» ухудшение ситуации, ничего при этом не меняя. Однако зависимость страны от внешнего спроса на энергоносители, незначительная роль внутреннего спроса в создании ВВП, делает экономику страны слишком уязвимой и недостаточно управляемой.

Единственной альтернативой такому подходу, как уже отмечалось выше, и выступает реструктуризация экономики, проведение которой невозможно без серьезных преобразований в сфере занятости населения. При значительном масштабе существующих в экономике проблем (накопившихся не только за годы реформ, но и за предшествующие десятилетия) очевидно, что обществу в целом придется заплатить немалую цену за их осуществление.

Набор возможных решений достаточно очевиден. Имеется в виду, в первую очередь, выработка промышленной политики с выделением приоритетных для нашей экономики секторов и отраслей. К таким отраслям могут быть отнесены: сельское хозяйство, туризм, отрасли промышленности, работающие на удовлетворение внутреннего спроса населения и бизнеса (к сожалению, именно эти отрасли, за исключением сельского хозяйства, в условиях экономического кризиса испытали наибольшее падение производства). Возможно сохранение предприятий ВПК при условии, во-первых, повышения эффективности и технологичности этих предприятий и, во-вторых, при сохранении высокого уровня государственного спроса на продукцию этих отраслей, переориентации их с внешнего на внутренний рынок. Заметная роль в поддержании темпов экономического роста может принадлежать строительной индустрии, обладающей значительным мультипликативным потенциалом. Однако развитие строительства возможно лишь при условии значительного повышения технологичности отрасли, снижения себестоимости жилья и превращения его из инвестиционного инструмента в реальный товар, доступный значительной части населения страны.

Существенная роль в новых экономических условиях должна отводиться отраслям, работающим на повышение качественных характеристик занятого населения – образованию и здравоохранению и социальному обслуживанию, а также науке и научному обслуживанию, обеспечивающим инновационный характер экономического роста.

Реализация этих мер потребует изменения политики в области оплаты труда, тарифной, налоговой, амортизационной политики. Несомненно, допустимыми являются и меры по защите внутреннего рынка, которые не должны, однако, способствовать сохранению неэффективных производств. Многие из этих мер продекларирова-

ны правительством, некоторые приняты и реализуются, но носят явно недостаточный и несистемный характер, что обусловлено отсутствием четких приоритетов и целей экономического развития страны. Необходима и в корне иная политика государства на рынке труда. Для России выработка активной позиции государства на рынке труда назрела давно.

То, что необходимые преобразования не были проведены в предшествующие годы – серьезная претензия к власти, но совершенно очевидно, что и общество в целом не было готово существенным образом менять сложившийся «статус кво». Рост цен на нефть и другие традиционные экспортные российские товары позволяли отодвигать проведение реформ на неопределенное будущее, создавая видимость общего благополучия. Наверное, возможно говорить о наличии определенного «общественного договора» между обществом и властью, который формулируется следующим образом – общество поддерживает власть при условии, что каких-либо значительных преобразований, угрожающих стабильности положения значительной части населения проводиться не будет. В этом смысле ответственность за непроведенные реформы в равной степени должны разделить общество и власть.

Ответственность же в данный момент состоит в том, что Российская Федерация стоит перед необходимостью проведения серьезных экономических преобразований с тем, чтобы не отстать окончательно в условиях жесточайшей межстрановой конкуренции и не утратить экономический суверенитет. Насколько же в настоящей ситуации (ситуации экономического кризиса) власть и общество готовы к проведению серьезных преобразований?

Как уже отмечалось, реструктуризация экономики – процесс болезненный. Есть несколько возможных путей осуществления такого рода реформ, однако в современных условиях наиболее реалистичным с точки зрения успешности достигаемых результатов представляется проведение реформ на основе консенсуса (или, возможно, компромисса) между основными группами интересов, существующими в данном обществе. Экономическая суть реформ (становление инновационной экономики) предполагает активное и творческое участие большинства членов общества в происходящих преобразованиях, хотя бы в части формирования высокого уровня качественных характеристик каждого занятого в экономике работника. Такой уровень участия предполагает заинтересованность или, как минимум, четкое понимание сути происходящего, принятие «правил игры» и представление о желаемых конечных результатах и той цене, которую придется заплатить за это. Баланс потерь и приобретений должен быть более или менее «справедливым» в глазах подавляющей части общества.

Опыт развитых стран подтверждает, что без консолидации общества проведение серьезных реформ невозможно. Компромисс, однако, возможен только в условиях зрелого гражданского общества со сформировавшимися институтами представительства различных групп интересов. Для России проблема формирования эффективного и реально работающего гражданского общества пока в большей степени получила разрешение в теории, нежели на практике. Вроде в обществе складывается понимание того, что сильное гражданское общество является не только предпосылкой справедливого распределения результатов общественного труда, но и повышения его эффективности. Однако в практике управления социально-экономическим развитием страны эта теория своего подтверждения не находит.

Проблема, на наш взгляд, заключается даже не в размерах спада и объемах финансирования, необходимых для поддержания экономики, а в том, что вся архитектура системы (политическая, система управления экономикой, межбюджетные отношения, законодательство) не способствуют проведению серьезных структурных преобразований на основе достижения общественного компромисса. Сложившаяся

социальная структура также не позволяет говорить о том, что есть социальные группы, готовые поддержать реформы, обещающие быть достаточно болезненными для весьма значительной части общества и принять на себя часть ответственности за проведение этих реформ.

Собственно о том, что потребность «делиться ответственностью» у государства существует, свидетельствуют активные консультации власти с различными институтами гражданского общества (профсоюзами, бизнесом, экспертным сообществом, оппозиционными СМИ) в период обсуждения антикризисной программы. Но и до начала кризиса определенно зрело осознание необходимости найти в обществе (в самом широком смысле этого слова) ту «точку опоры», которая позволила бы «перевернуть» ситуацию в экономике. Об этом говорят упорные попытки найти (или сформировать) российский средний класс, особенно активизировавшиеся в предкризисные годы. Этой проблеме придавалось особое значение, она приобрела, пожалуй, уже не столько социально-экономический, сколько политико-идеологический характер, став практически чуть ли не национальной идеей. Не случайно на секции Форума "Стратегия-2020" "В поисках среднего класса" обсуждались меры, которые должны были бы способствовать «формированию в российском обществе ответственного активного и профессионального слоя граждан, способных качественно изменить экономику страны и вывести ее на новый уровень развития». Появился даже такой термин как «ребрендинг» понятия «средний класс».

Логика происходящего совершенно очевидна - идея формирования «среднего класса» это идея создания основы стабильности общества, базирующейся на понимании того, что невозможно добиться успеха в экономическом развитии в условиях современных вызовов без принятия сценария реформ всем обществом (или хотя бы значительной его частью). Формирование среднего класса – это, в сущности, вопрос легитимации власти, но если в развитых странах – *post factum*, то у нас ставилась задача «сконструировать» средний класс *argiōi* поддерживающий власть.

Однако когда мы говорим о «среднем классе» в развитых странах (откуда собственно и происходит данное понятие), мы подразумеваем социальные группы, имеющие определенный уровень доходов и обладающие, кроме того, целым набором социально-экономических, социально-демографических и социально-культурных характеристик, делающих средний класс устойчивым статистическим понятием. Главными отличительными чертами среднего класса (помимо его «политической благонадежности») являются высокий адаптационный потенциал и инновационный характер занятости.

Что касается России, то здесь ситуация с формированием «среднего класса» весьма и весьма неоднозначна. И объясняется это не только переходным характером нашего общества. Понятно, что в стабильных экономически развитых обществах доля населения, относимого к «среднему классу» выше, чем в развивающихся обществах, которым необходимо пройти серьезные структурные трансформации. Однако тревожно другое – если брать за основу отнесения к среднему классу уровень доходов населения, то в нашей стране к нему относятся отнюдь не те, кто имеет высокий уровень образования и квалификации и не те, кто является носителем тренда инновационного развития общества. Получилось так, что у нас средний класс формировался не по признакам более высокого уровня образования и квалификации (обязательно связанных и с более высоким статусом, и с более высоким доходом), а по отраслевому принципу. Это особенно тревожно, так как наиболее высокий уровень доходов, как мы уже отмечали выше, формируется отнюдь не в отраслях, определяющих инновационный характер экономики, а в добывающих отраслях и некоторых ориентированных на экспорт отраслях не самого высокого уровня технологического развития. В сущности, это отрасли, производящие полуфабрикаты, вывози-

мые на экспорт (металл, лес, полуфабрикаты для химической промышленности). Как мировая экономика росла за счет нерегулируемого роста «виртуальных» денег, так у нас формировалась во многом «виртуальная» экономика и сложился «виртуальный» средний класс. Виртуальный в том смысле, что его благополучие целиком зависит от факторов, лежащих вне экономики страны, а потому в слабой мере поддающихся государственному регулированию.

Если учесть, что цены на нефть – категория крайне нестабильная, то перспективы сохранения среднего класса весьма неопределенны. Такой средний класс вряд ли можно рассматривать как социальную опору реформ. Таким образом, можно с сожалением констатировать, что в России не сложилось гражданское общество, которое смогло бы стать социальной базой проводимых преобразований. Но главная проблема, на наш взгляд состоит в том, что власть не смогла пока донести до общества приемлемую для него стратегию реформ, что в отсутствие прозрачности реализации принимаемых решений, не позволяет пока говорить об общественном консенсусе, который позволил бы провести необходимые преобразования в экономике. Пока можно говорить лишь об адаптационном варианте управления экономикой в условиях кризиса, что находит свое отражение и в ситуации, складывающейся на рынке труда. Однако такая ситуация таит в себе значительные, отложенные на некоторое время (по-видимому не очень долгое), социальные и экономические риски.

Сауткина В.А. к.и.н., ст.н.с. ИМЭМО РАН
Проблемы качества занятости и пути оптимизации кадрового потенциала в инновационной сфере

Показатели качества занятости населения являются одним из важнейших индикаторов социального, экономического и культурного развития современного общества. Однако с конца 90-х годов проблемам качества занятости уделялось мало внимания, как в соответствующих государственных документах, так и в научных публикациях. Отчасти это объясняется тем, что с появлением в начале 90-х безработицы вопросы качества занятости отступили на второй план. Вместе с тем, категории занятости и безработицы тесно взаимосвязаны. С одной стороны, очевидно, что явления трудовой избыточности практически уже не существует, но, в то же время, наличие почти пяти миллионов безработных не вполне справедливо отнести к безработице естественной. Существуют резервы для того, чтобы максимизировать занятость путем поиска более эффективных форм управления кадровым потенциалом.

В последние годы в России произошли некоторые позитивные изменения в структуре занятости, что и явилось одним из условий экономического роста в период, предшествующий началу финансового кризиса, начавшегося в конце 2008 года. Данные статистики красноречиво свидетельствуют, что за эти годы страна превратилась из индустриально-аграрной в индустриально-торговую. В современных условиях производство услуг, а не товаров становится доминантой экономического развития. В России с конца девяностых годов рост численности занятых наблюдался именно в сфере услуг. Эту тенденцию отражает значительный рост производства ВВП именно в этой отрасли. В 1992 году на ее долю приходилось 35,9 % произведенного ВВП, а к 2003 уже приблизилось к 70%.¹⁵⁰ В целом, за эти годы, в стране произошли некоторые положительные изменения структуры занятости населения, что и дало возможность усилить темпы экономического роста в начале 2000 годов. Однако уже в середине двухтысячных годов появились тревожные тенденции: в

¹⁵⁰ Российский статистический ежегодник 2000. М., 2000, С. 253. Там же, 2004, С.303.

сфере услуг происходит значительный рост занятых в оптовой и розничной торговле, общественном питании, где, как правило, воспроизводятся рутинные методы обслуживания. В современных условиях назрела необходимость существенных изменений в микроструктуре занятости населения в сфере услуг в плане ее интеллектуализации, применения новейших методов логистики, маркетинга и программного обеспечения. Первостепенное значение приобретает профессиональное управление работниками, овладевшими новейшими технологиями. Необходимы новации в управлении кадровым потенциалом в инновационной сфере. Однако данные статистического исследования инноваций показывают, что именно в этой направлении российский бизнес проявляет наименьшую активность.¹⁵¹

Анализ отраслевой структуры занятости отражает направление тех изменений, которые произошли в экономике в целом. Состав занятого населения по статусу занятости, распределение его по занятиям и сферам деятельности позволяет оценить глубину рыночных отношений, а также степень готовности экономики реализовать планы перехода к инновационному пути развития. В первую очередь, необходимо учитывать, что дальнейшее развитие экономики будет происходить в условиях сокращения численности населения, что, в свою очередь, ведет к дефициту предложения труда. В условиях кризиса, появляется некоторая возможность использовать временную избыточность на рынке труда в целях переобучения и повышения квалификации работников. При сокращении численности занятых, оптимизация кадрового потенциала приобретает особую актуальность. Выполнение необходимой работы наилучшим образом при минимальном количестве персонала предполагает, в первую очередь, повышение профессионализма работников. Высокая квалификация национальной рабочей силы могла бы стать одной из главных предпосылок повышения конкурентоспособности российской экономики в целом. Кроме того, по мнению экспертов, в России существуют также резервы для того, чтобы минимизировать потери занятости из-за безработицы и, тем самым, оптимизировать занятость. Категории занятости и безработицы тесно взаимосвязаны и являются показателями соответствия спроса и предложения труда. Спрос на рабочую силу систематически меняется в сторону потребности в квалифицированных кадрах. У нас, как правило, в лучшем случае, ведется борьба с последствиями безработицы, вместо того, чтобы ее упреждать. Для России характерны также низкие темпы снижения продолжительности поиска работы. Практика показывает, что примерно 4 из 10 безработных ищет работу более года. За такой период человек практически теряет свои знания и навыки, то есть деквалифицируется. Необходима переподготовка таких работников на специализированных курсах. Все это могло бы стать важным моментом в деятельности государственной службы занятости в кооперации с предпринимателями, заинтересованными в повышении квалификации своего персонала.

Помимо перечисленных выше, к категории показателей качества занятости относятся также: структура занятого населения по уровню образования, профессиональной подготовке, возрасту и состоянию здоровья. Эти показатели, в свою очередь, определяют качество труда и его производительность. Решение проблемы пополнения численности занятого населения в условиях перехода к экономике инновационного развития предполагает обязательное повышение его качественного состава за счет более эффективной системы профессионального образования. Данные обследования населения по проблемам занятости показывают, что структура образования экономически активного населения с начала 1990-х годов и по настоящее время существенно изменилась. Значительно возросла доля лиц, имеющих высшее профессиональное образование : с 15,8% в 1992 году до 23,8% к середине 2000-х годов.

¹⁵¹ Кузнецова И.А., Гостева С.Ю., Грачева Г.А. Методология и практика статистического измерения инновационной деятельности в экономике России: современные тенденции. // Вопросы статистики, 5, 2008, С.33.

Значительно возросла доля лиц, имеющих начальное профессиональное образование с 9,1 % в 1999 году до 17,7% в 2004 году. В это же время, среди экономически активного населения наметилась тенденция к сокращению доли лиц, имеющих среднее профессиональное образование. Все еще велико число людей, которые вообще не имеют профессионального образования. Однако, по сравнению с 1992 годом, к середине 2000-х годов их число все же сократилось с 51,0% до 30,6% соответственно.¹⁵² В целом, благодаря такому значительному росту профессионализма экономически активного населения страны, было бы справедливым ожидать значительного повышения эффективности труда, однако, этого не произошло. Высокий уровень производительности труда является одним из принципиальных показателей качества занятости. В России, в период с 1990 по 1998 гг. произошло существенное, почти на треть, падение производительности труда, вызванное экономическим кризисом. Низкий уровень реально начисляемой заработной платы, старение оборудования и низкие темпы его обновления не способствовали трудовой активности. По мере выхода из кризиса производительность труда начала расти, однако темпы роста заработной платы стали превышать темпы роста производительности труда, что неминуемо вело к увеличению стоимости продукции и услуг. Среди прочих равных причин такого положения можно назвать и низкое качество базового, и профессионального образования занятого персонала. Предприниматели, например, справедливо жалуются на низкий уровень профессиональной подготовки молодых специалистами в вузах. Однако и сами предприятия проявляют мало активности в организации обучения, подготовки и переподготовки своих сотрудников в связи с внедрением технологических, маркетинговых или других видов инноваций. Причина в острой нехватке средств: на обучение персонала. В нашей стране на эти цели тратится около 0,3% от фонда заработной платы, тогда как в странах с развитой экономикой от 10% до 20%. В результате отсутствия хорошо налаженной системы подготовки и переподготовки кадров, необходимых предприятиям, значительная часть экономически активного населения остается невостребованной. Складывается парадоксальная ситуация, когда в условиях отсутствия свободных трудовых ресурсов наблюдается качественное несоответствие спроса и предложения труда. Такая ситуация, во многом, является следствием рассогласования действий профессиональных учебных заведений, готовящих не те кадры, которые необходимы, и предприятий, которые не проявляют должной активности в деле организации переподготовки персонала.

Качественный состав занятого населения в достаточной степени определяется и его возрастной структурой. С начала 1990-х годов в России начался процесс старения занятого в экономике страны населения. Это вызывает определенные трудности, так как развитие современной экономики связано с необходимостью частой смены видов продукции и услуг, технологий и оборудования. Очевидно, что чем старше человек, тем больше усилий ему необходимо для освоения новых приемов работы. В этой связи, наряду с заботой о профессиональной подготовке молодых поколений работников, необходимо организовать систему переподготовки специалистов средних и старших возрастов, имеющих профессиональную подготовку и успешно работающих при старых технологиях. Возможно, для этого в значительной степени должны измениться задачи федеральной службы занятости.

В условиях ускорения процессов обновления технологий и оборудования важным условием эффективного использования занятого населения становится создание условий для повышения уровня его мобильности. Причем это касается не, только свободного перемещения населения по территории страны, но и мобильности

¹⁵² Обследования населения по проблемам занятости. Ноябрь 1999 г. Выпуск 2. С. 48; Ноябрь 2004 г. С. 48.

вертикальной, предполагающей повышение квалификации и служебного роста. В настоящее время мобильность выступает не только необходимым инструментом распределения и перераспределения работников по видам деятельности, но осуществляет также и селективные функции, выявляя работников, способных к работе на инновационных предприятиях. Статистика фиксирует возрастание уровня мобильности кадров, так, например, в 1993 году он составлял 46,2%, а к 2003 году уже 60,5%.¹⁵³ Столь высокий уровень оборота кадров показывает, что в экономике происходят процессы, связанные с обновлением. Вместе с тем, характер этих обновлений и степень участия в них тех или иных слоев населения, реально возможно оценить лишь с помощью более глубоких исследований, направленных на изучение различных аспектов социальной структуры занятых в экономике страны работников.

Изучение состава экономически активного населения по статусу занятости позволяет, в значительной степени, оценить глубину развития в стране рыночных отношений. Обследования населения по проблемам занятости в России регулярно проводятся силами федеральной статистической службы (Росстат). Данные этих обследований показывают, что в структуре занятого населения стало активно увеличиваться число работодателей, то есть лиц, которые работают самостоятельно или с одним или несколькими партнерами на собственных предприятиях и нанимают на постоянной основе наемных работников. Важно, что группа работодателей в стране постоянно растет, если к концу девяностых годов она составляла чуть менее одного процента, то уже к середине 2000-х около 1,5% от всех занятых.¹⁵⁴ Кроме того, в структуре занятого населения динамично развивается слой работающих самостоятельно или с одним или несколькими партнерами. Темпы роста этой категории занятых пока не столь значительны, как хотелось бы, но уже к середине 2000-х годов они составляли 5% от всех занятых и вместе с предпринимателями, осуществляющими свою деятельность с использованием наемных работников на постоянной основе, стали наиболее активной силой в развитии экономики страны. Кроме того, заметным явлением в меняющейся структуре занятого в стране населения стало появление большого числа людей, работающих не по найму. Наибольшее число таких работников осуществляют свою деятельность, в так называемом «неформальном» секторе экономики. В научной среде состоялась дискуссия по поводу дальнейшей роли той части населения, которая занята в этом секторе экономики. Одни считали, что эта прослойка занятых, появившихся в начале 1990-х годов, уже сыграла свою роль и, в настоящее время, превращается в замкнутый сегмент рынка труда, где воспроизводится неэффективная занятость и консервируется низкое качество трудового потенциала. Другие утверждали, что этот сектор экономики успешно развивается и, в ближайшем будущем, занятое в нем население останется активной составной частью российского рынка труда¹⁵⁵. С одной стороны, действительно, подавляющее большинство работников этого сектора занято в оптовой и розничной торговле, сельском и лесном хозяйстве, где пока еще меньше всего проявляются инновационные процессы. Соответственно, в основном, в нем занято население, имеющее лишь среднее или начальное профессиональное образование, а доля лиц с высшим образованием меньше, занятых в экономике в целом. С другой стороны, на наш взгляд, важно, что в «неформальном» секторе преобладают лица, работающие не по найму. Вполне возможно, что это люди, которые готовы к самостоятельной экономической деятельности, станут основой роста слоя самостоятельно занятых. Эта среда является тем необходимым «бульоном», где может появиться активный пред-

¹⁵³ Российский статистический ежегодник 1998 г. М. 1998. С.196; Там же М.,2004. С. 163.

¹⁵⁴ Обследование населения по проблемам занятости, ноябрь 1999 года. Выпуск 2. С.80-81; То же. Ноябрь 2004 года. С.60-61.

¹⁵⁵ Бреев Б. О качестве занятости населения России // Общество и экономика, 2005, № 7-8. С.319.

принимательский дух, который так необходим для углубления тех рыночных процессов, которые уже начались в нашей стране. В настоящее время всем стало очевидно, что главным препятствием для роста числа лиц, имеющих желание и возможность начать «собственное дело» является злоупотребления чиновничества и несовершенство законодательной базы. Кроме того, помимо уплаты многочисленных налогов лица, работающие не по найму, испытывают колоссальное давление и со стороны криминальных структур. Не случайно, во время бесед с людьми, работающими самостоятельно, на вопрос о трудностях в их деятельности многие из них отвечали, что «это все равно, что плыть в соляной кислоте».

Существенную долю оптимизма при рассмотрении различных аспектов качества занятости населения добавляет анализ данных по роду занятий. В российской статистике к занятиям относится любой род деятельности человека, основу которого составляет квалификация и уровень профессиональной подготовки. Данные обследований населения по проблемам занятости, отражающие распределение занятых по занятиям, показывают рост численности работников, относящихся к специалистам высшего и среднего уровня квалификации, то есть сократилась доля занятых неквалифицированным трудом. Важно при этом, что такой процесс происходит на фоне замедления темпов роста общей численности занятого населения, что и понуждает к оптимизации кадрового потенциала. Эта тенденция, в определенной степени, свидетельствует о потенциальной готовности активного населения к переменам инновационного характера. Однако быстрый рост численности руководителей всех уровней, число которых за период реформ возросло, примерно, на 75%, является симптомом усиленной бюрократизации на всех уровнях, как политической, так и экономической деятельности. Если, к примеру, в конце 1990-х годов на одного человека, занятие которого заключалось в руководстве, или в управлении, приходилось 22 работника, то к середине 2000-х годов, уже 13 человек. Это явление в структуре занятости населения, отраженное статистикой, красноречиво свидетельствует о неэффективности управления кадровым потенциалом на всех уровнях. Необходимы новации в управлении, особенно в тех областях и сферах, где есть персонал, овладевший приемами работы на новом оборудовании, новыми видами маркетинга и организации труда. Проблемы кадрового обеспечения инновационных процессов предстоит решать как на уровне отдельных предприятий и целых отраслей, так и в масштабах российской экономики в целом. Правовое и финансовое обеспечение решения этих проблем может значительно ускорить модернизацию общества. Расширение влияния новых технологий на социальные процессы во многом зависят и отношения самого общества к новшествам. Изменения в социальной структуре и, соответственно в структуре занятости, в ближайшие годы становятся все более важным фактором инновационного развития. Формирование среднего класса в стране могло бы не только обеспечить новые стандарты потребления, связанные с высокой степенью интеграции новых технологий именно в эту среду, но и обеспечить расширенное воспроизводство высококвалифицированных кадров мирового класса.

Хохлова М.Г.

Безработные в условиях современного кризиса: производственный потенциал или источник социальной напряженности (опыт 90-х гг.)

Уровень безработицы в период с августа 2008 г. по март 2009 г. возрос более чем на 4,2%. В начале октября 2008 г. министр Т.Голикова могла еще достаточно

спокойно комментировать возможное повышение уровня безработицы, констатируя самый низкий ее уровень с 1998 года. Однако уже в январе 2009 г. уровень безработицы составил 8,7%, а в марте – 10,0%, превысив тем самым показатели 2002 г., что уже вызвало серьезную озабоченность со стороны руководства страны.¹⁵⁶

Прогнозировать ситуацию на рынке труда весьма сложно, поскольку она является производной многих неизвестных: продолжительности и глубины мирового кризиса, степени его воздействия на российскую экономику, а также целого ряда социальных факторов, в том числе связанных с качеством и адаптивными возможностями активного населения.

Весьма интересен ретроспективный взгляд на 90-е годы, а также годы стабилизации, наступившие в экономике после 1998 г. В российской статистике данные о безработице начали публиковаться с 1992 г. и тогда для исследователя открылась эта новая грань социально-экономической реальности.

Кризисные годы акцентировали противоречия на рынке труда, что позволило наблюдать закономерности перемещения больших групп активного населения, которые в обычные годы не заметны, а в годы относительной стабилизации имеют иную направленность. Безработица в 90-е годы была не только кризисной, но и структурной. Численность многих промышленных профессий, а также профессий, так или иначе связанных с советской государственной системой, сокращалась даже не вызывая безработицы. Люди искали применение себе в профессиях, имеющих возрастающую динамику, прежде всего в формирующихся рыночных областях (коммерции, финансах, юриспруденции, торговле, а также в других, чаще относящихся к сфере услуг). В этих профессиях росла численность занятых, многие безработные искали работу в этих занятиях и находили ее.

В связи с таким явлением стихийной профессиональной адаптации, которое наблюдалось в 90-е годы, возникает вопрос: может ли современный кризис послужить структурному обновлению?

Для того, чтобы сделать некоторые выводы из опыта предыдущего периода применительно к современной ситуации, рассмотрим, какие сходства и различия между кризисом тех лет и кризисом современным наблюдаются в *масштабах безработицы, особенностях социально-политической ситуации в стране, возможностях и способах адаптации безработных.*

1. **Масштабы безработицы.** В результате общего падения производства число занятых в период 1992-1998 гг., то есть за 6 лет сократилось более, чем на 12,6 млн, а безработных возросло почти на 5 млн. человек, составив более 9 млн. чел. Уровень безработицы с 5,2% в 1992 г. возрос до 13,2% в 1998 г. – это была его высшая точка. С 1999 г. уровень безработицы стал постепенно снижаться, дойдя до 5,6% в 2007 г., что стало минимальным зафиксированным показателем. И, вот, после 10-летнего благоприятного развития ситуации в августе 2008 г. вновь начался рост безработицы. При том, что обычно в летние месяцы, наоборот, происходит рост занятости за счет сезонных работ. Любопытно также, что падение производства статистика зафиксировала только на рубеже сентября/октября 2008 г.*

Число безработных в марте 2009 г. составило 7,5 млн. человек, что, казалось бы, не так еще плохо, поскольку в 1998 г. их было вдвое больше. Однако «возраст» современной безработицы невелик: за 8 месяцев современного кризиса число безработных возросло на 3 млн. чел., в то время как за 6 лет предыдущего – немногим более чем на 5 млн. чел. Однако реально ощущение безработицы преследует еще

¹⁵⁶ Занятость и безработица/<http://www.gks.ru/bgd/regl/B09-01>

* Возможно, разрыв во времени между показателями занятости и экономическими показателями возникает в связи с тем, что статистика труда основывается на опросах населения, а экономические показатели – на отчетах предприятий.

большее количество людей, поскольку определение безработицы, принятое Международной организацией труда (которым мы пользуемся) содержит достаточно жесткие ограничения при определении общей безработицы. В частности безработными считаются те, кто «занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих обследуемой неделе... были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели». Но, если эти люди где-то в этот период подрабатывали, то они уже не будут считаться безработным.

Согласно опросам общественного мнения, проводимым Левада-Центром, ощущение некоторой озабоченности и сомнений относительно положения дел в стране нашло отражение в общественном мнении.

Таблица 1.

Ответы групп с различным социально-профессиональным статусом и родом занятий на вопрос: «Дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или вам кажется, что страна движется по неправильному пути?»

Варианты ответов	2008 г.	Всего	Независимые предприниматели	Руководители	Специалисты	Служащие	Рабочие	Безработные
Дела идут в правильном направлении	Сент.-	61	72	70	64	68	59	65
	Окт.							
	Нояб.-	49	65	55	56	58	44	51
	Декаб.							
Страна движется по неправильному пути	Сент.-	24	16	15	18	21	27	26
	Окт.							
	Нояб.-	30	18	30	26	30	31	24
	Декаб.							
Затрудняюсь ответить	Сент.-	15	12	15	18	12	14	9
	Окт.							
	Нояб.-	21	17	15	17	12	25	25
	Дек.							

Источник: Вестник общественного мнения.- № 5(97) сентябрь-октябрь 2008, С.91; №6(98) ноябрь-декабрь 2008, С.99.

2. Особенности социально-политической обстановки в стране

В 90-е гг. помимо кризиса экономического был велик уровень социальной и политической напряженности, что мешало проводить более или менее последова-

тельную (а, возможно, вообще какую-то адекватную) социальную политику. Несмотря на то, что существовали биржи труда, осуществлялось переобучение безработных, государственные мероприятия не охватывали рынок труда в достаточной мере, и в целом он развивался стихийно. Так уровень регистрируемой безработицы был в 4-7 раз меньше общей безработицы, то есть безработные просто не видели смысла регистрироваться на биржах труда. Сейчас при общей безработице равной 7,5 млн чел. (по данным на март 2009 г.) на бирже зарегистрировались уже 2,2 млн. человек.

В целом сейчас ситуация иная: кризис не только в РФ, но и во всем мире, социальные противоречия, если и есть, то они присутствуют латентно. Так, в последние два года статистическим наблюдением зафиксировано менее 10 забастовок, при этом число участников в 2006 г. составило чуть более 1 тыс. человек, а в 2007 г. менее 3 тыс., в январе, феврале 2009 г. – 1 забастовка.¹⁵⁷ Отчасти столь малое число протестов объясняется трудностью подачи заявок на такие мероприятия. Хотя по данным профсоюзов в 2007 г. прошло более 1100 забастовок с числом участников около 500 тыс. чел.¹⁵⁸

Для современной ситуации характерно и другое.

Во-первых, в отличие от 90-х у российской власти есть деньги и она **способна** проводить антикризисную политику в области занятости. 15 апреля В. Мэй в своем интервью Российской газете привел следующие цифры: в декабре 1991 г было резервов 25 млн. долл. США, а теперь 400 млрд. долл. США.

Во-вторых, российская власть, в полной мере испытывая ответственность перед своим электоратом, который вновь придет на выборы, **намерена** проводить целенаправленную политику в области занятости.

При этом, безработные, потерявшие работу в период не кризисного развития, как правило, винят себя в потере работы и имеют часто заниженную самооценку, для них настроение социального протеста характерно в меньшей степени. Иначе ощущают себя те, кто потерял работу во время кризиса: здесь виной являются обстоятельства. Как себя поведет эта часть безработных - предсказать труднее. Вследствие обвального падения занятости, искать работу стали люди, порой обладающие объективными характеристиками равными с теми, кто работу не терял или уже нашел.

С точки зрения материальных возможностей ситуация в современной России принципиально иная, чем в 90-е годы, что дает время на решение проблем. Сейчас в рамках антикризисной программы выделяются большие средства для поддержания ситуации на рынке труда. Так, из выделенных 43,7 млрд. руб. 8,5 млрд. пошли на переподготовку 216 тысяч человек. Средства направлялись тем предприятиям, которые гарантировали занятость, также материально были поддержаны организация общественных работ и малые предприятия в сфере малого бизнеса. Однако ситуация продолжала развиваться и суммы, рассчитанные на меньшее число безработных, были увеличены: 10 апреля правительством было принято постановление о выделении еще 34 млрд. руб. на социальные выплаты и реализацию программ занятости. Из них 29,805 млрд. руб. направлено на социальные выплаты, в т. ч. на пособия по безработице, стипендии и материальную поддержку безработных на период участия в общественных работах, а 4,147 млрд. руб. – на реализацию мероприятий в рамках программы по переобучению.

3. Возможности и способы адаптации безработных

¹⁵⁷ Социально-экономическое положение России (январь-февраль 2009 г.). М. Федеральная служба государственной статистики. С.245.

¹⁵⁸ Шмаков М. Право на достойный труд необходимо отстаивать в борьбе// «Профсоюзы», 2008, №9. Цит. по: Глава 7. Социальные риски в развитии Российской Федерации/Проблемы социально-политической стабильности в условиях глобализации.- М. ИМЭМО, 2008.С.172.

В настоящее время экономическая ситуация в мире, а, следовательно, и в России не демонстрирует явных тенденций способных внушить какой-либо оптимизм. В такой ситуации речь может идти, прежде всего, об адаптации безработных.

Со стороны работодателей используются те же, что и в 90-е гг. приемы: задержки заработной платы, административные отпуска, работа по сокращенному графику.

По данным Росстата в марте 2009 г. 4,5% списочной численности работников работали в режиме неполной рабочей недели по инициативе работодателя. Доля работников, находящихся в отпусках с частичным сохранением заработной платы по инициативе работодателя, которые, как правило, связаны с простоями в марте 2009 г. составила 2,3% списочной численности работников (в январе 2009 г. – 3,0%, в феврале 2009 г. – 5,8%).

В марте 2009 г. в отпусках без сохранения заработной платы по письменному заявлению работника находилось 5,4% списочной численности работников (в январе 2009 г. – 6,5%, в феврале 2009 г. – 5,8%)

Таблица 2

Динамика численности работников, работающих неполное рабочее время

	Работали неполное рабочее время по инициативе работодателя		Имели отпуска с частичным сохранением заработной платы по инициативе работодателя	
	тыс. человек	в % к предыдущему месяцу	тыс. человек	в % к предыдущему месяцу
2008 г.				
Декабрь	594,6	-	451,4	-
2009 г.				
Январь	825,9	138,9	515,6	114,2
февраль	1012,2	122,6	408,6	79,2
март	759,3	75,0	383,8	93,9

Источник: Занятость и безработица/<http://www.gks.ru/bgd/regl/B09-01>

Наибольшие масштабы неполной занятости отмечаются в обрабатывающих отраслях, где в феврале 2009 г. 8% работников списочного состава работали неполное рабочее время по инициативе работодателя, 5,6% - по соглашению между работником и работодателем, а 5,1% - находились в отпусках с частичным сохранением заработной платы по инициативе работодателя (в феврале 2009 г. – 5,5%).

По данным на март 2009 г. перевод на неполное рабочее время по инициативе работодателей (по удельному весу переведенных на новые условия) в большей степени, чем в какой-либо другой отрасли, происходил в финансовой сфере, где только с февраля по март рост составил 136,5%. А в отпусках с частичным сохранением

нием заработной платы по инициативе работодателя там в марте было отправлено сотрудников в 4,2 раза больше чем в феврале.¹⁵⁹

Интереснейшим феноменом в 90-е гг. была «профессиональная адаптация» безработных. Профессии «вбирают» в себя многие социальные характеристики, при этом, если возраст и пол приходится принимать как данность, то профессии и образование, хоть и обладают некоторой инертностью, тем не менее, могут меняться на индивидуальном уровне поразительно быстро, демонстрируя удивительную адаптивность людей. Профессиональный срез весьма интересен при изучении социальной структуры, поскольку со сменой профессии могут меняться социальная среда, установки, отношение к работе, стиль жизни и многое другое. В 90-е гг. меняли профессии очень многие, не только безработные. Те, кто оставался работать по своей профессии, также переучивались. В результате происходили глубинные изменения не только в материальном положении, но и в сознании широких слоев российского общества.

Многие исследователи отмечали, что, несмотря на беспрецедентную глубину трансформационного кризиса, на протяжении всего переходного периода безработица удерживалась на непропорционально низком уровне. Своего рода ключом к пониманию этого феномена служит проявившая себя в те годы профессиональная адаптация активного населения.

Тогда, в начале 90-е гг. *менялась общественная формация, изменения носили системный характер*. Сходство современной безработицы и безработицы 90-х годов в том, что она, как и тогда и кризисная, и структурная. Отличие - в том, что сейчас происходят структурные изменения в рамках уже существующего рыночного хозяйства.

В 90-е гг. рушилась целая группа профессий, наличие которых было предопределено самой предыдущей системой, требующей постоянного «учета и контроля», а также профессии так или иначе связанные с идеологией советского государства и его управлением (избранные и освобожденные работники общественных организаций, а также отчасти – руководители, работники культуры, специалисты по кадрам и профориентации).

В 90-е гг. происходила *деиндустриализация* экономики, которой сопровождался слом советской системы, «оборонно-державного» характера. Появление нового рыночного хозяйства, преимущественно «сервисного» направления, диктовало совершенно новые запросы на профессии, вследствие чего абсолютно сокращению подверглись очень многие массовые промышленные профессии (прессовщики, штамповщики, формовщики, стерженщики - в металлургии) и др. Многие профессии были вытеснены *импортом и челночной торговлей*. Особенно это почувствовали легкая, пищевая промышленность.

Таким образом, происходило стихийное «бегство» от целого ряда профессий. Основная же профессиональная структура хотя и сохранялась, но лишь в усеченном виде. Адаптация индивида к рыночным требованиям и новой реальности в 90-е гг. была в своей основе стихийной. Наличие «нужной» профессии явилось своеобразным водоразделом, В начале 90-х изменения трудовой активности происходили практически на уровне каждой семьи. Такие занятия, как уличные торговцы (в абсолютных цифрах) возросли почти в 50 раз, «дежурные, диспетчеры, осмотрщики – более чем в 13 раз, юристы более чем в 90 раз **за 2 года**.¹⁶⁰ Сейчас адаптационный потенциал, существовавший в 90-е гг. в значительной степени исчерпан.

¹⁵⁹ *Занятость и безработица*/<http://www.gks.ru/bgd/regl/B09-01>

¹⁶⁰ Хохлова М.Г.К вопросу о профессионально-производственных ресурсах безработных в 1992-2002 гг./Безработица в постсоветской России: социальная компонента. Социально-трудовые исследования. Выпуск XVII.

В то время наличие профессионального среднего или высшего **образования** представляет потенциальную возможность лучше адаптироваться к новым условиям.¹⁶¹ Последние данные Росстата демонстрируют ту же тенденцию. Уровень безработицы среди населения с высшим профессиональным образованием (отношение численности безработных с высшим профессиональным образованием к численности экономически активного населения с соответствующим уровнем образования) составил в феврале 2009 г. - 4,9%, со средним профессиональным образованием – 6,7%, с начальным профессиональным образованием – 10,5%. Существенно выше уровень безработицы среди населения, не имеющего профессионального образования – в среднем около 16%. В настоящее время государственные программы ориентированы, прежде всего, на нижнюю часть социальной пирамиды.

Ряд экспертов предлагают вкладывать средства в развитие человеческого потенциала (а он в немалой степени зависит от образования того или иного человека), делать акцент на программах образовательных сертификатов и образовательных займов с длительными сроками погашения, что уже будет, как считают они, не социальными расходами, а социальными инвестициями.

Часть V. Факторы социально-экономической и общественно-политической стабильности и нестабильности в условиях кризиса

И. Цапенко, к.экон. наук

Иммиграция: влияние на социально-экономическую обстановку и возможности выхода из кризиса развитых стран

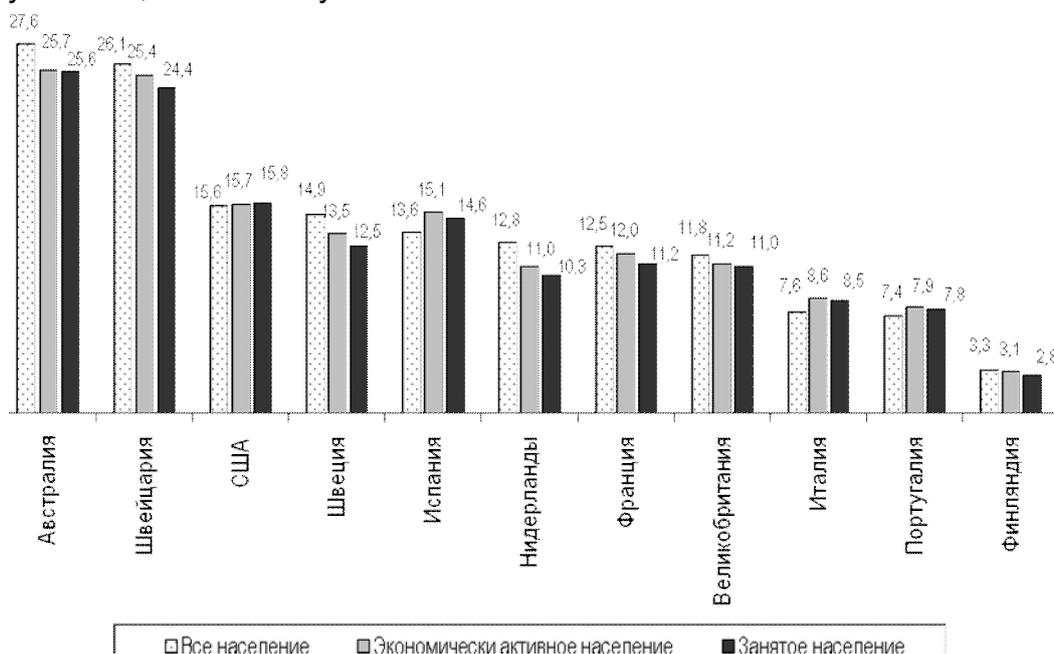
Иммиграция относится к числу важных факторов, влияющих на современную социально-экономическую и политическую обстановку в развитых странах. Это влияние носит неоднозначный характер, отражая общую противоречивость потенциала и роли иммиграции в принимающем обществе.

В силу своих масштабов, устойчивости и поступательной динамики, характерных для последних десятилетий, иммиграция стала весьма важным и фактически неотъемлемым фактором текущей жизнедеятельности и долгосрочного развития экономики принимающих социумов, и ее народнохозяйственная роль все более усиливается. Экономические эффекты иммиграции имеют общие черты и тенденции, прослеживаемые в разных странах-реципиентах. Большинство значимых экономических последствий иммиграции и соответственно их общий баланс носят позитивный характер. Существенный вклад иммиграции в экономику развитых государств, подтверждаемый статистическими данными и результатами исследований, отражаемый в официальных документах правительств развитых стран, отчетливо проявляется в целом ряде областей.

Значительная доля жителей иностранного происхождения среди населения развитых стран, в особенности среди его экономически активной и занятой групп, и, по сути, решающая роль иммиграции в динамике соответствующих показателей свидетельствуют о том, что она служит исключительно важным источником пополнения трудовых ресурсов принимающих государств (рис.1). Иммигранты составляют десятую долю населения развитых государств, в том числе примерно четвертую-пятую - в Австралии, Швейцарии, Новой Зеландии и Канаде, и двенадцатую часть в России. В первое десятилетие 2000-х гг. вклад нетто-миграции в демографический рост стран ОЭСР оценивался в среднем в 40–50%, причем в 2006 г. в Австрии, Греции и Испании этот показатель превышал 80%, в Португалии доходил до 97%, в

¹⁶¹ Там же

Италии – 99%, а в Японии составлял все 100%.¹⁶² В России, как и в ФРГ, миграция, хотя и не компенсирует естественную убыль населения, возмещает ее существенную часть, составившую в 2007 г. 50%.

Источник: International Migration Outlook: 2008 Edition. P.: OECD, 2008. P. 69.

Рисунок 1. Доля мигрантов среди населения некоторых развитых стран, 2006 г. (%)

На мигрантов приходится высокий удельный вес занятых как на малоквалифицированных работах, так и в сфере высококвалифицированного труда. В 2003 г. в американских университетах доля преподавателей иностранного происхождения среди получивших в США ученую степень в области технических наук составляла 40%¹⁶³, в 2005 г. на долю приезжих в этой стране приходилось 46% ученых в области медицинских наук.¹⁶⁴ Согласно данным Министерства труда США, в 2003 г. в этой стране на долю работников иностранного происхождения приходился 41% занятых в сельском, рыбном и лесном хозяйстве, 33% – в техническом обслуживании и уборке зданий, 22% – в системе общественного питания, строительстве и добывающей промышленности.¹⁶⁵ Это указывает на большую значимость приема мигрантов для решения структурных проблем рынка труда, обеспечения функционирования традиционных секторов, равно как и динамичного роста отраслей экономики знаний и в целом сбалансированного развития. Результаты построения экономико-математических моделей, увязывающих с иммиграцией увеличение предложения ресурсов, улучшение их качества и повышение эффективности использования, указывают на ее позитивное воздействие на макроэкономическую динамику принимающих стран и существенную роль в производстве их ВВП. В 2005–2006 гг. в Великобритании этот показатель составлял 10,9%.¹⁶⁶ Если соотнести долю мигрантов сре-

¹⁶² International Migration Outlook: 2008 Edition. P.: OECD, 2008. P. 34-35.

¹⁶³ Science and Engineering Indicators 2006. www.nsf.org

¹⁶⁴ Economic Report of the President 2007. Council of Economic Advisers. Washington DC: United States Government Printing Office, 2007. P. 195.

¹⁶⁵ Labor Force Characteristics of Foreign-Born Workers in 2003. U.S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, News Release. December 1, 2004. Table 4. P. 11. http://www.bls.gov/news.release/archives/forbrn_12012004.pdf

¹⁶⁶ The Economic Impact of Immigration. Vol. II. Op. cit. P. 370.

ди занятых с медианным уровнем их заработной платы (косвенный индикатор производительности труда), то вклад мигрантов в производство ВВП в 2005–2006 гг. можно было бы оценить в Португалии в 7,3%, Нидерландах – 8,8%, Франции – 10,1%, Швеции – 11,6%, США – 12,5%, ФРГ – 13,9%, Канаде – 20%, Швейцарии – 21,7%, Австралии – 27,4%.¹⁶⁷ По оценкам экспертов, в России на долю мигрантов приходится 8–9% производства ВВП.¹⁶⁸

Существует четкая связь между притоком из-за рубежа высококвалифицированных специалистов и студентов и активизацией инновационной деятельности. Статистически значимы антиинфляционные эффекты прибытия новых когорт мигрантов. На микроуровне отчетливо проявляется роль предпринимательской деятельности мигрантов в развитии востребованных видов экономической деятельности в сферах, не привлекательных для местного бизнеса, и возрождении депрессивных прежде районов.

Наряду с очевидными позитивными эффектами иммиграции, существуют и ее неоднозначные последствия, при которых допускается возможность возникновения негативных тенденций. В первую очередь это касается ее воздействия на положение местных работников на рынке труда и социальную инфраструктуру. Иммиграция может содействовать как улучшению, так и ухудшению благосостояния коренного населения, оказывать дифференцированное воздействие на уровень занятости и заработков различных групп местного населения, способствуя его повышению у более квалифицированных категорий работников и снижению – у менее квалифицированных. Хотя в национальном масштабе доходы государственного бюджета, связанные с иммиграцией, как правило, превышают социальные расходы, обусловленные ей, на местном уровне нередко отмечаются обратные эффекты, вызванные повышенной нагрузкой на систему социального обеспечения территориально сконцентрированных общин мигрантов и неработающих членов их семей.

Исследования последних десятилетий указывают на то, что негативное воздействие иммиграции на занятость и заработки местного населения, а также на государственный бюджет, как правило, носит краткосрочный характер, незначительно по своим масштабам и нередко ограничивается местным уровнем. В долгосрочном плане и в национальном масштабе социальные эффекты иммиграции, связанные с экономическим ростом, становятся позитивными. Т.е. иммигранты создают больше рабочих мест и больше платят в бюджет, чем забирают.

Однако политические эффекты иммиграции, в частности ее влияние на национальную безопасность и правопорядок развитых государств, носят главным образом негативный характер. Они проявляются в террористических, криминогенных и этнополитических рисках.

Установлено, что террористические акты в США (2001 г.), Испании (2004 г.) и Великобритании (2005 г.) связаны с международной деятельностью Аль-Каиды и их исполнителями были иммигранты. Арабские террористы также причастны к террористическим актам на территории России

Статистика и исследования в Великобритании, США, Новой Зеландии свидетельствуют о более высоком уровне преступности среди этнических меньшинств по сравнению с местным населением. В 2001 г. в Великобритании дополнительные расходы судебно-пенитенциарной системы, связанные с повышенной долей этнических меньшинств и иммигрантов среди осужденных, оценивались в 3,08 млрд. ф. ст. (0,3% ВВП).¹⁶⁹

¹⁶⁷ Рассчитано по: International Migration Outlook: 2008 Edition. P.: OECD, 2008. P. 69, 83.

¹⁶⁸ http://www.russiatoday.ru/Interview/2007-07-11/Interview_with_Elena_Tyuryukanova.html

¹⁶⁹ The Economic Impact of Immigration. Vol. 2. Op. cit. P. 170.

Массовая иноэтничная иммиграция в развитые страны, превратившая их в полиэтничные, поликонфессиональные и поликультурные, нередко ведет к формированию в принимающем обществе цивилизационных разломов,¹⁷⁰ питает настроения ксенофобии и расизма. По результатам обследований Евробарометра, проведенных в конце 2006 г., 42% жителей Евросоюза видели в присутствии иноэтничных групп населения причину небезопасности жизни, 46% считали, что иммигранты увеличивают безработицу.¹⁷¹ Иммиграция способствует усилению общей социальной напряженности, нестабильности и конфликтности в принимающих обществах, примером чему могут служить события во Франции 2005 г. «Играя» на общественных тревогах, связанных с иммиграцией, в Западной Европе укрепляют свои позиции политические партии и группы праворадикальной направленности. Таким образом, иммиграция, имея в целом благотворный эффект на развитие экономики и социальной сферы, оказывает заметное дестабилизирующее воздействие на политическую сферу.

Следует подчеркнуть, что хотя подавляющее большинство исследований экономических последствий иммиграции относится к периодам *позитивной экономической динамики*, и ее роль в периоды *неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры* практически не изучена, тенденции, обнаруживаемые в кризисных условиях, позволяют судить о некоторых циклических различиях в эффектах иммиграции. В условиях кризиса противоречивость роли иммиграции обозначается резче, ее позитивный вклад ослабляется, а негативное воздействие становится более интенсивным.

Исторический опыт, в частности уроки нефтяного кризиса начала 70-х гг. и азиатского финансового кризиса конца 90-х гг., и развитие современного кризиса указывают на отсутствие прямой четкой долгосрочной связи между колебаниями экономического цикла и масштабами легальной иммиграции. Выявляется асинхронность динамики ВВП и численности населения иностранного происхождения при волнообразной траектории первого и восходящем тренде второй. Миграция фактически превратилась в автономный, мало зависимый от хозяйственной конъюнктуры процесс со своей собственной логикой развития. Даже в годы Великой депрессии снижение численности мигрантов в США объяснялось не столько ухудшением конъюнктуры, сколько последствиями введения в 1924 г. существенных иммиграционных ограничений. Поэтому можно предположить, что современный финансовый кризис, если он не примет затяжного и более тяжелого характера, не приведет к глубокой перестройке экономики, что в свою очередь сказалось бы на масштабах и структуре спроса на иностранный труд. Кризис может лишь несколько сказаться на текущей динамике людских передвижений, не затрагивая долгосрочных перспектив миграционных процессов.

В условиях финансового кризиса намечается сужение потоков иностранных рабочих. Снижение доходов средних слоев, питающих студенческую миграцию, вероятно, приведет к ее ослаблению. Однако, как полагают зарубежные эксперты, циркуляционная мобильность высококвалифицированных специалистов будет по-прежнему высокой. В 2008 г. Швеция и Канада приняли меры, стимулирующие приезд их востребованных категорий. В 2010–11 гг. на территории Евросоюза предполагается ввести особо льготный режим въезда и проживания высококвалифицированных работников из третьих стран. Прогнозы предрекают как интенсификацию нелегальной миграции вследствие более жестких рестрикций легального въезда, так и ее ослабление из-за неблагоприятной конъюнктуры. Кризис может усилить социально-

¹⁷⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

¹⁷¹ Special Eurobarometer, 2007, № 273. “European Social Reality”
http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_273_en.pdf

политическую нестабильность в мире и спровоцировать новые потоки лиц, ищущих убежища. Иммиграция по линии воссоединения семей, учитывая ее слабую подверженность воздействию экономических факторов, скорее всего, сохранится в прежних масштабах. В условиях ухудшения экономической ситуации в странах – донорах мигрантов возвратное движение последних ослабляется. В силу разнонаправленности тенденций развития отдельных миграционных потоков, вероятно, их общий вектор в краткосрочном плане принципиально не изменится.

Учитывая небольшой удельный вес современных миграционных потоков в общей численности населения иностранного происхождения, кризис, скорее всего, не окажет существенного воздействия на общую численность мигрантов в развитых странах. Так, статистика США за 2007-2008 гг. указывает не на снижение численности мигрантов, а лишь на замедление ее роста, на так называемую «иммиграционную паузу». Если между 2000-2006 гг. население иностранного происхождения в среднем росло на 1 млн. человек в год, то между ноябрем 2007 и ноябрем 2008 г. оно увеличилось всего на 100 тыс.¹⁷²

Современная ситуация с иммиграцией напоминает непредвиденные последствия послевоенного импорта рабочей силы, которые проявились в кризисных условиях начала 70-х гг. Модель иммиграции, сформированная в условиях экономического подъема, обуславливает на данный момент избыточность рабочей силы иностранного происхождения по отношению к сократившемуся в условиях кризиса спросу на нее. Иммигранты в силу широкого распространения временной занятости, сосредоточения в секторах, подверженных конъюнктурным колебаниям, на малоквалифицированных и малопроизводительных работах несут гораздо большие удельные потери в рабочих местах, особенно в строительстве, сфере обслуживания, розничной торговле, туризме, чем местное население. Так, в США уровень безработицы среди выходцев из стран Латинской Америки повысился с 4,5% в конце 2007 г. до 6,4% в конце 2008 г., тогда как среди всех работников – с 4,8% до 5,3%.¹⁷³

В ЕС возлагаются определенные надежды на возвратный характер временной трудовой миграции, особенно из восточноевропейских стран Союза. Однако временные работники составляют лишь незначительную часть населения иностранного происхождения, и их отъезд не может принципиально сказаться на его численности. Кроме того, учитывая уроки нефтяного кризиса 70-х гг., когда, несмотря на временный характер тогдашней трудовой миграции, лишь половина иностранных работников вернулась на родину, в обстановке современного финансового кризиса нет оснований ожидать более или менее массового возврата даже этой группы работников. В условиях, когда существенная часть приезжих работников имеет статус постоянных жителей, на массовую возвратную миграцию тем более нельзя рассчитывать.

Ввиду уклонения от возврата на родину безработных временных мигрантов и, тем более, непривлекательности перспектив репатриации для постоянных иностранных жителей иммиграция уже не способна эффективно выполнять антициклические функции, как это было в Западной Европе в годы рецессии 60-х годов. Она усиливает напряженность на рынке труда и, вероятно, повлечет рост его теневых сегментов.

Иммигранты составляют серьезную конкуренцию местным работникам в сфере мало- и неквалифицированного труда, и в условиях кризиса эта конкуренция еще более усиливается. Не имея широкого доступа к системе социального обеспечения,

¹⁷² Papademetriou D. and Terrazas A. Immigrants and the Current Economic Crisis. Wash. DC: MPI, 2009. <http://www.migrationpolicy.org/lmi/>

¹⁷³ Papademetriou D. and Terrazas A. Immigrants and the Current Economic Crisis. Wash. DC: MPI, 2009. <http://www.migrationpolicy.org/lmi/>

а также достаточных накоплений, прочных позиций в профсоюзах, мигранты проявляют еще большую сговорчивость на заниженные заработки. Ускоренный рост безработицы среди иммигрантов, застопоривающий процесс их интеграции в условиях кризиса, способствует росту масштабов бедности и увеличению числа лиц, нуждающихся в социальных выплатах и услугах, при одновременном сокращении численности налогоплательщиков, оказывая дестабилизирующее воздействие на бюджет. Учитывая корреляцию безработицы с уровнем преступности, повышение ее показателей среди мигрантов может рассматриваться как фактор ухудшения криминогенной ситуации в принимающих странах.

Опыт предыдущих рецессий свидетельствует о растущих в условиях кризиса тревогах местного населения в отношении своего благосостояния и безопасности жизни в связи с иммиграцией, традиционном ухудшении отношения местного населения к мигрантам. Эти тенденции, в частности, отражают опросы населения, проведенные в последние годы в Хьюстоне, США. Только 43% опрошенных в 2008 г. полагали, что иммигранты больше вносят в бюджет, чем получают из него по сравнению с 52% в 2002 г.; 61% считали нелегальную иммиграцию чрезвычайно серьезной проблемой по сравнению с 43% в 2006 г.; 63% выступали за ограничение иммиграции по сравнению с 48% в 2004 г.¹⁷⁴

На широкое распространение антииммиграционных настроений среди населения указывают и результаты опросов компании Harris Interactive совместно с Financial Times, (известные как FT / Harris Poll). 79% опрошенного в феврале-марте 2009 г. населения Италии, 78% Великобритании, 71% Испании, 67% Германии, 64% США и 51% Франции считали, что безработные иммигранты должны покинуть их страну.¹⁷⁵ В странах ЕС растет «оппозиция» присутствию на национальных рынках труда выходцев из других государств Союза. Его безусловно одобряли лишь 6% респондентов во Франции, 7% - Германии, 8% - Великобритании, 14% - Италии, 20% - Испании¹⁷⁶.

Под влиянием роста ксенофобии усиливается социальная напряженность, которая порой принимает открытые формы. Примером тому - забастовка на нефтеперерабатывающего завода в Линкольншире, Великобритания, в январе 2009 г., в которой участвовало 1 тыс. человек. Работники выражали протест против передачи контракта итальянской фирме и его выполнения силами итальянских рабочих. Опросы FT / Harris в Великобритании в марте 2009 г. также указывают на ожидаемый населением в ближайшие 3 года рост забастовочной активности, а также экстремизма.¹⁷⁷

Вместе с тем, наряду с подобными негативными тенденциями, можно также привести доводы в пользу выполнения иммиграцией некоторых стабилизационных функций.

Во-первых, несмотря на безработицу в условиях современного кризиса, в ряде секторов, например в сфере НИОКР, образования, здравоохранения, сельском хозяйстве сохраняется довольно стабильный спрос на иностранный труд, который не

¹⁷⁴ <http://www.offthekuff.com/mt/archives/011586.html>

¹⁷⁵ In United States and Largest European Economies Public Opinion Is Split on Issues of Economic Nationalism, Protectionism and Internationalism // Harris Interactive. N.Y.: Rochester? March 19, 2009.

http://www.harrisinteractive.com/news/FTHarrisPoll/HT_FinancialTimes_HarrisPoll_March_2009_19.pdf

¹⁷⁶ In United States and Largest European Economies Public Opinion Is Split on Issues of Economic Nationalism, Protectionism and Internationalism // Harris Interactive. N.Y.: Rochester? March 19, 2009.

http://www.harrisinteractive.com/news/FTHarrisPoll/HT_FinancialTimes_HarrisPoll_March_2009_19.pdf

¹⁷⁷

http://www.harrisinteractive.com/news/datatables/HT_IHT_HarrisPoll_GlobalOmnibus_EconomicCrisis_Eurotables_Apr09.pdf

покрывается национальной рабочей силой. Заполнение мигрантами существующих вакансий сглаживает дисбаланс на рынке труда. Без использования труда мигрантов в этих сферах потери в ВВП и в занятости были бы еще больше. Кроме того, устойчивость потребностей в зарубежных специалистах и продолжающееся стимулирование их притока свидетельствуют о сохранении за иммиграцией важных функций в инновационном развитии стран приема.

Во-вторых, иммиграция и иммиграционная политика в определенной степени выполняют функции буфера в сфере занятости, роль социального клапана в условиях экономического спада.

Первоочередное и массированное увольнение иммигрантов демпфирует удар кризиса по занятости местного населения. Эта тенденция усиливается введением рядом стран ограничений на сферы использования труда мигрантов. В США накладываются ограничения на предоставление рабочих мест иммигрантам в банках, получающих государственную поддержку. В России приняты меры к прекращению использования иностранной рабочей силы в ряде секторов розничной торговли.

В целях защиты национального рынка труда Италия, Великобритания и Австралия уже объявили о сокращении приема иностранных работников. В Австралии число принимаемых экономических мигрантов снизится на 14% - со 133,5 тыс. в 2008-09 до 115 тыс. в 2010 г. Из списка критически дефицитных профессий этой страны уже удалены некоторые рабочие специальности: парикмахеры, повара, слесаря, плотники, электрики, каменщики. В России также объявлено о возможности 50-процентного сокращения квот на прием иностранных работников, потребность в которых на 2009 г. первоначально оценивалась почти в 4 млн. человек.

Некоторый эффект могут принести программы содействия добровольной репатриации. В Испании в конце 2008 г. началось финансовое стимулирование возврата домой безработных мигрантов. Однако из 100 тыс. мигрантов, которым были адресованы эти льготы, лишь 1,4 тыс. согласились ими воспользоваться в течение первых месяцев действия этой программы. В процессе поиска приемлемых решений, поощряющих возвратную миграцию, обсуждается возможность введения виз многоразового въезда для малоквалифицированных работников, послабления в законодательстве о предоставлении постоянного вида на жительство и гражданства, которое требует непрерывного проживания для получения статуса.

Как показывает азиатский финансовый кризис, принуждение правительством работодателей к увольнению иностранных работников в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры замедляет последующий выход из кризисной ситуации или ведет к расширению нелегальной занятости при улучшении экономической конъюнктуры.¹⁷⁸ Учитывая демографические проблемы и структурные диспропорции рынка труда развитых стран и одновременно быстроту реагирования мигрантов на открывающиеся вакансии, их меньшую притязательность и нередко высокую производительность, в случае улучшения экономической конъюнктуры наличие определенных резервов иностранной рабочей силы на территории развитых стран может способствовать ускорению их выхода из кризиса. Кроме того, при наличии механизмов оперативного привлечения иностранных работников (типа пулов потенциальных мигрантов в Австралии) их своевременный приток по мере расширения спроса на труд будет содействовать более быстрому подъему экономики.

¹⁷⁸ The Impact of the Global Financial Crisis on Migration. IOM Policy Brief - January 2009.

Путилин Б.Г., д. ист. наук, профессор
Кризис и международный терроризм

Переживаемый нами глобальный финансово-экономический кризис оказывает существенное влияние на социально-политическое состояние общества. В сущности, руководство наиболее развитых стран озабочено не ипотечным долгом, а последствиями лишения широких слоев населения жилищ и собственных средств существования. Именно они составят резерв внесистемной оппозиции. Происходящие в настоящее время массовые выступления сопровождаются погромами и стычками с правоохранительными органами. Оживились выступления националистов в Северной Ирландии после шести лет мира и в стране Басков после двух лет. Сложность момента состоит в том, что обездоленных и обозленных может возглавить международный терроризм. От степени его влияния на общественно-политическую жизнь планеты будет в ближайшие годы зависеть государственное устройство ряда стран, глубина и продолжительность нынешнего кризиса.

Мировое сообщество достаточно поздно осознало опасность международного терроризма. Вначале речь шла лишь о противодействии отдельным террористическим актам. С сентября 1963 г. по наши дни были подписаны восемь конвенций о преступлениях террористов, в которых были изложены основные положения борьбы с ними. Только тридцать лет спустя после первого антитеррористического акта появился документ, в котором была осознана угроза мировому сообществу со стороны современного терроризма. Им стала Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1994 г. В развитие этих положений 28 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН принял широкомасштабную антитеррористическую резолюцию № 1373, в которой указаны конкретные шаги и главные направления в борьбе с международным терроризмом. В соответствии с этой резолюцией Совет Безопасности учредил Комитет для контроля за осуществлением намеченных мер. В том же году 21 ноября Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял резолюцию по борьбе с международным терроризмом, призывающую все государства предпринять необходимые меры по предотвращению терроризма и активизации международного сотрудничества в борьбе с этим злом в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права. Резолюция решительно осудила все соответствующие действия, методы и теракты, отметив, что террористическая деятельность, вне зависимости от того, кто и где ею занимается, является преступлением, которому нет оправдания. В документе содержался призыв ко всем странам отказаться от предоставления террористам финансовой помощи и поддержки в их обучении.

Закон Российской Федерации "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 № 35-ФЗ гласит: "Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий".

Отсутствие определения понятия международного терроризма как субъекта международной политики серьезно осложняет предсказание его поведения. Одна из наиболее устойчивых характеристик современного терроризма – это, несомненно, его международный характер. Он проявляется в глобальном размахе террористических актов, постоянстве совершении во времени и идентичностью их направленности.

Одной из наиболее устойчивых международных террористических организаций является созданный в 1988 г. "Международный исламский фронт джихада против иудеев и крестоносцев", куда входит боевая организация "Аль-Каида". Учреди-

телями "Международного исламского фронта джихада против иудеев и крестоносцев" стали Усама бен Ладен, Завахири из организации "Аль-Джихад" (Египет) и Рафаил Ахмад Таха из "Аль-Гамаа" (Египет). Кроме того, во фронт вошли Пакистанское общество ученых, Повстанческое движение Кашмира, "Джихад" (Бангладеш) и другие. Филиалы "Аль-Каиды" были созданы в Судане, Египте, Йемене, Сомали, Эритрее, Афганистане, Пакистане, Боснии, Хорватии, Алжире, Тунисе, Ливане, на Филиппинах, в Таджикистане, Азербайджане, США, в Кашмире (Индия), Чечне (Российская Федерация). В Алжире активно действует отделение международного исламского движения "Аль-Джамаа аль-исламия". Оно представлено организацией "Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха" ("Вооруженная исламская группа" – ВИГ). Ее основу составили алжирцы, воевавшие против советских войск в Афганистане. После 1989 г. они участвовали в межафганских конфликтах, в боях на юге Ливана против израильтян, а также в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Боснии.¹⁷⁹

Международный характер современного терроризма проявляется также в координации и совместных действиях национальных террористических организаций на «идеологической» основе. В глобализации терроризма велика также роль этнических диаспор. Армия освобождения Косово (ОАК) в борьбе за отделения края от Сербии полностью опиралась на албанцев, проживавших вне Югославии. Она имела тренировочные лагеря в Албании и Швеции, а также политическую базу в Швейцарии. Помощь ей оказывали ряд фундаменталистских мусульманских организаций.¹⁸⁰

Современные террористические организации в качестве основной и единственной своей цели выдвигают борьбу за власть. Теоретической основой этой политики стал тезис бразильского политического деятеля Хуана Карлоса Маригеллы о том, что террористическая организация должна быть «вооруженной рукой» народа, а не партии.¹⁸¹ Он утверждал, что партии как легальные общественные организации не способны подготовить массы к решительной борьбе за власть. В последнее десятилетие именно ряд террористических движений пришли к власти. Так, в Афганистане власть захватило движение "Талибан" (так называемые «Благочестивые студенты»). Примером прихода к власти террористической организации в условиях иностранной оккупации является ХАМАС. Ее возникновение связано с началом восстания палестинцев против израильского правления на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа в декабре 1987 г., получившее название "интифада". ХАМАС формировалась как чисто террористическая организация. В 2006 г. движение победило на выборах и вышло из подполья.

Для того чтобы стать «вооруженной рукой народа» террористическая организация должна пользоваться поддержкой населения. Это возможно только в тех случаях, когда большинство населения воспринимает террор как справедливый метод борьбы за власть. Одним из способов привлечения населения является создание «ситуации двойного террора». Она заключается в том, чтобы с помощью насильственных акций перевести политический кризис в вооруженный конфликт власти с оппозицией. Провоцирование репрессий должно сделать жизнь масс "невыносимой" и подтолкнуть их к решительным действиям.

Вторым направлением стратегии насилия современного терроризма является устрашение властей и населения. Терракт в Нью-Йорке в 2001 г., в котором погибло в огне под обломками небоскребов в одно мгновение около 3000 человек, не могло не

¹⁷⁹ См.: Labat S. Les Islamistes Algériens. Paris, 1995; Carlier O. Entre Nation et Jihad. Paris, 1995; Ланда Р. "Политическая весна" и гражданская война в Алжире // Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности и истории). М., 1998. С. 98.

¹⁸⁰ Независимое военное обозрение. 2001. № 41.

¹⁸¹ Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник. Минск, 1999. С. 69–70.

произвести шокирующего впечатления, на миллионы телезрителей, наблюдавших эту разворачивающуюся на их глазах трагедию. Аналогичные цели преследовали террористы, захватив более тысячи школьников в Беслане. Более того, террористы не останавливаются перед устрашением собственных сограждан. Так, от газовой атаки в метро Токио, осуществленной боевиками японской террористической религиозной секты "Аум-сенрике", отравились 5 тысяч пассажиров; 26 из них умерли.

Таким образом, современный терроризм отличается большим размахом, отсутствием явно выраженных государственных границ, наличием связи и взаимодействия с международными террористическими центрами и организациями; гибкой и разветвленной организационной структурой. Питательной средой расползания раковой опухоли терроризма в глобальном масштабе являются сильный разрыв между богатством и бедностью, социальное неравенство и нестабильная внутривнутриполитическая обстановка во многих странах мира. Он паразитирует на переплетении как неравномерности социально-экономического развития в отдельной стране, так и все углубляющейся пропасти между "богатым" Севером и "бедным" Югом. Все это усугубляется нынешним финансово-экономическим кризисом.

Одним словом **современный терроризм – международное политическое движение, признающее террор единственным средством борьбы за власть.** При этом терроризм, будучи крайней формой выражения социального, этнического, религиозного экстремизма, не склонен останавливаться ни перед чем для достижения своих целей.

Основной базой современного международного терроризма является религиозный экстремизм. Ведущее место в нем занимают мусульманские радикалы. Ислам – единственная религия, доля приверженцев которой значительно выросла за предыдущие 100 лет – с 13% до 19% всех верующих. За последние полвека численность исповедующих ислам в Европе и СССР (СНГ) выросла почти в четыре раза, в Соединенных Штатах и Канаде – в двадцать раз.¹⁸² Религиозный фактор в последние 20–30 лет XX в. был самым важным среди провоцирующих террористическую деятельность.

В современных условиях религия зачастую выполняет функции инструмента социальной консолидации и политической мобилизации. Причем используют ее и правящая элита, и оппозиция.¹⁸³ Со становлением и развитием международного терроризма в современном политическом мире, от Филиппин до Косово, сформировалась зона возрастающей многоуровневой нестабильности (социально-политической, этнополитической, военно-политической). Люди, проживающие в ней, активно вовлечены в дестабилизационные процессы и акции исламских (исламистских) организаций, движений, группировок и режимов. Их политика вытекает из исламизма. Под ним понимается идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические и иные проблемы и противоречия любого общества (страны), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате. Отсюда исламизм именуется также политическим исламом или политизированным исламом.

Идеологической основой исламизма является исламский фундаментализм. Его распространение проходит под лозунгом возрождения фундаментальных основ религии и отражает недовольство полуголодных масс печальными реалиями их "свободной" жизни. Исламские радикалы привлекают неграмотные, забитые массы беднейших стран мнимой простотой предлагаемой ими политической альтернативы – возврат в прошлое, к исламской мечте "золотого века", к традиционализму и уходу

¹⁸² Независимая газета. 2001. 29 сентября.

¹⁸³ Независимая газета. 2001. 16 марта.

в шариат. Виновниками же бед исламского мира объявляются страны "богатого" Севера, христианская цивилизация, неверные, т.е. "внешний враг". И сегодня в драматически изменившемся мире с его глобализацией и информатизацией, когда прежние духовные ценности подчас подвергаются размыванию, мусульманская религия продолжает удовлетворять потребности людей в поисках опоры в духовности.

В 70-х годах XX в. Саудовская Аравия и Иран стали очагами и источниками исламизма. Его экономической базой были нефтедоллары. Идеологической основой привлечения других государств с мусульманским населением на свою сторону стало представление Саудовской Аравии, эмиратов Персидского залива и Ирана как своего рода оазисов благополучия и процветания благодаря точному следованию нормам ислама. Политически эти страны превратились в противоборствующие центры ислама: Саудовская Аравия – суннитского, Иран – шиитского. Именно они являются основными организаторами территориальной экспансии ислама.¹⁸⁴

Важным ресурсом современного терроризма является национализм. Среди общепризнанных причин обострения межнациональных противоречий, приводящих к конфликтам, в том числе и военным, чаще всего присутствуют этнические различия, которые обнаруживают особую стойкость даже в высокоразвитых обществах. Процесс возрождения этнического самосознания ныне сопровождается появлением политической элиты национальных меньшинств, которая отстаивает право на самоопределение меньшинств как равноправного члена международной политической системы, как нации среди наций.

К наиболее конфликтным относятся эгалитаристские (стремление к уравниванию в правах) и антииммигрантские этнические противоречия. Они выступают в качестве двух противоположных сторон одной медали. По мере старения населения в развитых индустриальных странах возникает объективная необходимость в появлении новых национальных меньшинств. К тому же выходцы из так называемых развивающихся стран имеют более многочисленные семьи, и соответственно ускоряется процесс демографического роста нового национального меньшинства. Укоренение иммигрантов с 1990-х годов столкнулось в Европе с противодействием на бытовом и официальном уровнях.

К наиболее взрывоопасным этническим противоречиям, несомненно, относятся те, которые порождают борьбу за автономию и сепаратизм. Важнейшей причиной автономистских (сепаратистских движений) является столкновение интересов Центра и политической элиты национальных меньшинств из-за распределения так называемых материальных и духовных ценностей. Движения за автономию и сепаратистские движения связаны также с различным географическим положением этноареалов, степени их производственной развитости и наличием природных богатств. Подобная ситуация часто приводит к конфронтации интересов доминирующего этноса и национальных меньшинств и делает внутривнутриполитическую обстановку в данной стране взрывоопасной.¹⁸⁵

Острота национальных движений обусловливается, как правило, рядом внутривнутриполитических условий. Национальное движение, борясь за свои национальные права, переходит к вооруженному насилию при наличии достаточной социальной базы, организованного руководства, готовности и способности национального мень-

¹⁸⁴ Мирский Г. Этнос, религия, национализм // Азия и Африка сегодня. 1994. № 2. С. 3–4; Terrorism and the Islamic World // Terrorism: How the West Can Win / Ed by B. Netanyahu. New York, 1986. P. 61.

¹⁸⁵ Лавренов С.Я. Военно-политические кризисы: типология, возникновение, развитие. М., 1995. Сс. 101–102, 250.

шинства вести вооруженную борьбу. Важную роль при этом играет поддержка других государств.¹⁸⁶

Стремление к автономии и сепаратистскому отделению, как правило, представляет собой благодатную почву для возникновения ирредентизма, т.е. особой разновидности национального движения, которое выступает за отделение определенной территории с целью ее последующего присоединения к соседнему государству. Обычно ирредентизм присутствует в борьбе разделенных этнических общностей, проживающих в различных, обычно соседних государствах, за воссоединение.

Современный сепаратизм, особенно вооруженный, имеет достаточное число безответственных лиц, прежде всего из местной политической элиты. Цена самоопределения не важна, ибо сам принцип отделения объявляется священным, не подлежащим ни обсуждению, ни сомнению. Лозунг достижения независимости любой ценой сопровождается пропагандой вражды к существующему государству и к остальному народу. При этом активно используются негативные моменты в истории народов, всегда трактуемые в пользу "самоопределяющихся". Самыми популярными в ходе пропагандистских компаний обычно бывают лозунги: "народоубийцы", «голодомор», "колониальный гнет" по отношению к этносу, представляющему большинство населения данного государства.

Сепаратизм в большинстве случаев навязывает свою волю остальному населению силой и принуждением. Сила приобретает им через создание и вооружение экстремистских организаций, основной формой вооруженной борьбы которых в современных условиях является терроризм. Причем оказывается достаточно много рекрутов для террористических групп в бедных (а подчас и богатых) обществах с ослабленной государственностью и кризисной экономикой.

Международный терроризм до сих пор использует в своих целях представителей радикальных социальных движений. Широкое поле для него представляют "цветные" революции. В наши дни наиболее воинственны представители анархизма. Его теоретики еще в 1960-1970-х гг. выдвинули концепцию "глобальной контестации (противостояния)" капиталистическому обществу. Согласно ей "глобальная контестация" или "полное", абсолютное "оспаривание", "отказ" от институтов и механизмов существующего общественного строя является гораздо более совершенным средством общественного преобразования, чем "традиционные" методы социально-политической борьбы рабочего класса.¹⁸⁷ Первый этап борьбы за власть, названный "революцией в сознании масс", должно стать "вооруженное сопротивление насилию государства" и "освоение тактики городской партизанской борьбы" (иными словами терроризма) как единственного средства подрыва позиций буржуазии и свержения ее власти.¹⁸⁸

Человечество вступило в полосу неустойчивого развития. Вслед за нынешним в недалеком будущем могут разразиться продовольственный, водный, климатический кризисы. Их глубина и продолжительность будут, во многом, определяться тем, насколько международный терроризм сумеет стать «вооруженной рукой народа».

Косолапов Н. А., к. ист. н.
Контролируемая дестабилизация как метод макросоциального
управления: возможности, издержки, перспективы

¹⁸⁶ National Separatism/ ed. by C.H. Williams. London, 1982. Pp. 6–10; См.: Независимая газета. 1999. 28 июля.

¹⁸⁷ См.: Cohn-Bendit D., Sauvageaut J. et al. La Revolte Etudiante. Les Animateurs Parlent. Paris, 1968. P. 55.

¹⁸⁸ См.: Le Nouvel Observateur. 1970. No. 288. Pp. 48–50; Craipeau J. Le Mouvement Trotskyiste en France. Paris, 1971. P. 204.

Контролируемая дестабилизация (КДС) используется как инструмент и один из методов управления исторически очень давно. Ее первым примером можно считать осознанное поддержание главой рода, банды, лидером любого типа и уровня соперничества и вражды в своем ближайшем окружении ради удержания под контролем этого окружения и своих позиций в нем. Развитием этого подхода стала политика «разделяй и властвуй» в управлении империями, а также в регулировании баланса сил и влияния в международных отношениях. С научно-эмпирической точки зрения великолепным примером КДС может служить перестройка 1986-1991 гг.: и как образец чрезвычайно масштабной по замыслам и изначальному развороту, исторически беспрецедентной КДС; и иллюстрацией того, как импровизационная КДС способна выйти из-под контроля и привести к катастрофическим внутристрановым и международным последствиям. Примером КДС последних десятилетий является и «экспорт демократии» – управление извне процессами смены политического устройства и/или правящего режима: от «бархатных революций» конца 1980-х до «цветных» середины 2000-х гг.

Учитывая последнее обстоятельство и тот факт, что прецеденты Косова, Ирака, Южной Осетии и Абхазии открыли путь к перестройке государств извне как к уже вряд ли устранимому компоненту политической глобализации, логично допустить, что значение КДС во внутристрановой, международной, глобальной сферах будет в обозримой перспективе повышаться. Расширению практики КДС будут, видимо, способствовать кризис традиционных (авторитарно-силовых, бюрократических, манипулируемой представительской демократии) форм и методов управления, и переходный характер текущего этапа мирового развития (переходный как во внутреннем развитии большого числа стран, так и в системе международных отношений; и в сфере глобализации).

Использование КДС, по крайней мере, в России, до сих пор строится по наполеоновскому принципу «главное ввязаться в драку, а там видно будет». Этот подход максимизирует связанные с КДС риски, но не гарантирует достижения желаемых результатов и даже в случае успеха не оптимален. Трудно судить о распространенности КДС в мире: публичное обсуждение подобных аспектов политики не только не принято, но проведенное в реальном масштабе времени, обрекало бы соответствующую политику на заведомые неудачи. В то же время понятно, что смена режимов, поддержка извне «цветных революций» и прочие варианты КДС – меры не спонтанные, требующие добротной подготовки.

Поэтому постановка вопроса о степени осознанности КДС направлена на выявление в первую очередь того, на какой горизонт времени планируется сама КДС, проецируются оценки ее желаемых, возможных и вероятных последствий. Ясно, что если планирования нет вовсе или его горизонт ограничен двумя-тремя ближайшими шагами (особенно если они диктуются идеологическими причинами или потребностью в политико-психологической компенсации), вести речь о какой-либо оценке субъектом КДС ее последствий не приходится.

Практика и цена использования КДС, однако, требуют теоретического осмысления КДС как явления и как политической технологии, анализа опыта КДС (по критерию ее эффективности как формы и метода управления) и постановки основных проблем теории КДС в рамках политологии и теории управления. Цель данного доклада – попытка оценить целесообразность и условия подхода к КДС как к нормальному и приемлемому инструменту макросоциального управления.

* * *

Понятия стабильности и дестабилизации вынужденно постулируются из-за ограниченного объема данного выступления.¹⁸⁹ Но оговоримся, что применительно к процессам, в которых участвует человек (в отличие от тех, где он не участвует), необходимо говорить о *трех уровнях* оценки состояния стабильности и/или нестабильности социальной системы (а также ее отдельных подсистем, частей, процессов). Существует *объективное* состояние системы и ее *субъективная* оценка, даваемая различными участниками политического процесса и потому неизбежно различная (стакан «наполовину полон» или так же «пуст»); и *поведенческая предрасположенность*, возникающая под влиянием сочетания объективного состояния, его субъективной оценки и личностных (для человека, группы) или системных (для любой оргструктуры) особенностей оценивающего субъекта. Причем в контексте дестабилизации должны, видимо, рассматриваться и оцениваться как немедленные, так и отсроченные во времени возможные последствия соответствующей поведенческой предрасположенности. Поэтому определения социальной стабильности и дестабилизации должны включать как объективные, так и субъективные признаки этих явлений при определяющей роли последних.

Стабильность суть единство трех разных групп качественных признаков, характеризующих некую систему: (а) это описание некоего состояния; (б) притом состояния не отдельного объекта, но системы в целом, внутренне достаточно сложной для того, чтобы допускать возможность ее дестабилизации прежде, чем наступают ее коллапс и разрушение (дестабилизация как особое состояние, допускающее выход как к восстановлению равновесия, так и к катастрофе, возможна только в системах); (в) притом не любого состояния этой системы, но лишь такого (таких), что связаны с природой данной системы, с ее внутренним порядком, его поддержанием или угрозами ему, а тем самым и всей системе.

Стабильность сложной социальной системы можно определить как такое течение процессов и/или динамическое состояние связей и отношений в ней, при которых *одновременно и полностью* соблюдаются следующие условия:

а) материальные и макросоциальные компоненты этих процессов и/или системы, каждый в отдельности и все они в совокупности, эволюционируют и развиваются без резких колебаний всех или важнейших своих параметров в любую сторону;

б) субъекты-участники таких процессов и системы в целом знают и понимают происходящее, обладают необходимыми средствами влияния и управления либо имеют практическую возможность добыть недостающие им информацию, знания, средства воздействия, не рискуя утратить при этом контроль над существенными для них аспектами происходящего;

в) общая направленность процессов первых двух уровней в целом соответствует ожиданиям субъектов-участников и не вызывает у них ощущения острейшего дефицита времени, угрожающего утратой контроля над ходом процессов, системой в целом либо возможностью резко негативных, даже катастрофических последствий для их интересов, них самих и/или соответствующей системы.

Стабильность – это (в совокупности, а не по отдельности):

а) не статус-кво и неизменность, но динамика всех и всяческих жизненных процессов, остановить которую не дано;

б) динамика, не искажаемая экстремальностью внутрисистемных и внешних условий, особенно экстремальностью искусственно создаваемой;

в) предсказуемость наиболее существенных, принципиальных параметров и состояний системы, направлений и тенденций ее динамики;

¹⁸⁹ Подробнее см.: Н.Косолапов. К операциональному пониманию стабильного состояния и развития социально-территориальной системы // Форум. Проблемы стабильности. 1997. N2. С. 5-24.

г) возможность рационально и эффективно реагировать на перемены, что приносит жизнь, особенно на наиболее угрожающие или нежелательные из них.

В этом комплексе признаков стабильности наиболее существенно именно последнее: угроза теряет в опасности, если человек ее в принципе ждет, знает, как ей противостоять, имеет для этого ресурсы, возможности и запас времени. По критерию психологического, политического, управленческого влияния, какое оказывают на человека ситуации стабильности/нестабильности, *стабильность* можно определить как положение, когда человек распоряжается временем, а *нестабильность* – когда время распоряжается человеком. В первом случае у политика, управленца и др. достаточно времени, чтобы выработать, принять и начать осуществлять меры, востребованные его целями в данной обстановке. Во втором действия предпринимаются в условиях цейтнота. Непреодолимость последнего создает кризис.

Серьезное нарушение любого из перечисленных условий и признаков есть угроза стабильности и потому уже означает дестабилизацию. Операционально *дестабилизацию* можно определить как такое нарушение привычного течения событий, явлений и процессов, которое вызывает у субъекта ощущение угрозы, потрясения, ставит его в ситуацию субъективного и/или объективного дефицита времени и/или практических возможностей для исправления положения в желаемом направлении, приводит к резкому сужению поля видимых ему и/или реально доступных альтернатив. Результатом может стать выход процессов и событий из-под контроля данного субъекта, разрушение вследствие этого привычных ему отношений и структур, а в предельном случае и политическая, административная или физическая гибель системы и/или самого субъекта.

Заметим, что субъективные оценки стабильности и нестабильности могут быть верными или ошибочными, в любом случае влияя на поведенческую предрасположенность. При намерении прибегнуть к КДС полезно создать у объекта политики ощущение или стабильности, или острого цейтнота – в обоих случаях может быть получен выигрыш времени для развертывания КДС.

Экономический или иной кризис не влечет дестабилизацию автоматически. Из идеи цикличности следует, что восходящие фазы цикла с неизбежностью должны периодически сменяться нисходящими, и наоборот. Нисходящая фаза оказывается при этом вовсе не катастрофой, какой она может восприниматься субъективно и/или в отсутствие должного знания, но, во-первых, закономерной и неизбежной частью более широкого процесса в целом; а во-вторых, таким его этапом, на котором фактически закладывается фундамент, предопределяются масштабы и пределы предстоящего подъема. В западной экономической науке кризис давно рассматривается не как катастрофа, но как полезный и ценный этап, позволяющий проводить требуемые или желаемые структурные перемены.

Поэтому *кризисные фазы* тех процессов, природа и общий ход которых нам в принципе известны и понятны, *не должны сами по себе рассматриваться как случаи дестабилизации*. Эти фазы – нормальное течение процесса, которое можно предвидеть¹⁹⁰ и нужно активно использовать. Дестабилизирующими в таких случаях будут не кризисы как таковые, но нежелание признавать их тем, что они есть, либо фактический отказ использовать открываемые кризисом возможности по назначению.

Если кризис – открытие новых возможностей, то в неких обстоятельствах его приход может быть, целесообразно оттянуть или же стимулировать, ускорить. По-

¹⁹⁰ На мой взгляд, все происшедшее с СССР в период 1979-1991 гг., как и текущий глобальный финансово-экономический кризис, без особого труда поддавалось научному прогнозу. Но в обоих случаях восторжествовала политическая установка «верхов» (советских в первом, США и G8 во втором) на отказ от самой попытки подобного прогнозирования.

следнее имеет смысл, если заранее понятно, что хотят в результате кризиса получить, в каком состоянии и куда из него выйти. *Текущий глобальный кризис* вызван, скорее всего, сочетанием как объективно назревшего, так и субъективно стимулируемого в расчете на вполне очевидный исход: наименее ослабленными выйдут из кризиса США, наиболее – все остальные. Иными словами, издержки и потери от кризиса – та цена, которую США сегодня вполне способны заплатить за укрепление в перспективе своих относительных позиций и своего лидерства. Оправдаются ли такие расчеты, если они действительно имели место, покажет лишь время – и с этой точки зрения текущий глобальный кризис может оказаться еще одним примером КДС с труднопрогнозируемым (высокорисковым) исходом.

Контролируемая дестабилизация инициируется всегда преднамеренно и осознанно ради достижения сложного комплекса политических, экономических и иных целей, обеспечение которых иными путями и методами невозможно, по каким-то причинам нежелательно или требует неприемлемо большого времени. КДС не может стать следствием случая; в лучшем случае за ней стратегия и подготовка, в худшем она циничная авантюра. По критериям целей, решаемых задач и ожидаемых итогов целесообразно выделять три типа КДС:

- «*раскачивание лодки*»: когда система-объект находится в стабильном состоянии (или как минимум в таком, которое у врачей обозначается понятием «практически здоров»), но действия отдельных групп и сил направлены на взлом, нарушение, но (еще) не разрушение этой стабильности;

- «*энтропия*»: когда в той или иной мере уже запущены и развиваются (с большей или меньшей скоростью) не встречающие должного противодействия процессы эрозии, загнивания, самораспада жизненно важных элементов, частей системы и/или системы в целом;

- «*превышение скорости*»: когда чрезмерно быстрое развитие системы в целом и/или отдельных ее частей порождает внутрисистемные диспропорции, становящиеся или способные стать причиной и источником дестабилизации, могущей иметь опасные или катастрофические последствия.

По ее намерениям и целям КДС во всех этих вариантах – не разрушение (хотя по ее объективным итогам нередко оборачивается таковым). КДС всегда преследует цель созидания, строительства нового; но созидания из и от политических и иных условий, которые мощно препятствуют самой возможности такого строительства, не дают осуществлять его в рамках и средствами существующих политического, процесса, управления, права. Ключевой вопрос при применении КДС – как далеко должны будут продвинуться дестабилизация и разрушение прежде, чем окажется возможным переход к созиданию и начало стабилизации системы в новом ее качестве. В цикле «разрушение-созидание» КДС – метод дискретного действия уже потому, что потребность в разрушении социальных структур и систем возникает не слишком часто.

Если дестабилизация – феномен эпизодический, то управление – занятие повседневное и рутинное. *Управление* – это в высокой степени гарантированное получение желаемых результатов посредством стандартизированных процедур и механизмов (институтов), обеспечивающих его повторяемость и эффективность. Применительно к социальным системам правомерно говорить о двух крайних типах управления (при множестве переходных вариантов между ними). Один – конкретное управление процессами повседневной жизни, администрирование. Ключевые факторы такого управления – ясность и измеримость поставленных целей; знание путей и способов их достижения; наличие для этого необходимых легитимных полномочий, технологий и возможностей. Сфера применимости КДС в управлении этого типа

крайне мала, ее ограничивают как действующее право, так и характер решаемых конкретным управлением задач.

Другой тип – попытки управления процессами крупных и сверхкрупных масштабов, сложности, протяженности во времени. Макросоциальное по целям, объектам и стратегиям, управление таковым, строго говоря, не является. Цели здесь, как правило, формулируются идеологически (развитие страны; построение желаемых типов экономики, политического устройства; обеспечение желаемых места и роли страны в мире и т.п.), а потому неизмеримы, критерии оценки меры их достижимости размыты, неопределенны. Стандартизированные процедуры и механизмы для решения подобных задач пока не существуют. Интересы разных страт общества различны, противоречивы, а потому легитимность управления в названных целях часто оспаривается. Но главное, поскольку речь о процессах наибольшей значимости, сложности и продолжительности, современных знаний для гарантированного управления ими недостаточно, и динамика общественных процессов неизбежно рано или поздно приводит к проявлениям стихийности. При этом всякое *развитие сложной системы есть* нарушение стабильности (даже динамической), некая *дестабилизация по определению*, поскольку развитие всегда означает появление нового качества, в прежней системе (а значит, и в ее стабильности) не присутствовавшего. Стихийное же – заведомо неуправляемое и часто неосознаваемое либо осознаваемое неадекватно (типа «воля божья»).

С середины XVIII века быстро расширяется, повышает свое значение «серая зона», в которой, с одной стороны, «управление» расценивается как объективно и/или субъективно необходимое; с другой, налицо резкий дефицит всех или части названных выше факторов управления. Она-то и востребует КДС в наибольшей степени. КДС открывает возможности создания предпосылок и условий для начала желаемых процессов и перехода – в случае успеха – уже собственно к управлению. *КДС заменяет управление* там и тогда, где для управления недостает правовых оснований, средств и ресурсов; в случаях, когда есть необходимость избежать в будущем ответственности за факты управления, самонадеянного политического лидерства, их последствия; и/или когда общество активно не готово, либо не заинтересовано «подписываться» на непонятный ему (а возможно, как раз понятный и потому особо неприемлемый) проект. При таких условиях КДС подчас оказывается практически единственно доступными формой и методом макросоциального управления. Его дополнительное достоинство в этом случае заключается в том, что оно позволяет на протяжении длительного времени поддерживать приемлемые уровни конфликтности (внутристрановой, международной, смешанной) и таким образом обеспечивать создание желаемых правил игры, процедур и институций. Естественно, все это становится возможным лишь при условии сохранения контролируемости дестабилизации на протяжении всего необходимого для достижения названных целей периода.

Так, весь социалистический эксперимент в России, начиная с подготовки революций 1917 г. и заканчивая распадом Союза, можно без особых натяжек рассматривать как опыт макросоциального управления посредством КДС. Оно было макросоциальным, поскольку затрагивало исторические судьбы страны и мира на всем протяжении XX века. Оно было попыткой управления, его субъекты на каждом этапе стремились решать определенные стратегические задачи. Оно имело в высшей степени размытые цели: об определении социализма и тем более коммунизма спорят до сих пор, а идеологически сформулированные цели априори недостижимы; они – политические и, возможно, нравственные цели, но не параметры управления.¹⁹¹ Оно

¹⁹¹ Примером таких целей может быть лозунг «Больше социализма!», выдвинутый М.С.Горбачевым в начале перестройки. *Чего именно* должно было стать больше, особенно в свете начавшейся кампании гласности, объ-

категорически не желало считаться с реальными интересами, судьбами, самой жизнью людей. И по этим причинам оно, по большей части, выстраивалось на базе и посредством именно КДС, идет ли речь о репрессиях сталинского периода (бывших, о чем часто забывают, важным и по-своему эффективным способом управления тогдашней номенклатурой-элитой), о практике уголовно-экономического шантажа,¹⁹² утвердившейся как форма и метод управления той же элитой после XX съезда партии, или же о перестройке, о которой в связи с КДС сказано выше.

Поскольку роль макросоциальных проектов¹⁹³ в современной жизни явно обнаруживает устойчивую тенденцию к росту, востребованность КДС скорее всего в перспективе не снизится. Однако со второй половины XX века заметно меняется характер макросоциальных проектов. Если в прошлом такие проекты были порождением религиозного и/или идеологического фанатизма, ненависти на этнической или иной социальной почве, психической неадекватности царька или, чаще всего, сочетания всех этих и им подобных причин, то начиная со сталинской индустриализации макросоциальным проектам все более присущи рациональные черты. Легко увидеть, что в последовательности «советская индустриализация-манхэттенский проект-создание ракетно-ядерного комплекса-программа 'Аполлон'-термоядерная энергетика» неуклонно нарастают их общее рационалистическое начало, четкость и измеримость целей, позитивная связь с интересами растущего числа людей. И хотя при начале всех этих проектов их инициаторы не предвидели и не могли предвидеть всех долговременных итогов и последствий своих начинаний, управляемость их осуществления от проекта к проекту неуклонно повышалась.

Отсюда новое требование к методу КДС и формам его использования: он во многих случаях останется необходимым, даже безальтернативным. Но его применение должно теперь строиться так, чтобы на всех этапах, независимо от того, сколь продолжительным оно может оказаться, максимизировалась бы его конструктивная отдача и минимизировались издержки от его использования. Оценка политических и иных рисков обращения к КДС становится нравственным и практическим требованием, предварительное выполнение которого – и только оно – легитимирует применение КДС в принципе и в каждом конкретном случае.

Необходимость обращения к КДС в основе ее определяется, видимо, тем, что для изменения господствующих концепций и представлений, для начала крупномасштабных перемен чаще всего необходим достаточно глубокий, но при этом медленно назревающий кризис. Его перспектива ставит правящие группы и режимы, элиты и общество перед выбором: идти на необходимые, но чем-то неприятные (возможно, неприемлемые) меры; сохранять пассивность, тянуть время, надеясь, что «само рассосется»; использовать КДС как «меньшее зло» по сравнению с масштабами и последствиями неминуемого кризиса. В принципе есть и четвертая стратегия: заблаговременно предвидеть проблемы, вызовы, угрозы и опасности и принимать меры к их избеганию. Но такая стратегия требует соответствующего мента-

яснившей народу, что все предшествующее было почти сплошь только отклонениями, извращениями и преступлениями, а иного социализма страна не знала?

¹⁹² О практике такого шантажа именно как метода управления подробно писал в ряде своих работ А.Н.Яковлев.

¹⁹³ При этом содержание проектов – строительство социализма или коммунизма, распространение демократии, создание исламского халифата, модернизация человечества по образцу «зеленых человечков» с Альфы Центавра и т.п. – имеет в данном случае второстепенное значение по сравнению с методом управления реализацией проекта. Во всех подобных случаях его адептам придется прибегать к КДС, по крайней мере, на начальной фазе осуществления задуманного, а возможно, и много дольше. Показательно, что даже распространение демократии – явления вроде бы известного и в принципе неплохого – во всех случаях потребовало обращения минимум к КДС, а во многих случаях и к откровенно силовой политике.

литета.¹⁹⁴ На выборе стратегии сказываются национальный менталитет, исторические особенности культуры, политическое устройство страны. С учетом этих факторов, на протяжении XX – начала XXI вв. способность действовать на опережение в наибольшей мере показывают только демократические системы и англо-американские менталитет и культура; жестко авторитарные системы ждут кризиса.¹⁹⁵ Но и в демократиях (т.е. системах с развитыми обратными связями) эта способность оттягивает приход кризиса, но не снимает неизбежности прорывов стихийности развития вообще.

Возможности КДС как метода управления многообразны. Главная среди них – создание политического поля для начала желаемых перемен в условиях, еще позволяющих успешно опередить наступление кризиса и/или снизить его масштабы, длительность, издержки. КДС меняет реалии, вынуждая оппонентов перемен признавать то, что раньше удавалось «не замечать» или выдавать за малозначащее, десятистепенное. В созданной таким образом политически изменившейся среде становятся, в принципе возможны (хотя не неизбежны) сдвиги в господствующих идеологиях, концепциях, представлениях. Резко расширяются возможности применения властью-субъектом КДС неформальных средств и механизмов управления – в дополнение к или вместо номинально действующих традиционных формальных, – с одновременным или последующим выводом из «тени» и переводом всех или части новых методов управления в статус новопризнанных формальных. Первым результатом обращения к КДС, указывающим на ее потенциально возможный успех, служит в таких случаях нейтрализация на какое-то время политических сил, интересов и воззрений, препятствующих начатым переменам. Так достигается стратегический выигрыш времени и маневра для последующего перевода подобных групп и взглядов в политически проигрышный разряд «сил вчерашнего дня».

Главные издержки КДС связаны с риском ее срыва в неконтролируемую дестабилизацию с плохо прогнозируемыми, трудно поддающимися исправлению либо необратимыми (перестройка тому пример) последствиями. Подобный срыв и просто социально неудовлетворительный исход обращения к КДС способны глубоко и надолго подорвать доверие к политикам, силам и идеям – инициаторам КДС (пример – отношение к «оранжевой революции» в Украине в период ее совершения и два года спустя).

Особого внимания требуют *нравственные аспекты* использования КДС. В обоих ее вариантах – и как метод взлома, разрушения закоренившихся отношений и институтов, и как способ макросоциального управления – КДС опасно близко подходит к прямому обману в политике. Она может использоваться как метод и в целях обмана (как может использоваться подобным образом и почти весь прочий арсенал политики). Но может служить и вынужденным, притом эффективным способом преодоления особенно масштабных и укорененных сил социального и политического сопротивления. Нельзя закрывать глаза и на то, что как метод и форма политики КДС доступна разным силам – и ответственным реформаторам, и оголтелой реакции. Вокруг реальной или искусно симулируемой КДС возможны сложные политические игры, в результате которых общество может оказаться запутано и приписать ответственность за КДС и ее последствия вовсе не тем, кто был инициатором КДС или победителем в интригах вокруг нее. В любом случае, итоги такой КДС рискуют

¹⁹⁴ Не вдаваясь здесь в обсуждение этого крайне важного вопроса, заметим только, что «гром не грянет, мужик не перекрестится» – одна из наиболее распространенных российских поговорок.

¹⁹⁵ Красноречивый пример пассивности жесткого авторитаризма – судьба Н. Чаушеску, даже на фоне далеко зашедших перемен в бывших СССР и соцсоюзах не сделавшего ничего для собственного спасения и обреченного на трагедию страну и свою семью. Аналогичный пример продемонстрировала Россия в правление ее последнего императора.

надолго остаться в глазах общества и/или его значимых секторов лишенными моральной, психологической и/или правовой легитимности, что в свою очередь способно повлечь серьезные социальные мутации.

Ответ на эту сторону проблемы – в прямом и честном обращении науки и образования к открытому изучению сферы принуждения в политике. Поскольку жизни и политики без принуждения не бывает (сошлемся в порядке иллюстрации на концепции сдерживания, «дипломатии принуждения», «принуждения к миру» и т.п.), включение всей этой сферы в поле респектабельной науки (в отличие от загрифованных учебников спецслужб) позволит, в конечном счете, повысить позитивную отдачу средств, методов и стратегий принуждения и *ограничить злоупотребления принуждением*.

* * *

Политически КДС – неизбежность, что подтверждается историей. Практика обращений к КДС будет, скорее всего, множиться числом и становиться все более разнообразной по формам, методам и целям. Объективная потребность в управлении макросоциальными процессами, с одной стороны, а с другой, острый дефицит или полное отсутствие таких факторов управления, как основания его легитимности, необходимые знания и технологии (включая политические и социальные), институты (в западном смысле этого понятия, т.е. как принципы и правила игры) и механизмы – вместе взятое повышает вероятность обращения к КДС, делая этот метод, во многих случаях, незаменимым. Начавшаяся в 2000-е гг. международно-политическая глобализация открывает широкое поле для КДС в самых разных ее вариантах – внутри-страновых, транснациональных, глобальных – поскольку именно в сфере глобализации давно назрела потребность перейти от регулирования и *global governance* к реальному управлению, но именно здесь сделать это мешают перечисленные и многие иные факторы, а риски и издержки срыва КДС в неконтролируемую нестабильность особенно велики.

В этих условиях исследование КДС как явления и как метода управления, анализ теоретико-методологических вопросов такого исследования, изучение этических и теоретических проблем КДС как политической технологии, вопросов управляемости самой КДС представляются актуальнейшей научно-политической задачей.

**А.И. Байгушкин, к.ю.н., доцент Астраханского университета
Иницируемая политическая нестабильность
как метод возможного преодоления
финансового кризиса**

Не имеет смысла доказывать взаимосвязанность политической и экономической сфер жизни социума. Это аксиома. Споры ведутся по поводу приоритета одной из этих сфер по отношению к другой. Исследователи не могут договориться, какая из них детерминирует другую, но взаимосвязанность политики и экономики при этом никто не отрицает. Поэтому разразившийся финансовый кризис, начавшийся в США и постепенно накрывший весь мир, на наш взгляд создает новые условия для развития межгосударственных отношений. В этом выступлении нашей парадигмой является возможность инициирования политической нестабильности, в качестве одного из возможных способов преодоления государством (и соответственно обществом, которое оно представляет) кризисных явлений.

Следует учитывать, что любая держава мира стремится при помощи установления своего финансово-экономического, информационного, военно-политического, интеллектуального и другого возможного преобладания принудить окружающих ее

соседей выполнить свою волю. В результате межгосударственные отношения приобретают характер латентного противоборства направленного на навязывании своей воли другому субъекту международных отношений.

Обзор теоретических воззрений в политической науке на данный вид межгосударственного взаимодействия показывает, что в настоящее время отсутствуют концепции позволяющие сформулировать общий алгоритм успешного проведения такой политики. В том числе это относится и к такому разделу политологии, как конфликтология, где описывается природа и сущность политического конфликта, законы его протекания. Однако перевод в практическую методологию отсутствует, несмотря на то, что примеры из политической действительности приводятся и анализируются.

Другие концепции рассматривают отдельные элементы, применяющиеся в ходе латентной межгосударственной борьбы. Особую популярность получила тема информационного противоборства. Много интересного можно узнать из анализа истории дипломатии и противостояния специальных служб. Логику направленности рассматриваемого противоборства на стратегическом уровне дает геополитика. Однако целостной картины пока нет.

Основной причиной этому, по нашему мнению, является то, что любая попытка проанализировать и обобщить опыт такого вида межгосударственного противоборства приобретает формы конспирологических теорий, или как их еще называют «теорий заговора». Воззрения на политическую историю человечества с позиций названных теорий вызывает в свою очередь несерьезное отношение к ним ученых.¹⁹⁶ Этому способствует то, что факты внешнего вмешательства во внутригосударственные процессы (например, финансировании оппозиции, поставки ей оружия и иные формы влияния на внутренние дела суверенной страны, нередко нарушающих международно-правовые нормы) тщательно скрываются. В свою очередь контрэлита, пришедшая к власти благодаря зарубежной помощи, неизбежно будет дезавуировать любые «утечки информации» на этот счет.

Теории «мирового заговора», как нельзя лучше отвлекают от проблем организации и ведения целенаправленной государственной политики устремленной к инициированию политической нестабильности в других государствах для получения определенных политических и экономических выгод. Вместе с тем, если конспирология ищет сенсацию, окутанную мистическим налетом тайны из «жизни сильных мира сего», то в случае, о котором мы ведем речь, следует говорить о возможностях использования методов гуманитарных технологий для формирования политического курса на научных основах. Это, прежде всего, организация и проведение сбалансированных действий всех государственных и общественных структур, ориентированных на достижение единой цели – получение преобладающего положения своей страны в политической и экономической сферах над прочими государствами.

Методология создания внутреннего политического кризиса для отвлечения сил государства от успешной внешней политики или для лишения его каких-либо имеющихся у него бонусов на экстренное решение своих внутренних проблем имеет свою историю. Достаточно сказать, что на данный момент выпущено множество публикаций посвященных исследованию финансирования русских революций из-за рубежа.¹⁹⁷ Эти публикации приобрели за последние годы особую актуальность бла-

¹⁹⁶ В качестве такого примера на наш взгляд можно назвать работу Алексея Виноградова «Тайные битвы XX столетия», Издательство «Олма-ПРЕСС» 1999 г.

¹⁹⁷ Например, Павлов Д.Б., Петров С. А. Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904—1905 гг.) // журнал «История СССР» 1990, № 6; Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903 – 1920 гг. Факты. Версии. Размышления. – 2-е изд., доп. и перераб. – Смоленск: Русич, 2004; Г. Шиссер Русская рулетка: Немецкие деньги для русской революции / Г. Шиссер, Й. Трауптман; Пер. с нем. В.Ф. Дизендорфа. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004 (Серия «Историческая библиотека»); Э. Хереш Купленная ре-

годаря серии инициированных так называемых «бархатных революций» в Сербии, на Украине, Грузии и Киргизии, а также в результате неудавшихся аналогичных выступлений в Венесуэле, Узбекистане и в Молдове.

Появившееся в последнее время в статьях, специализированных исследованиях и даже некоторых служебных документах понятие, описываемое терминами «управляемый кризис», «управляемый хаос», «инициируемый социальный кризис» подразумевает вмешательство во внутренние дела суверенного государства, через инициацию на его территории ситуации, характеризующейся политической, экономической и социальной нестабильностью. Распространение этих терминов в исследованиях и статьях на политические темы служит дополнительным подтверждением отмеченной нами выше взаимосвязанности политики и экономики, поскольку понятие «управляемый кризис» пришло из работ по экономической теории. Особое развитие эта теория получила в Германии после войны и «включила в себя весь опыт национальной катастрофы, превращая немцев в экспертов антикризисного управления». ¹⁹⁸ Однако в первую очередь термин «управляемый кризис» относится к стратегии руководства коммерческой фирмой. Так, например Е. Могилевская и Л. Савицкая в своей публикации утверждают, что перемены к лучшему невозможны без преодоления кризисных состояний. Компании, которые стабильно лидируют на рынке, как правило, отличаются тем, что успешно используют кризис для выхода на новый уровень развития. А в ряде случаев, утверждают авторы, кризисное состояние необходимо специально создавать, чтобы мобилизовать защитные силы организма и таким образом предотвратить серьезное заболевание. В ряде известных компаний искусственное создание кризиса становится сознательной стратегией, когда руководители, которым удалось диагностировать скрытые симптомы будущего неблагополучия, запускали механизмы ускоренного развития кризиса (некоторые авторы называют такую стратегию «автогенным» кризисом). ¹⁹⁹ Так в качестве примера, где был использован «управляемый» или «автогенный» кризис в качестве элемента руководства авторами приведены такие известные компании, как Крайслер, Моторола, Дженерал Электрик.

Применительно к политической сфере общества следует говорить о явлении, которое на наш взгляд скорее можно обозначить понятием ***инициируемой политической нестабильности (ИПН)***. При детальном анализе его применения в описании некоторых процессов политической нестабильности отдельно взятых государств, наступает понимание, что данный термин объединяет в себе две формы осуществления ИПН.

Для понимания логики протекания инициируемой внешним окружением каждой из этих форм социальной нестабильности в целях достижения военно-политического и экономического ослабления заданного государства, а также для возможного преодоления собственных политико-экономических трудностей следует рассмотреть некоторые положения науки об управлении.

Так, в системе этой науки под *кризисной ситуацией* понимается состояние наиболее концентрированного, бурного и разрушительного проявления ***контролируемых*** параметров ситуации в переломный момент перехода ее в новое качество. Таким образом, о первой форме инициируемой социальной нестабильности в за-

волюция. Тайное дело Парвуса / Пер. с нем. И.Г. Бинево. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 (Серия «До-сье»); З. Земан, У. Шарлау Кредит на революцию. План Парвуса / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; Стариков Н.В. Февраль 1917: Революция или спецоперация? / 2-е изд., перераб. и испр. – М.: Яуза, Эксмо, 2007; Шамбаров В.Е. Нашествие чужих: заговор против империи. – М.: Алгоритм, 2007; Стариков Н.В. От декабристов до моджахедов. – СПб.: Питер, 2008 (Серия «Вне серии»).

¹⁹⁸ Кочеткова А. Управляя кризисом // журнал «Бизнес-журнал», 12 декабря 2006

¹⁹⁹ Могилевская Е., Савицкая Л. Управляемый кризис // журнал «Новый менеджмент», июнь 2007

данном обществе и государстве на наш взгляд можно говорить, как об **инициируемом управляемом кризисе (ИУК)**. При осуществлении этой формы отмечается попытка достижения инициаторами локальных, тактических целей как, например, отделение какого-либо важного региона, принуждение правящего режима к принятию выгодных внешнему окружению политических решений и тому подобное. Режим, в отношении которого задана иницируемая ситуация управляемого кризиса несмотря на высокую концентрацию разрушительных проявлений в обществе, еще имеет возможность контролировать ее развитие и осуществлять упорядочивающее воздействие. В свою очередь при проведении ИУК, еще можно говорить и о предполагаемой управляемости данной ситуации со стороны ее инициаторов.

Другим вариантом развития является **социальный хаос**. Иницируемая внешним окружением ситуация нестабильности в подобной форме служит достижению глобальных целей и преследует цель полного структурного разрушения общества, как например уничтожение старой и формирование новой политической системы.

Возвращаясь к теоретическим положениям науки об управлении, следует отметить, что какая-либо возможность осуществления контроля над хаосом, т.е. подчинения процесса протекания социального хаоса в необходимое русло путем некоего управляющего воздействия, осуществляемого человеком или группой лиц, полностью отсутствует. Именно поэтому социальный хаос (как в принципе и любой другой) не может быть управляемым. Это подтверждают и исторические примеры осуществления ситуаций социального хаоса, когда события, инициированные внешним окружением, приводили порой к непредвиденным, и, как правило, разрушительным для самих инициаторов результатам. Следовательно, термин «управляемый» в определении рассматриваемого понятия является не совсем корректным. Мы можем говорить об инициации хаоса в обществе и государстве, но не о его управляемости. Эти выводы справедливы и для экономической теории. Так, Кочеткова пишет, что «кризис-хаос неуправляем и деструктивен. Это черная дыра, события в которой находятся за горизонтом. В России мало специалистов, умеющих лечить кризисные системы и восстанавливать работоспособность компании, когда ее организм уже практически погиб».²⁰⁰

Таким образом, еще одной формой политической нестабильности является **инициируемая ситуация социального хаоса (ИССХ)**. Главным результатом проведения ИССХ является фактическая десоверенизация заданного государства, обусловленная полной или частичной утратой управляемости страны, ставшей жертвой дестабилизации.

Суммируя сказанное, представляется, что следует говорить о ситуации **инициируемой политической нестабильности (ИПН)**, под которой понимается *особый тип продолжительного направленного воздействия на государство в целом или отдельный его регион (регионы), характеризующийся искусственно созданной внутренней социально-политической нестабильностью, через которую инициаторами достигается преимущество политико-экономических позиций*. Здесь хотелось бы сразу подчеркнуть, что мы говорим о технологии именно инициирования данной ситуации, а не об эксплуатации складывающихся внутриобщественных негативных факторов политического и социально-экономического порядка.

Ее инициаторами или **внешним окружением** является обобщенная совокупность юридических и (или) физических лиц, противопоставляющих себя политическим структурам заданных территорий. Основой для их корпоративности может являться иностранное происхождение или этническая, конфессиональная и идейная общность внутри самого заданного ими общества. При этом мы не исключаем возможности инициирования политической нестабильности и правящими, властными

²⁰⁰ Кочеткова А. Управляя кризисом // журнал «Бизнес-журнал», 12 декабря 2006

структурами в собственной стране. В частности это может быть применимо для получения права на принятия какого-либо решения не популярного в обществе, но открывающего правящей элите новые возможности в политической и экономической сферах.

Субъектами ситуации ИПН выступают физические лица или организации из внешнего окружения принявшие участие в непосредственной разработке сценарной программы (сценария) иницируемой ситуации нестабильности и организации ее проведения, а также лица из граждан заданных территорий, которые содействовали в ее осуществлении. Соответственно объектом ИПН является **центр (режим спокойствия)**. Это политический режим, осуществляющий легальный (законный) социально-политический и экономический контроль над территориями интересными внешнему окружению. Центр представлен определенной социальной группой или группами населения, являющимися социально-политическим основанием заданного общества и государства.

Таким образом, **заданная территория** – государство или регион, где иницируется проведение ситуации нестабильности, а **историческое событие** – форма проведения ИПН, определяемая задачами и путями их достижения, которые ставит перед собой внешнее окружение. Для непосвященных иницируемая ситуация предстает в виде объективно обусловленного социальной необходимостью события.

Проведение ИПН подчиняется двум основным характеристикам: относимость к определенному периоду времени (заданность во времени) и направленностью своего развития (заданность цели). Заданность во времени предполагает иницирование нестабильности в конкретный момент и в ряде случаев продолжительность самого проведения. Направленность в свою очередь предполагает последовательность событий. Это своеобразная цепочка событий каждое, из которых предопределяет следующее. Вектор ее направленности ведет к достижению поставленной внешним окружением цели проведения нестабильности.

Основной особенностью ситуаций ИПН является то, что они носят планомерный (сценарный), целенаправленный и скрытый характер.

Планомерность ИПН проистекает из понимания внешним окружением своих возможностей и путей достижения необходимых результатов по отношению к заданному региону. В этих целях создаются, и содержатся специальные общественные и государственные институты, которые проводят огромную подготовительную работу, позволяющую определить необходимую форму ИПН, разрабатывают план его проведения (сценарий). Таким образом, данная деятельность позволяет говорить о понимании, предвидении и целенаправленном достижении последствий тех событий, которые иницируются.

Скрытность иницированного кризиса заключается в создании иллюзии естественности «исторических событий», их, якобы не программируемом возникновении, как исторической необходимости и результата «политического творчества народных масс» и т.п. Данная особенность проистекает из механизма организации и проведения процессов ИПН. В основе проведения любой иницируемой политической нестабильности лежит возможность манипулирования, скрытого управления субъектами (задействованными участниками) исторического события. Подобное управление возможно только тогда, когда подвергшиеся ему не догадываются о проводимой над ними манипуляции. Таким образом, основным условием успешного проведения сценария ИПН является необходимая убежденность народов заданного государства (региона), что только их воля есть источник политических и государственных преобразований.

Поскольку многообразие этнических общностей, социальных устройств и текущих социально-политических процессов ведет к индивидуализации выборов формы исторического события и путей его проведения, то соответственно для каждого кризиса создается своя сценарная программа инициирования социальной нестабильности. Соответственно в зависимости от цели выбирается и форма социального возмущения («исторического события»). Например, при ведении военных действий для отвлечения вооруженных сил противника в его тылу может быть организованы такие «исторические события», как *восстание* или *гражданская война*. Если предполагается ИПН в форме инициируемой ситуации социального хаоса, то в таком случае предполагается структурное разрушение общества. Это делается с целью приведения к власти новой правящей элиты для принятия политически-выгодных внешнему окружению решений. Так может быть подготовлен *военный переворот* или *революция*. Для получения контроля над наиболее значимыми в стратегическом плане регионами, внешним окружением проводятся мероприятия по их отсоединению, организуются *национально-освободительные движения*, с последующим их оформлением в *суверенные государственные образования*, полностью подконтрольные организаторам ИПН.

Однако такой метод, как инициирование нестабильности в социально-политической сфере общества, можно использовать и при решении внутриэкономических проблем. Здесь следует уточнить, что присутствующий в названии термин «финансовый кризис», скорее дань настоящему моменту, чем описание технологий для преодоления именно этого вида экономического кризиса.

В стратегическом плане мы можем говорить о нескольких путях применения обозначенной парадигмы с целью преодоления негативных процессов в экономической сфере общества. Во-первых, это возможность через инициирование политического кризиса в отношениях с другими странами переориентировать курс государства. Новый политический курс позволит правящей элите получить возможные экономические преимущества или просто отвлечет общество от собственных внутренних проблем. Так мы видим возможность решения экономических задач через действия в политической сфере. Это положение очень хорошо иллюстрирует пример 11 сентября 2001 года, если принять точку зрения тех представителей общественности, кто заявляет об инсценировке организации террористической атаки на США американскими специальными службами. Достаточно сказать, что в сентябре 2001 года неоконсервативным научным центром, участниками которого являлись Д. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Вульфовиц и Д. Буш выпущен доклад «Перестройка американской обороны» в котором в частности отмечено, что процесс трансформации американских вооруженных сил будет эффективным, но очень долгим процессом, если не произойдет катализирующего катастрофического события, наподобие Пирл-Харбора. Хочется отметить, что прозвучавший намек на «внезапное» нападение японского флота на американскую базу Тихоокеанского флота на Гавайских островах, послужившего причиной войны между США и Японией на наш взгляд не случаен. Среди некоторых современных историков распространено мнение, что указанное событие декабря 1941 года было также спровоцировано американским политическим руководством. Это японское нападение позволило осуществить желание американских военно-промышленных корпораций – вступить в войну, при полной поддержке общественности, которая была против участия США в каких-либо вооруженных действиях. Сегодня, теми, кто считает инсценировкой террористическую атаку на США в сентябре 2001 года, проводятся параллели именно с Пирл-Харбором.

В качестве дополнительного варианта следует рассмотреть возможность отвлечения общества на внешнеполитические события от провалов в экономике. Лучшее всего это иллюстрирует история России начала XX века. Однажды министр внут-

ренных дел царского правительства Плеве заявил Николаю II, что для того чтобы предотвратить революцию в России нужна маленькая победоносная война. Предполагается, что именно эта установка нейтрализовала стремление царских властей к предотвращению русско-японской войны, которая своим поражением инициировала революцию 1905-1907 гг. Более современным примером такой направленности применения внешнеполитического кризиса является, на наш взгляд, осетино-грузинский вооруженный конфликт.

Можно давать разный анализ происшедшим событиям в августе 2008 года в Южной Осетии, но ясно одно, что их наступление было детерминировано всей политикой грузинского руководства, начиная с момента обретения республикой независимости. Формирование образа внешнего врага из России, и ее «сателлитов» - неподвластных автономий Абхазии и Южной Осетии, большинство населения которых к тому же являлись гражданами РФ, началось еще при режиме Шеварднадзе. Можно предположить, что с распадом СССР и разрывом союзных экономических связей, отрывом Грузии, не имеющей богатых месторождений, и развитой промышленной инфраструктуры от российских дотаций вместо обещаемого процветания получился резкий социальный спад. Это заставило грузинское руководство переключиться на поиски внешней угрозы, наличие которой должно было консолидировать общество, заставить его отказаться от многих социальных проектов, выполнение которых невозможно в силу объективных экономических причин и к тому же с пониманием отнестись к падению социального уровня жизни. Правильность этого предположения отчасти подтверждают массовые выступления оппозиции против режима Саакашвили в 2007 году, которые указывают на обострившиеся отношения между общественностью и властью в результате нерешенности многих социально-экономических проблем.

Логическим результатом этой политики стала подготовка Грузии к силовому решению «территориальных проблем». При этом нельзя исключать, что общественность этой закавказской республики действительно желала войны, поскольку в течение нескольких десятилетий ей внушалась мысль, что в ее внутренних бедах виновата Россия и «покорные» ей Абхазия и Южная Осетия. Таким образом, последовавшие за поражением в войне массовые выступления против режима Саакашвили, на наш взгляд, условно можно назвать синдромом «русской революции», став своеобразной реакцией на разгром грузинской армии.

В случае появления симптомов внутреннего кризиса, для его разрешения могут применяться методы направленные на ускорение его наступления. При реализации этого варианта, как властные, так и оппозиционные структуры, сделав правильный расчет своих возможностей, могут использовать вызванную нестабильность в своих целях. Сегодня называются различные причины настоящего финансового кризиса в США, и никто при этом не имеет права однозначно утверждать об умышленности его зарождения. Однако никто в равной степени не может отрицать и то, что возможно в среде выявленных кризисных явлений американского общества мог быть запущен катализатор, приведший к ипотечному кризису. В этом смысле интересны исследования проведенные аналитиком Дугласом Макинтайра. С помощью финансовых моделей в своих расчетах он выявил так называемого «нулевого пациента» нынешней рецессии. Этот человек «приобрел в 2003 году дом в городе Стоктон, штат Калифорния (США). Для этого он получил ипотечный кредит в размере \$250 тысяч без предварительных выплат. Через 39 месяцев он потерял работу и в 2006 году объявил себя банкротом. В архивах компании Countrywide, выдавшей ему кредит, наверняка хранится и имя, адрес, и номер телефона этого человека. В день этого первого неожиданного неплатежа стоимость домов по соседству снизилась незначительно. Но затем следующий человек из этого же ипотечного пула отказался

выплачивать кредит, за ним другие – и так далее, пока вскоре не образовалась лавина неплатежей».²⁰¹ Здесь, на наш взгляд, вполне уместно предположить, что если при помощи указанных финансовых методик можно вычислить точку отсчета развала системы, то что мешает с помощью тех же методов и математического моделирования просчитать сценарий такого развала?

Далее кризис ипотеки перерос в кризис рынка недвижимости, тот, в свою очередь – в масштабный финансовый кризис, который быстро набрал обороты и стал мировым, который, в свою очередь, несомненно, повлиял на политический выбор американцев. Впервые в истории этой страны выбран чернокожий президент, сменивший на этом посту представителя республиканской партии, бессменно правившей начиная с 1998 года. Таким образом, Барак Обама являвшийся кандидатом от демократов, по сути, представлял политическую оппозицию и его победа – это победа оппозиции победившей своих политических оппонентов. Вместе с тем, Интернет-сообществом отмечается, что нынешней рецессии предшествовал скандал на тему введения единой северо-американской континентальной валюты, наподобие европейского евро – амеро.²⁰² Данный скандал связан с проектом построения северо-американского сообщества, который представлял переработанный вариант европейской интеграции. Соответственно предполагалось, что в качестве реализации планов по его строительству будет использован уже апробированный в Европе сценарий создания единого континентального союза. Так, в частности проект предполагал пересмотр границ Канады, Мексики и США таким образом, чтобы убрать внутренние рубежи и создать так называемый Североамериканский Союз (NAU).

На наш взгляд, приведенный анализ ИПН позволяет говорить о дальнейшей необходимости углубленного рассмотрения этой темы, проработки и уточнения ее терминологии. При этом особое внимание, наверное, следует уделить сочетанию экономических и политических методов анализа, что в дальнейшем обеспечит возможность формирования методологии строительства межгосударственных и внутриобщественных отношений соответствующих современным вызовам эпохи глобализации.

Заключение

Разумеется, в рамках проведенной конференции не удалось полностью и исчерпывающе ответить на все поставленные перед ее участниками вопросы. По ряду проблем наметился довольно широкий разброс высказанных суждений. В то же время, можно констатировать, что большинство выступавших и участников дискуссии выразили согласие по следующим сюжетам.

Нынешний глобальный кризис не является только лишь очередным «ординарным» проявлением цикличности развития рыночной экономики. Он выступает порождением суммы противоречий мирсистемного порядка, связанных как с состоянием мировой финансовой системы, международных экономических отношений (МЭО), так и военно-политическими, социально-экономическими и социокультурными фак-

²⁰¹ Кризис или заговор? / сайт Dometra.ru Энциклопедия недвижимости, публикация от 05.12.2008 г. <http://dometra.ru>

²⁰² Time отыскал «нулевого пациента» мирового финкризиса. / ИА «Росбалт», публикация от 09.02.2009 г. <http://news.mail.ru/economics/2357459/etra.ru/docs/3794/>

торами. Речь идет об исчерпании ресурсов модели развития, основанной на идеях экономического либерализма, которые преобладали в странах Запада в 1980-1990-е годы и в России – после распада СССР. Отрыв финансовой сферы от реальной экономики, безответственные действия многих банков, предоставлявших «дешевые» кредиты без должного обеспечения и «легкомысленность» заемщиков, не думавших, как они будут отдавать эти кредиты, рост числа рухнувших финансовых пирамид и т.д. это – не причины кризиса, а симптомы несостоятельности принципов организации экономической жизни как в глобальном масштабе, так и рамках отдельных стран. Основа основ существующей системы МЭО – использование доллара в качестве главной резервной валюты, равно как и способность правящих кругов США эффективно осуществлять военно-политическое глобальное лидерство, обеспечивать стабильность миропорядка, также оказались под вопросом.

Беспрецедентность кризиса затрудняет оценку его возможных последствий и продолжительности. Методология предсказания кризисов также еще далека от совершенства, ее развитие требует тесного взаимодействия ученых различных отраслей знания, которые недостаточно контактируют друг с другом – экономистов, социологов, политологов, футурологов, международников, историков, культурологов и т.д. Это обусловлено тем, что сроки наступления любого кризиса определяются факторами не только экономического порядка, но и состоянием иных сфер общественной жизни, международных отношений.

Сложность проведения соответствующего анализа, невозможность гарантировать абсолютную точность кризисного прогнозирования не означают, что в этом нет необходимости. Другой вопрос, что политическая и деловая элита нередко относится к подобным, научно обоснованным прогнозам, как к выкладкам астрологов или неуместному провоцированию алармистских настроений.

Оценка действий правительств ведущих стран мира по борьбе с кризисом участниками конференции была умеренно-скептической. Бесспорно, меры по государственной поддержке и реорганизации крупнейших банков, корпораций, стимулированию потребительского спроса, социальную поддержку лицам, пострадавшим от кризиса, которые предпринимаются повсеместно, могут дать определенный эффект. Однако в лучшем случае, это приведет к временному восстановлению докризисной ситуации без устранения глубинных причин кризиса, что определит высокую вероятность его рецидива в ближайшем будущем. В худшем случае, имеющиеся ресурсы будут истрачены на амортизацию текущих последствий кризиса, с перспективой обострения всех проблем по мере его углубления. Показной оптимизм, основывающийся на конъюнктурных оценках «замедления темпов спада», росте в отдельных секторах экономики и т.д. и т.п. едва ли обоснован.

Показательно, что на встречах лидеров ведущих стран мира предложения о начале структурных реформ в мировой экономике, в частности отказе от доллара как единственной резервной валюты, закрытии оффшорных зон, выдвигавшиеся российской стороной, не получили поддержки. Даже согласованные решения о недопущении перехода к протекционистской политике как мере, способной усугубить кризис, нередко нарушаются. Все это говорит о том, что правящие элиты большинства государств пока не готовы воспринять кризис как системный, требующий, вполне вероятно, непопулярных кардинальных перемен в экономической и социальной политике.

Большие сомнения на конференции были выражены относительно адекватности политики России создавшейся ситуации. Отмечалось, что из-за односторонней, энерго-сырьевой ориентации ее экономики она пострадала от кризиса больше, чем страны Запада и многие развивающиеся государства. Предпринятые меры по поддержке крупнейших банков позволили предотвратить крушение финансовой систе-

мы, но они не привели к удешевлению кредитов, значительную часть полученных средств банкиры использовали для валютных спекуляций. Констатировалось, что сформулированная стратегия развития, предусматривающая диверсификацию экономики, внедрение инновационных технологий, борьбу с коррупцией, принявшей масштабы общенационального бедствия, решение социальных проблем выглядит весьма привлекательно. Однако нет никаких гарантий, что поставленные цели будут достигнуты в условиях кризиса, коль скоро в «тучные» годы первого десятилетия XXI века успехи модернизационной политики оказались более чем скромными.

В числе факторов, обуславливающих трудности на пути развития модернизационных процессов в России, выделялись, в частности, следующие:

- слабое развитие мелкого и среднего предпринимательства, которое в других странах наиболее динамично и отзывчиво к инновациям;

- отсутствие прозрачности и открытых дискуссий при принятии решений стратегического характера, что делает их малопонятными обществу, повышает риск просчетов при их подготовке и реализации. Наглядным примером выступает начатая в 2008 г. военная реформа, по поводу которой существует больше вопросов, чем ответов;

- низкий уровень развития и активности институтов гражданского общества, что сужает потенциал массовой поддержки любых преобразований «снизу», передает инициативу их разработки и проведения в руки правящего «бюрократического класса», который отнюдь не однороден в своем отношении к любым переменам, особенно в сфере борьбы с коррупцией и казнокрадством;

- восприятие «верхами» модернизации общества, прежде всего, под углом зрения решения задач экономического и, отчасти, социального порядка, хотя опыт успешных (и неуспешных) модернизаций свидетельствует о необходимости параллельных или упреждающих трансформаций политической системы.

Несомненно, что глобальный кризис окажет значительное влияние на положение во всех странах мира. Однако, по мнению большинства участников конференции, ожидать столь же разрушительных и катастрофических последствий, как после кризиса 1929-1932 гг., связанных с приходом к власти фашистского режима в Германии и, в конечном счете, к мировой войне, в ведущих странах демократии не приходится. Значительно возросшие возможности государственного регулирования экономики и социальных отношений, большой опыт, накопленный политической и деловой элитой, прочность демократических традиций, возросшая глобальная взаимозависимость позволяют предположить, что каких-либо радикальных перемен, угрожающих международной безопасности в государствах «старой демократии» не произойдет. В то же время, можно ожидать расширения регулирующих начал государства в экономике, определенного ограничения гражданских прав и свобод во имя обеспечения внутренней безопасности. Последнее, скорее всего, потребует в связи с неизбежной активизацией в условиях кризиса миноритарных правых и левых экстремистских групп, обострением социальных и этносоциальных проблем, связанных с миграциями и инокультурными мигрантами. В итоге, ряд характерных черт и особенностей, присущих либеральной демократии могут уйти в прошлое, им на смену придут новые модели демократической организации политической жизни.

Более тяжелые политические последствия кризис может вызвать в странах с односторонне развитой, среднеразвитой или слаборазвитой экономикой, недавно вступившие на путь демократии, а также не отвечающие критериям демократии. Для многих из них может оказаться притягательным пример Китая, который уже продемонстрировал эффективность избранной им модели развития, сочетающей авторитаризм с находящейся «под надзором» государства рыночной экономикой, интегрированной в систему мирохозяйственных связей. Даже в условиях глобального кризи-

са КНР сохраняет позитивную динамику развития. Во многом это объясняется уникальными цивилизационными характеристиками и традициями Китая, что ограничивает вероятность успешного заимствования его опыта. Тем не менее, вполне вероятно, что в ряде стран Азии, Африки, Латинской Америки, а также на постсоветском пространстве произойдет откат от принципов демократии. Не исключено, что возрастет число «несостоятельных» или «несостоявшихся» государств, которые, наподобие Сомали или Афганистана, станут ареной международного пиратства, терроризма, наркомафии и иной криминальной деятельности.

На вопрос о том, существует ли опасность, что трудности отдельных стран будут использованы внешними и внутренними экстремистскими силами и движениями для их политической дестабилизации, были получены весьма неординарные ответы. Была выдвинута гипотеза, что дестабилизация как инструмент управления, заставляющий общество принять перемены, к которым оно не готово, которых оно не хочет, может быть инициирована «сверху» правящими кругами. Правда, при этом всегда существует риск перехода к ситуации неуправляемого хаоса, из которого формируется качественно новый порядок. Отмечалось, что проблема субъектов дестабилизации, их интересов и целей в условиях глобального кризиса, форм подрывных действий, их возможных последствий, противодействия им недостаточно исследована отечественной наукой, во многом отдана ей на откуп публицистам, изобретающим различные теории «заговоров». Соответственно, возникает необходимость углубленного изучения проблем стихийного и организованно возникающего «хаоса» в мировой политике, национальной политической жизни и порождаемого им нового порядка.